

В. М. ЗЕНЗИНОВЪ.

СТАРИННЫЕ ЛЮДИ У ХОЛОДНАГО ОКЕАНА.

РУССКОЕ УСТЬЕ
ЯКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
ВЕРХОЯНСКАГО ОКРУГА.

Съ 63 рисунками въ текстѣ.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
В. В. БОГДАНОВА.

Издание второе, исправленное и дополненное.

МОСКВА.

Типографія П. П. Рябушинскаго, Страстной бульваръ, соб. домъ.
1914.

Научный Центр
гуманитарныхъ исследований
коренныхъ малочисленныхъ
народовъ Севера

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ день за днемъ, будто дождь дождить,
Недѣля за недѣлей, какъ трава растеть,
А годъ за годомъ, какъ рѣка бѣжить.

Такъ медленно и непримѣтно идетъ время въ былинѣ:
„Добрыня въ отъѣздѣ“ (Рыбниковъ, I, 25).

И казалось, едва ли оно можетъ еще гдѣ нибудь итти такъ медленно и такъ непримѣтно. Мы, люди интеллигентные, живемъ очень нетерпѣливо и быстро мѣняемся: десятилѣтіе за десятилѣтіемъ дѣлитъ насъ на поколѣнія, нерѣдко чуждыя другъ другу. Русскій народъ, во всей своей массѣ, тоже теряетъ черты быта, вѣрованій, произведенія художественнаго творчества если и не такъ быстро, то все-же неизбежно и безвозвратно. Даже русскіе инородцы, роковымъ образомъ столкнувшись съ русской культурой, преобразуются до неузнаваемости, а нерѣдко и вовсе исчезаютъ съ лица земли.

Старинныхъ людей нѣтъ теперь даже у насъ въ Россіи,—такъ можно было думать до недавняго времени, пока не появился этнографическій очеркъ В. М. Зензинова: „Русское Устье Якутской области Верхоянскаго округа“, напечатанный въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ за 1913 г., № 1-2 и отдѣльными оттисками. До этого очерка русская этнографія знала также не мало описаній тѣхъ или другихъ

пережитковъ старины; но это были только отдѣльные пережитки,—не было такихъ яркихъ бытовыхъ портретовъ людей, которые въ тѣхъ или другихъ случаяхъ переживали старину. В. М. Зензиновъ далъ эти портреты. Ему удалось самому прожить съ людьми, которые не знаютъ и не хотятъ знать измѣнчивой судьбы вѣковъ, которые живутъ, вѣкъ сомнѣнія, такъ же, какъ и ихъ пращуры, впервые пришедшіе къ Ледовитому океану на Индигирку, возможно еще при Иванѣ Грозномъ, и ужъ не позднѣе царствованія Алексѣя Михайловича. За эти 300—350 лѣтъ они подверглись здѣсь, въ царствѣ нордъ-оста, снѣга и льдовъ, своего рода анабіозу: застыли со всѣмъ укладомъ своей жизни, своей мысли и своего говора и оттаять пока не могутъ.

Грустно ли это, нормально ли — вопросъ другой. Но разъ фактъ существуетъ, онъ пріобрѣтаетъ цѣнность чрезвычайно выдающагося явленія. Я думаю, что археологъ считалъ бы для себя величайшимъ счастьемъ, если бы, раскопавъ могилу XVI-го или XVII-го вѣка, онъ могъ хоть сколько-нибудь правдиво облечь вырытый имъ древній скелетъ въ надлежащія одежды жизни, дать ему душу, услышать его рѣчь. Древнихъ людей въ Русскомъ Устьѣ ему откапывать не надо. Передъ нимъ, въ Русскомъ Устьѣ, эти древніе люди какъ бы и не умирали. Здѣсь о нихъ и ихъ древности ему не приходится судить по ихъ костку. Они сами—живая старина.

Но особенную цѣнность этотъ русскій древній оазисъ среди окружающихъ инородцевъ имѣетъ въ вопросахъ этнографіи. Для этнографіи нѣтъ большаго зла и врага, чѣмъ цивилизація, въ европейскомъ смыслѣ этого слова.

Жители Русскаго Устья равнодушны не только къ какому бы то ни было гражданскимъ правамъ, но даже къ грамотѣ. И можно смѣло сказать, что они во всемъ подобны

не только своимъ пращурамъ время Иванъ IV-го, но и своимъ болѣе раннимъ предкамъ, которые ради привольныхъ промысловъ ходили изъ Новгородской земли въ завѣтные мѣста Европейскаго Сѣвера, а затѣмъ—и Сибири. Поэтому для этнографіи бытовые портреты устьянцевъ, картины ихъ семейной и общественной жизни, промысловъ, и вообще хозяйства, ихъ вѣрованія и творчество—есть доподлинная народная старина.

Вмѣстѣ съ тѣмъ устьянцы отражаютъ на себѣ нѣкоторое вліяніе государственной опеки: государственной администраціи, казны, пожалуй, даже идеологіи. Но эта опека, съ одной стороны, подходитъ къ нимъ съ едва замѣтными слѣдами настоящей органической силы, съ другой—они сами такъ внутренне сильны и солидарно организованы, что почти и не отражаютъ на себѣ этого посторонняго для нихъ государственнаго вліянія. И здѣсь невольно напрашивается вопросъ историческаго значенія: московская государственность въ борьбѣ съ Новгородомъ встрѣтила препятствіе только ли въ новгородскомъ государственномъ укладѣ или также и въ той внутренней организованности народныхъ массъ, древній пережитокъ которой уцѣлѣлъ въ Русскомъ Устьѣ.

Наконецъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ фактомъ вольной великорусской колонизаціи „пустопорожнихъ земель“. Вопросъ колонизаціи даже болѣе южныхъ пространствъ Сибири и Европ. Россіи у насъ—больной вопросъ. Имъ заняты цѣлыя организаціи; на выполненіе его ассигнуются огромныя матеріальныя средства. И все-таки о полномъ успѣхѣ говорить не приходится. Расчеты нашей административной колонизаціи построены исключительно на ресурсахъ земледѣльческаго хозяйства. Другіе типы колонизаціи, напр., для рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ на Мур-

манѣ, у Бѣлаго моря и друг., у насъ не удаются. Въ Русскомъ Устьѣ мы имѣемъ типъ колонистовъ-промышленниковъ. Борьбу съ суровой природой, конкуренцію съ сосѣдями-инородцами они выносятъ образцово. Въ чемъ причина этого успѣха, и не могутъ ли они хоть въ чемъ-нибудь быть примѣромъ для задачъ современной колонизаціи — вотъ вопросъ, который можетъ занять нашу общественную мысль.

Вообще очеркъ В. М. Зензинова, правдивый и содержательный, пріобрѣтаетъ еще большій интересъ, когда подходишь къ тѣмъ разнообразнымъ вопросамъ, на которые очеркъ наводитъ. Я съ особеннымъ удовольствіемъ впервые напечаталъ его въ редактируемомъ мною журналѣ „Этнографическое Обозрѣніе“ и теперь съ неменьшимъ удовольствіемъ печатаю его вторымъ изданіемъ.

Вл. Богдановъ.

Русское Устье Якутской области Верхоянского уѣзда.

I. Географическія условія.

Находится Русское Устье на крайнемъ сѣверѣ Восточной Сибири, на рѣкѣ Индигиркѣ, въ 80-ти верстахъ отъ Ледовитаго океана; точное географическое положеніе этого мѣста— $71^{\circ}1'$ сѣверной широты $149^{\circ}26'$ восточной долготы ¹⁾. Оно почти на два съ половиной градуса сѣвернѣе Нижне-Ко-

Рис. 1 Въ Русскомъ Устьѣ въ полночь.

лымска, на нѣсколько минутъ сѣвернѣе Усть-Янска и лежить на предѣлѣ человѣческаго жительства вообще—дальше идетъ ледяная пустыня Сѣвернаго океана.

Мѣстность тундряная, сильно болотистая, съ массой озеръ.

¹⁾ Въ качествѣ административно-ссылнаго мнѣ пришлось прожить въ Русскомъ Устьѣ съ января по ноябрь 1912 года; ранѣе ссылка политическихъ въ это мѣсто не практиковалась.

протоковъ и рѣчекъ. Растущій кое-гдѣ по тундрѣ тальникъ (кустарники ивы) рѣдко поднимается надъ землей выше полуаршина, верстахъ въ 30-ти отъ Русскаго Устья къ сѣверу пропадаетъ вовсе, но верстахъ въ 60-ти къ югу стано-

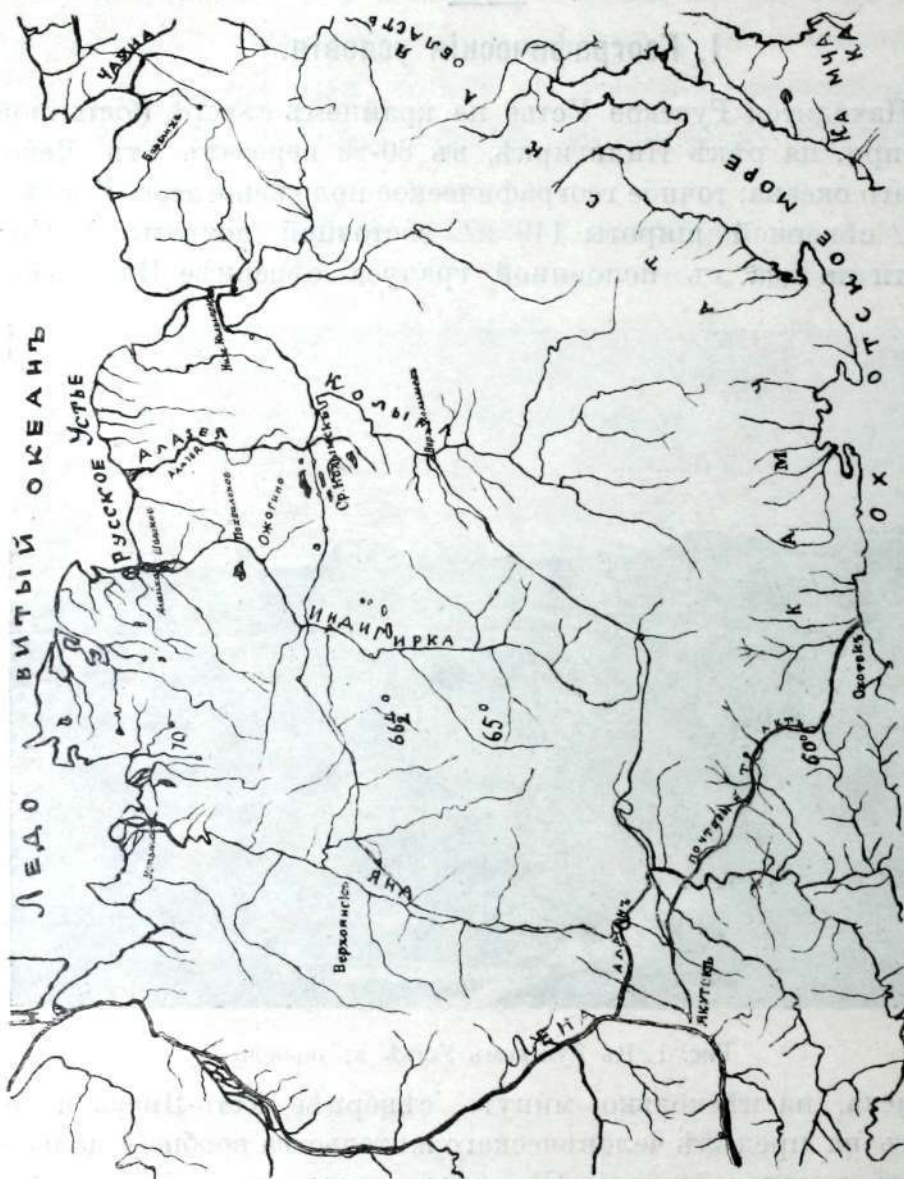

Рис. 2. Карта Якутской области на востокъ отъ Лены.

вится гуще и выше—до сажени. Въ 60—70-ти верстахъ отъ Русскаго Устья къ югу Индигирку пересѣкаетъ каменистая возвышенность, которая грядой идетъ отъ р. Яны къ Колымѣ въ В или СВ направленіи. Южнѣе „камня“ начинается лѣсъ.

Зимою здѣсь часты жестокія пурги, во время которыхъ снѣгъ можетъ засыпать домъ—выходить въ это время на улицу не безопасно; послѣ такихъ пургъ приходится откапываться изъ-подъ снѣга, какъ изъ-подъ обвала. Зимняя обстановка очень печальна—кругомъ, куда ни взглянешь, безпредѣльная снѣжная пустыня, на которой скоро устаютъ глаза, а самый поселокъ, съ нѣсколькими полузасыпанными домами, со стороны еле замѣтенъ. Лѣтомъ съ крыши дома видны всюду безчисленные заливныя озера и болота (лайды

Гис. 3. Въ Русскомъ Устьѣ: видъ на часовню.

и бадараны), оттаявшая на какіе-нибудь поларшина тундра никогда не просыхаетъ, и круглое лѣто вода стоитъ даже между домами; самое селеніе въ это время пустоуетъ, такъ какъ всѣ жители разбредаются на лѣто по рыболовнымъ пескамъ, возлѣ которыхъ живутъ со своими семьями въ построенныхъ тамъ землянкахъ (урасѣхъ).

Благодаря близости моря зимы въ Русскомъ Устьѣ мягче, чѣмъ въ Верхоянскѣ и даже Якутскѣ— 50° по Цельзію морозы достигаютъ рѣдко (въ Верхоянскѣ доходятъ до— 70°);

лѣтомъ выпадаютъ дни съ температурою до 30° тепла, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкое лѣто проходитъ безъ заморозковъ и снѣга. Что касается средней годовой температуры, то, по сравненію со всѣми остальными пунктами Сѣверо-Восточной Сибири, гдѣ когда-либо производились правильныя метеорологическія наблюденія, — Русское Устье имѣетъ самую низкую.

Лѣто здѣсь очень коротко: вскрывается Индигирка въ послѣднихъ числахъ мая—первыхъ іюня, замерзаетъ—въ серединѣ сентября. Послѣдній снѣгъ сходитъ съ тундры въ первой половинѣ іюня, въ августѣ высыпаетъ свѣжій. И зиму и лѣто часты сильныя вѣтра—зимой они приносятъ пургу, лѣтомъ—поднимаютъ на рѣкѣ и озерахъ высокіе валы,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ они заставляютъ сидѣть дома, такъ какъ единственными способами передвиженія являются: зимой—собаки, лѣтомъ—„вѣтка“ (маленькій одновесельный челнъ).

13-го ноября солнце сходитъ съ горизонта и снова появляется 6-го января; съ конца ноября до середины декабря—самое темное и тоскливое время въ году: сумеречный день длится всего лишь 2—3 часа. За то лѣтомъ оно свѣтитъ день и ночь почти цѣлыхъ три мѣсяца: 28-го апрѣля въ полночь уже можно было видѣть на сѣверѣ край солнца, закатываться же оно начинается 20-го іюля.

II. Прошое Русскаго Устья.

Верхоянскіе мѣщане, насчитывающіе въ настоящее время (лѣто 1912 г.) всего 464 души (мужчины, женщины, дѣти), заселяютъ нижнее теченіе р. Индигирки, впадающей подъ 71° широты въ Ледовитый океанъ. Они заселяютъ эту рѣку, начиная съ 69° с. ш. (с. Полоусное и Ожогоино), до самаго моря, живутъ по тремъ рукавамъ ея, которыми Индигирка впадаетъ въ океанъ, и отчасти доходятъ до р. Алазеи —на востокъ 250 в. отъ Индигирки; между крайними селеніями считаютъ приблизительно 500 в. по рѣкѣ. Этотъ клинъ, обращенный основаніемъ къ морю и занятый русскимъ насе-

леніемъ, врѣзался въ толщу сплошнаго инородческаго населенія—якутовъ, юкагировъ („каменныхъ“ и „тундряныхъ“), ламутовъ, тунгусовъ и чукчей. Русскіе образуютъ верховянское мѣщанское общество со своими управой и старостой, живущимъ въ Русскомъ Устьѣ. Поселковъ всего насчитывается 30 съ 55 „дымами“ (отъ 1 до 6 „дымовъ“ въ каждомъ).

По сохранившемуся отъ стариковъ преданію, предки здѣшнихъ мѣщанъ были выходцами изъ Россіи. Спасаясь отъ тягостей ратной службы ¹⁾, жители разныхъ городовъ еще при Иванѣ Грозномъ ²⁾ на ботахъ и кочахъ вышли изъ Россіи

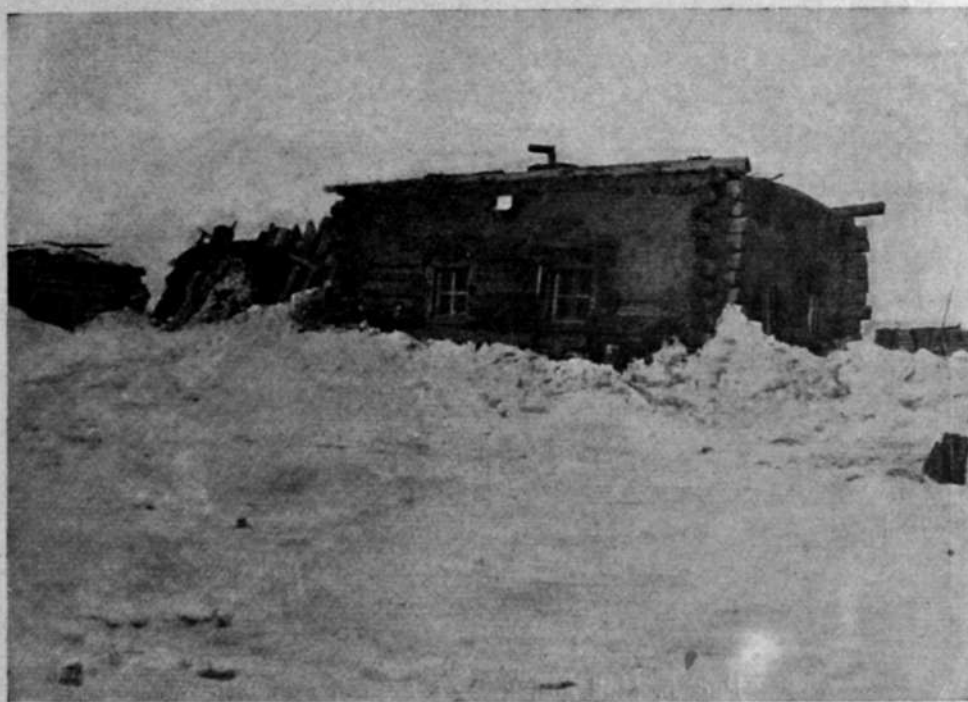

Рис. 4. Мой домикъ.

¹⁾ Интересно, что о предкахъ коренной усть-янской фамиліи Санниковыхъ тоже рассказываютъ въ с. Казачьемъ (Усть-Янскѣ), что они въ старину бѣжали изъ Россіи отъ ратной службы. Быть можетъ, ослѣвшие на р. Янѣ были лишь частью бѣглецовъ, двинувшихся съ родины на неизвѣстный востокъ?

²⁾ Быть можетъ, правильнѣе было бы отнести это переселеніе къ временамъ Алексѣя Михайловича, когда бѣгство крестьянъ отъ внутренняго строенія въ государствѣ и народнаго разоренія на сѣверѣ Россіи и въ Сибири приняло такіе колоссальные размѣры. Отъ «горя-злосчастья» не могъ

моремъ и двинулись на востокъ, гдѣ и осѣли въ устьѣ рѣки Индигирки среди инородцевъ, назвавъ свой первый поселокъ „Русскимъ Устьемъ“ (или „Русскимъ Жиломъ“). Здѣсь были выходцы изъ Астрахани (Шелоховскіе), изъ Вятки, Великаго Устюга, были зыряне (Чихачевы). Цѣлое столѣтіе прожили они здѣсь безвѣстные и никѣмъ не тревожимые и только при Алексѣѣ Михайловичѣ (40-е годы XVII ст.) на нихъ наткнулись русскіе казаки, двинувшіеся изъ Якутска къ Колымѣ въ поискахъ за новой „землицей“ и ясакомъ.

Рис 5. Мой домикъ—съ другой стороны.

Только такъ можно понять тѣ смутные легендарные рассказы, которые еще теперь сохранились на Индигиркѣ среди русскихъ.

Вотъ, напр., что рассказывалъ мнѣ о прошломъ старикъ Егоръ Голыжинскій (изъ Косухина, близъ моря):

укрыться народъ „ни въ чистомъ полѣ, ни въ лѣсахъ темныхъ, ни въ синемъ морѣ“.. Но мѣстное преданіе говоритъ не объ Алексѣѣ Михайловичѣ, а о Грозномъ—быть можетъ потому лишь, что обликъ Грознаго царя сильнѣе поразилъ народное воображеніе.

„Слышалъ я отъ старыхъ, совсѣмъ старыхъ людей, что ранѣ рѣка была вовсе юкагирская. Собрались люди съ разныхъ губерній и поплыли на лодкахъ моремъ—отъ удущья спасались, болѣзнь такая. И доѣхали они до самой Индигирки и здѣсь поселились. А въ Россіи ихъ вовсе потеряли. Люди были дворянскихъ фамилій, дѣдъ мой былъ дворянинъ и грамота у него была съ золотыми буквами, да мальчишка изорвалъ. Какъ платить сталъ комиссару подати, въ мѣщане записали. А сначала-то и вовсе ничего не платили. Узнали, наконецъ, про нихъ и въ Россіи, царь прислалъ комиссаровъ подати собирать,—а подать была четвертакъ чистый, двадцать пять копѣекъ. Дальше, больше—и обжились люди. Была ревизія—пріѣхали сюда, фамиліи искали,—ты изъ Воронцовской губерніи, будешь Воронцовскій, изъ Галуги—Галугинскій. Позднѣе наши въ Россіи услышали, тоже поѣхали—семь человѣкъ; тѣ—моремъ, эти—рѣкой сверху, тоже на лодкахъ, да возлѣ яру всѣ и померзли. Юкагиры ихъ нашли—всѣ семеро такъ подъ однимъ одѣяломъ и лежать“.

Много косвенныхъ данныхъ подтверждаютъ, повидимому, преданіе въ той его части, гдѣ говорится, что предки теперешнихъ верхоянскихъ мѣщанъ пришли изъ Россіи сѣвернымъ морскимъ путемъ, а не обычнымъ путемъ черезъ Якутскъ, какъ вообще все русское населеніе Якутской области. На это указываютъ старинныя особенности языка (XVI—XVII вв.) и многіе сохранившіеся русскіе обычаи, давно исчезнувшіе среди остального русскаго населенія области, ихъ пѣсни и былины, *а главное ихъ необыкновенная національная устойчивость.*

На Индигиркѣ русскіе живутъ столѣтія—живутъ окруженные сплошнымъ кольцомъ изъ якутовъ, юкагировъ, ламутовъ, тунгусовъ, чукчей,—и тѣмъ не менѣе они сумѣли сохранить русскій типъ лица, русскій языкъ, русскіе обычаи. Больше того—всюду въ Якутской области русское населеніе очень сильно подчиняется якутскому вліянію, перенимаетъ языкъ и обычаи якутовъ,—на Индигиркѣ русскіе очень рѣдко рождаются съ инородцами и — явленіе въ Якутской области совершенно исключительное!—*подчиняютъ инородцевъ*

русскому влиянію, заставляя якутовъ, юкагировъ и даже чукчей говорить по-русски, передавая имъ русскіе обычаи, русскую одежду. Эта устойчивость національнаго типа, выражающаяся не только во внѣшнихъ проявленіяхъ ¹⁾, но и въ характерѣ (осторожность, расчетливость, медлительность, консерватизмъ), въ связи съ огромной оторванностью этого уголка отъ русской жизни, даже въ сущности отъ русской Сибири, наложили на индигирцевъ много самобытныхъ особенностей. Въдѣ ближайшими русскими селеніями отъ Индигирки являются с. Казачье (Усть-Янскъ) въ 700 вер. и Нижн.-Колымскъ—600—700 вер., гдѣ, кстати сказать, очень сильно якутское влияніе. Изъ нынѣ живущихъ на Индигиркѣ верхоянскихъ мѣщанъ *никто* дальше этихъ двухъ пунктовъ не былъ, а на югъ никто не поднимался выше Абыя (700 вер. отъ Русскаго Устья). Верхоянскъ, Якутскъ кажутся здѣшнимъ жителямъ гдѣ-то на краю свѣта, а Иркутскъ, Москва, Петербургъ звучатъ для нихъ почти такъ же загадочно, какъ для насъ названія планетъ—Марсъ, Юпитеръ... Когда я рассказывалъ русско-устинцамъ о столичной жизни, о городахъ, въ каждомъ изъ которыхъ живетъ больше народа, чѣмъ русскихъ, якутовъ и юкагировъ во всей Якутской области вмѣстѣ взятыхъ, о домахъ, поставленныхъ одинъ на другой, объ улицахъ, желѣзныхъ дорогахъ,—они слушали съ недоумѣніемъ, почти недовѣрчивостью и свои чувства выражали всегда однимъ и тѣмъ же восклицаніемъ: „мудрена Русь!“

Что касается почтовыхъ станцій, то въ сущности почты здѣсь совсѣмъ нѣтъ; правда, изъ Верхоянска (отъ окружнаго исправника) и Якутска (изъ областного правленія) иной годъ бумаги приходили съ нарочными даже четыре раза въ зиму (съ 1 мая по октябрь край совершенно отрѣзанъ отъ остальнаго міра болотами), но это случается лишь при

---

¹⁾ Къ этимъ внѣшнимъ проявленіямъ нужно, между прочимъ, отнести то, что индигирскіе мѣщане живутъ преимущественно въ русскихъ рубленыхъ избахъ и только съ большою неохотой (когда не хватаетъ строительнаго матеріала или рабочихъ рукъ) ставятъ себѣ якутскія земляныя юрты; наоборотъ, рубленыхъ избъ у якутовъ мнѣ не приходилось видѣть вовсе.

крайней необходимости. Отвѣтъ на бумагу староста (или вѣрнѣе писарь, т. к. кромѣ писаря грамотныхъ во всемъ обществѣ нѣтъ) получалъ изъ Якутска черезъ 1—1½ года. Вѣрнѣе можно получить и отправить почту съ частной оказіей черезъ якутскихъ купцовъ, живущихъ въ Усть-Янскѣ, съ которыми сношенія могутъ быть осенью и весной.

Рис. 6. Старикъ Шелоховскій.

При мнѣ въ Русскомъ Устьѣ было получено письмо изъ Кіева, отправленное черезъ официальную почту: оно пришло черезъ 13 мѣсяцевъ послѣ того, какъ было опущено въ кіевскій почтовый ящикъ!

Что касается исторіи заселенія Индигирки русскими, то

мною найдены въ русско-устинскомъ архивѣ ¹⁾ интересныя данныя. Въ 1831 году въ „Комиссію о переобложеніи инородцевъ ясакомъ“ поступила отъ индигирскихъ якутовъ жалоба на русскихъ, захватившихъ по рѣкѣ лучшія рыболовныя мѣста и разставившихъ „по лицу тундры“ песцовыя ловушки. Въ этой жалобѣ якуты указывали, что ихъ предки издавна имѣли кочевья около береговъ Ледовитаго моря при рр. Индигиркѣ, Елони, Гусиной, Хромѣ и Аллаихѣ, что лишь позднѣе (но до 1763 года) „заселились къ нимъ нѣсколько русскихъ семействъ мѣщанъ упраздненнаго города Зашиверска и Якутска“, которые „дошли до такой степени свободы, что, оставивъ свое жительство, расселились по разнымъ мѣстамъ, инородцамъ принадлежащимъ“, — на основаніи давности своего заселенія якуты просили выселить русскихъ съ занимаемыхъ ими мѣстъ. Начальство (изъ Иркутска, т.-е. за 6.000 верстъ), не разобравъ обстоятельствъ дѣла, ходатайство это уважило и предписало мѣщанъ выселить „незамедлительно и не принимая во вниманіе никакихъ отговорокъ“. Съ такимъ быстрымъ рѣшеніемъ не могли примириться русскіе индигирцы, и началась длин-

---

¹⁾ Нельзя не пожалѣть о гибнущихъ по далекимъ сѣвернымъ мѣстечкамъ Сибири архивахъ. Особенно великъ Усть-Янскій архивъ (въ с. Казачьемъ), гдѣ хранятся бумаги съ 1743 года; я замѣтилъ въ немъ много государевыхъ указовъ Елизаветы Петровны, Петра III, Екатерины II, правительственныя распоряженія временъ войны съ Наполеономъ и пр. Эти бумаги не могутъ быть лишены историческаго—общаго и мѣстнаго—и бытового значенія. Многія изъ нихъ уже сгнили, растрепались, съѣдены мышами... Въ верховьяхъ Индигирки въ мѣстныхъ церквахъ (с. Полоусное Мома, Абый) вмѣстѣ съ церковными архивами свалены бумаги упраздненнаго города Зашиверска (XVIII в.)—этого загадочнаго города, дважды вымиравшаго и дважды воскресавшаго... Сохранились такіе архивы въ Колымскахъ и Верхоянскѣ Въ ближайшемъ будущемъ всѣмъ этимъ архивамъ предстоитъ гибель подобно той, которая постигла нѣкоторые архивы Колымскаго округа, гдѣ имѣлись документы казачьихъ временъ (XVII в.), запечатлѣнные на берестѣ. Эта береста ушла на растопку печей...

Слышно было, что въ 1912 г. якутскимъ губернаторомъ было сдѣлано распоряженіе доставить всѣ мѣстные архивы изъ дальнихъ сѣверныхъ округовъ въ Якутскъ,—было бы желательно, чтобы ими заинтересовались и получили къ нимъ доступъ не одни чиновники областного управленія, но и *компетентныя лица*.

ная и упорная борьба—главнымъ образомъ бумажная, борьба, не закончившаяся и въ 1840 г. (этимъ годомъ обрываются бумаги, относящіяся къ этому дѣлу). Они выдали нѣсколько подписокъ о согласіи на переселеніе, но изъ года въ годъ откладывали его подъ разными предлогами. Они отказывались отъ званія мѣщанъ и просили переписать ихъ въ крестьянское сословіе, наивно надѣясь умиловить этой жертвой грозное начальство, отправили своего старосту въ Якутскъ (эта поѣздка, между прочимъ, на которую были

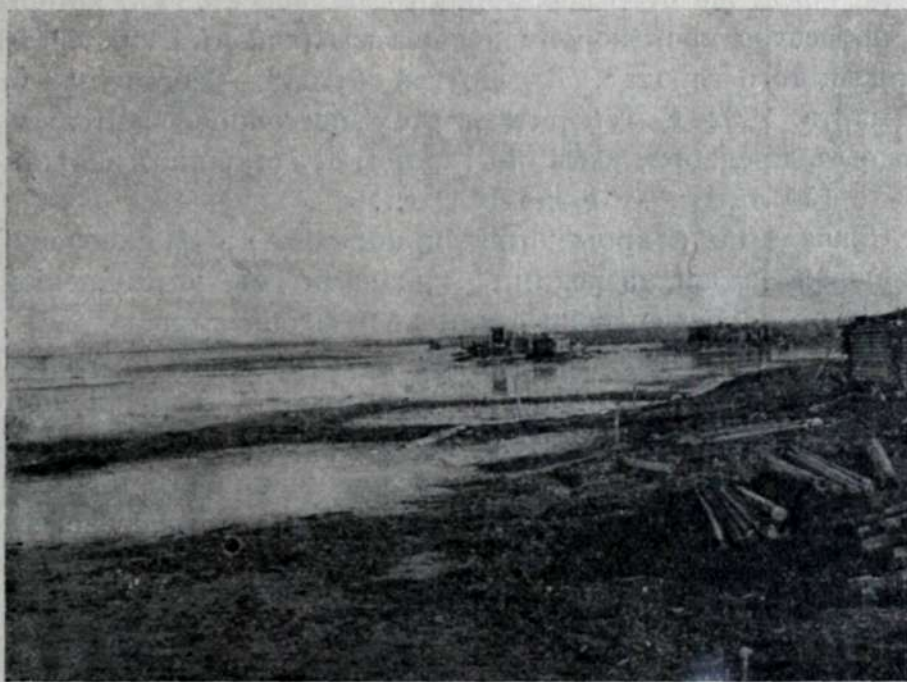

Рис. 7. Весна въ Русскомъ Устьѣ.

собраны деньги со всего общества, оказалась бесполезной, т. к... довѣренность на имя старосты была составлена неправильно), составляли даже прошеніе на Высочайшее Имя, отчаявшись во всѣхъ испробованныхъ средствахъ. Въ результатъ всѣхъ усилій имъ удалось добиться своего—они оставлены были на прежнихъ мѣстахъ, но конца этой (необычайно любопытной) эпопеи, къ сожалѣнію, нѣтъ въ бумагахъ.

Перечисляя свои права на нижнее теченіе р. Индигирки,

вотъ что писали мѣщане 10 апрѣля 1831 года въ одной изъ своихъ многочисленныхъ бумагъ на эту тему: „предки наши, дѣды и отцы, имѣли жительство по р. Индигиркѣ, на мѣстахъ Уяндинѣ, Ожогинѣ, Шанскомъ и Русскомъ Устьѣ, но съ какого позволенія вовсе намъ неизвѣстно; впослѣдствіи времени, опытною, отъ старшихъ дознано нами токмо то, что *рыка сія первоначально найдена какими-то русскими кочами*, потомъ предки наши имѣли постоянное жительство при Шанскомъ постѣ, тутъ же земскую избу и молитвенный домъ, когда же открылся городъ Зашиверскъ, въ который не переселяя насъ переименованы мы (каковъ оборотъ!) мѣщанами того города“. Въ другой бумагѣ—„согласіи“—отъ 15 марта 1832 г. говорится, что „постоянное жительство наше съ предковъ, какъ опытною отъ старшихъ извѣстно, болѣе 150 лѣтъ“,—т.-е. до 1682 г...

Сначала индигирцы были приписаны къ Зашиверску и именовались зашиверскими мѣщанами, съ упраздненіемъ этого города ихъ перекрестили въ верхоянскихъ.

Благодаря отдаленности края (отъ Русскаго Устья до Якутска нужно считать около 3.000 верстъ или около полутора мѣсяцевъ сносной оленьей ѣзды!) верхоянскіе мѣщане освобождены отъ отбыванія воинской повинности, и эта милость отрѣзала послѣднюю нитку, которая могла связывать этотъ медвѣжій уголокъ съ жизнью Россіи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, напр., въ томъ, что здѣсь никто не знаетъ царскаго имени и всѣ имѣютъ самое извращенное представленіе о событіяхъ послѣдняго времени ¹⁾. Но зато, начиная съ казака Дежнева (1648—1650 гг.), Лаптева (1739 г.), Геденштрома (1809 г.), Анжу—Врангеля (1820—

---

¹⁾ Вотъ, напр., отрывокъ изъ разговора съ однимъ русско-устинцемъ—Ты знаешь, какъ царя зовутъ?—«Нѣ-ѣ, не знаю, вѣдь онъ новый».—Какой новый—18 лѣтъ царствуетъ!—«Ну я и говорю—новый».—А про войну съ японцами слышали?—«Слышали».—Изъ-за чего же была?—«Сказываютъ, они больно на насъ наседали» —А побѣдилъ кто?—«Мы побѣдили, русскіе».—А слышали, что послѣ войны мы имъ половину Сахалина отдали?—«Ну вотъ—вотъ, изъ-за Сахалина, сказываютъ, и война началась».—Какъ же ты говоришь, что мы побѣдили, а имъ свою же землю отдали?—«Ну, ужъ не знаю я этого. Ты знаешь, ты свѣтъ видѣлъ—а мы что?!»—

24 гг.), за три столѣтія Индигирку пересѣкло не мало научныхъ экспедицій, которыя въ умахъ и воображеніи здѣшнихъ жителей оставляли глубокой слѣдъ. На памяти живущихъ теперь было нѣсколько экспедицій (послѣдняя — Волоссовича—въ 1909 г.), и „экспедиторскіе“ пользуются здѣсь не малой популярностью. Людямъ XVI—XVII вв. они показали чудеса науки XX вѣка и внушили индигирцамъ великое хотя и совершенно платоническое чувство уваженія къ наукѣ — ихъ поражало умѣніе ученыхъ людей „считать

Рис. 8. Весной: лошади.

звѣзды“, „мѣрять воду“, „смотреть въ стеклышко“. Второй струйкой, которой цивилизація доходила до этого края, были наѣзды администраціи (исправника изъ Верхоянска, засѣдателя изъ Булуна на Ленѣ). Слѣды того и другого воздѣйствія можно подмѣтить въ нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ, вошедшихъ уже въ употребленіе. Такъ, напр., „распубликой“ называется всякій безпорядокъ, кутерьма.— „И — и, полонъ домъ гостей — чистая распублика!“ Такое толкованіе заставляетъ подозрѣвать, что этого слова косну-

лись полицейскія руки; существуетъ далѣе выраженіе — „последній молгылканъ“ (въ томъ же смыслѣ, какъ у насъ употребляется „последній могиканъ“), при чемъ увѣряютъ, что „молгылканъ“—слово якутское и значить „дикій“.

Разселеніе русскихъ шло, повидимому, снизу, т.-е. съ сѣвера,—такъ, по крайней мѣрѣ всегда излагаютъ свою исторію старики. Едомка, Русское Устье, Елонь, Ожогоино—таковъ былъ этотъ путь. Такъ, извѣстно, что управа и хлѣбный магазинъ были перенесены снизу въ Ожогоино (330 верстъ

Рис. 9. Лѣтняя ураса.

отъ Русскаго Устья вверхъ по рѣкѣ, теперь крайній южный пунктъ жительства верхоянскихъ мѣщанъ), позднѣе—обратно въ Русское Устье. При существованіи города Зашиверска (вверху рѣки Индигирки), который былъ центромъ управленія для всего Верхоянскаго округа и гдѣ жилъ „зашиверскій частный комиссаръ“ (конецъ XVIII-го, начало XIX-го вѣка), въ немъ было сосредоточено управленіе дѣлами верхоянскихъ мѣщанъ, которые тогда именовались „зашиверскими мѣщанами“; съ перенесеніемъ административнаго центра для всей округи изъ Зашиверска въ Верхоянскъ,

послѣдній сдѣлался административной резиденціей и для индигирцевъ, а сами они переименованы въ „верхоянскихъ мѣщанъ“.

Насколько мнѣ извѣстно, Индигирка впервые упоминается въ исторіи въ 1639 году. Собиравшій на Янѣ ясакъ Постникъ Ивановъ (Посничко) вмѣстѣ съ 27 товарищами добрался въ этомъ году до „Индигирской рѣки въ Юкагирскую землицу“, гдѣ нашелъ „многіе неясачные тункусы—ломутки“; „Юкагирская Индигирская земля“ названа имъ „людною“, но обозначены въ ней только юкагиры¹⁾.

Рис. 10. Въ урасѣ.

Вотъ что доносили въ 40-хъ годахъ XVII-го ст. Постникъ Ивановъ объ этомъ краѣ: „Будетъ впередъ на Индигирской рѣкѣ въ Юкагирской землицѣ и сто человекъ служивыхъ людей, то имъ можно сытымъ быть рыбою и звѣремъ безъ хлѣба; въ Юкагирской землицѣ соболей много; въ Индигирь-рѣку многія рѣки впади, а по всѣмъ по тѣмъ рѣкамъ живутъ многіе пѣшіе и оленные люди, соболя и звѣря вся-

¹⁾ Цит. по книгѣ Сырошевскаго: Якуты 1896. стр. 221.

каго много по всѣмъ тѣмъ рѣкамъ и землицамъ; да у Юкагирскихъ же людей серебро есть, а гдѣ они серебро берутъ, того я не знаю" ¹⁾). Судя по тому, что въ донесеніи этомъ упомянуты соболи, держащіеся лишь въ лѣсистыхъ мѣстахъ, и серебро, которое могли находить лишь на каменистыхъ возвышенностяхъ, но о которомъ теперешніе индигирцы рѣшительно ничего не знаютъ, можно предположить, что якутскіе казаки были лишь на среднемъ и верхнемъ теченіи Индигирки, не спускаясь внизъ (лѣсъ на Индигиркѣ начинается около р. Эрчи—въ 260 в. отъ Русскаго Устья къ югу); не этимъ ли объясняется молчаніе о живущихъ внизу русскихъ, которые, кромѣ того, и сами рисковали при встрѣчѣ съ казаками попасть въ ту самую ратную службу, отъ которой, быть можетъ, они и бѣжали такъ далеко, и потому имѣли основаніе укрываться отъ пришлыхъ земляковъ; съ другой стороны, можно, конечно, предположить, что русско-устинцы появились позднѣе. Здѣсь вообще возможно широкое поле для различныхъ догадокъ...

Появленіе русскихъ завоевателей на Индигиркѣ вызвало обычныя послѣдствія: „Въ 1645 году на крайнемъ сѣверѣ, на рѣкѣ Индигирѣ, встали Юкагиры, князекъ Пелева съ товарищами, убили русскаго служилаго человѣка и выхватили своихъ аманатовъ, содержавшихся въ русскомъ Ясачномъ зимовьѣ. Противъ нихъ изъ Якутска служивые люди Горѣлый и Кутаевъ, погромили Пелеву, взяли новыхъ аманатовъ. Но въ 1650 году измѣнили Алазейскіе Юкагиры, убили двухъ служивыхъ людей, государеву казну пограбили, по промысламъ торговыхъ и промышленныхъ людей многихъ побили.

Катаевъ пошелъ противъ измѣнниковъ изъ Алазейскаго Ясачнаго зимовья вверхъ по рѣкѣ Алазеѣ и, наконецъ, отыскалъ Юкагировъ; живутъ въ большомъ острожкѣ, человѣкъ съ 200 большихъ мужиковъ, которые лукомъ владѣютъ, кромѣ подростковъ; олени всѣ собраны въ томъ же острожкѣ. Русскіе поставили своихъ два острожка, одинъ въ 40, а другой въ 20 саженьяхъ отъ юкагирскаго. Началась стрѣльба съ

---

¹⁾ С. Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. IX, гл. V.

обѣихъ сторонъ: гдѣ Юкагиры ранять, тамъ Русскіе бьютъ до смерти; потомъ Русскіе сдѣлали шесть щитовъ, выкатили ихъ и начали приготовляться идти за ними на юкагирскій острожекъ. Дикари испугались, увидали, что имъ не отсидѣться, и начали кричать:—„Не убивайте насъ, мы дадимъ

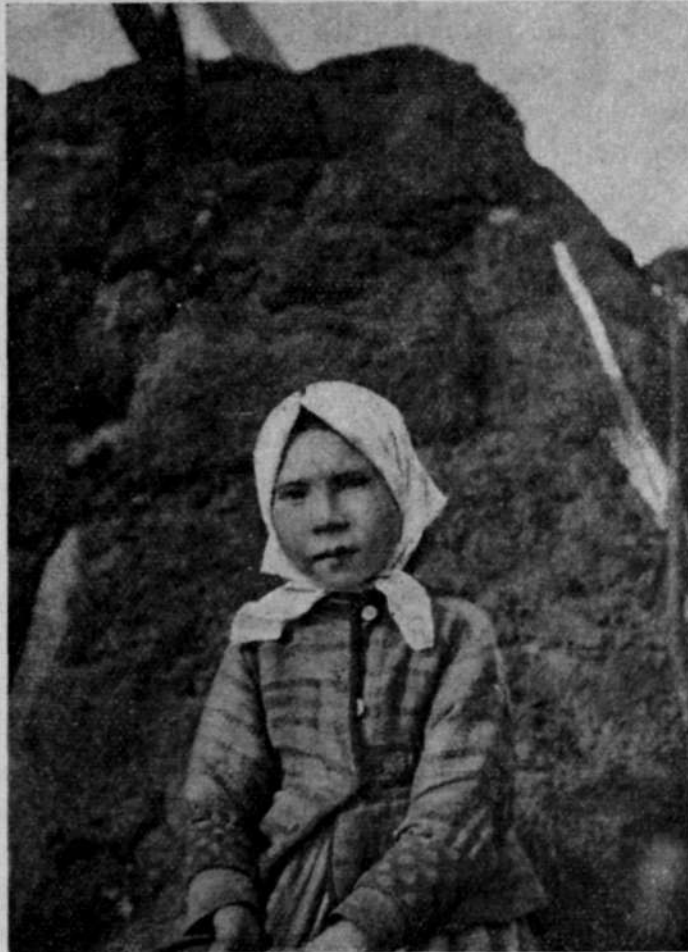

Рис. 11. Тебя какъ зовутъ?—Полечка.

аманатовъ и государевъ ясакъ станемъ платить, а теперь у насъ соболей нѣтъ, этою осенью мы не промыслили, боялись васъ, казаковъ, жили въ острожкѣ“,—Русскіе остановились и взяли въ аманаты лучшихъ князьковъ¹⁾.

---

¹⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XII, гл. V.

Воевать приходилось не только съ югакирами. „Въ 1666 г. ламуты осадили русскій острожекъ на Индигиркѣ; осажденные отбились; но дикари не платили цѣлый годъ ясака. Въ началѣ слѣдующаго года ламуты, „собравъ себѣ воровское великое собраніе, приступили ночью къ острожку и начали острожныя стѣны, ясачное зимовье и острожныя ворота рубить топорами, а иныя приставили лѣстницы къ стѣнамъ черезъ амбары. Служилые и промышленные люди бой съ ними поставили и убили у нихъ лучшихъ трехъ челоувѣкъ и многихъ переранили“.—Ламуты испугались, побросали свое оружіе и ушли; гнаться за ними было нельзя, потому что „служилыхъ людей въ острожкѣ было только пять челоувѣкъ, да промышленныхъ десять; оружія, свинцу и пороху нѣтъ, да и взять негдѣ“ ¹⁾.

Въ 1776 г. вышло „Описаніе обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ“ І. Г. Георги, сдѣланное по переписи 1750 года; въ этомъ „Описаніи“ говорится, что „по Индигиркѣ, текущей съ восточной стороны отъ Яны и вышедшей изъ Ледовитаго моря рѣкѣ, кочуетъ 12 волостей, изъ которыхъ въ самой большой только 95, а въ самой малой только 17, вообще же 493 души въ нихъ считается. Онѣ приписаны къ Зашиверскому острогу, лежащему вверху при Индигиркѣ, отъ Якуцка въ сѣверо-восточную сторону на 904 версты“ ²⁾.

Впервые Русское Устье упоминается, повидимому, въ 1739 году. Изслѣдованіе побережья Ледовитаго океана въ царствованіе Анны Іоанновны было поручено „Большой Сѣверной экспедиціи“, во главѣ которой стоялъ капитанъ-командоръ Берингъ (1734—1741 гг.). Одинъ изъ участниковъ этой экспедиціи лейтенантъ Дмитрій Лаптевъ, „выйдя изъ Лены, прошелъ вдоль берега, къ востоку, до восточнаго устья Индигирки... Покинувъ обмерзшее судно противъ устья Индигирки, отрядъ перебрався на зимовку въ „Русское жило“. Тою же осенью матросъ Лошкинъ прошелъ съ описью отъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Цит. по кн. Сѣрошевскаго: „Якуты“, стр. 222.

устья Индигирки до Алазеи и по Голыжинской протокъ¹⁾ Индигирки, а штурманъ Щербининъ и геодезистъ Киндяковъ описали восточное и среднее устья Индигирки²⁾. Нѣтъ сомнѣній, что „Русское жило“ и есть Русское Устье.

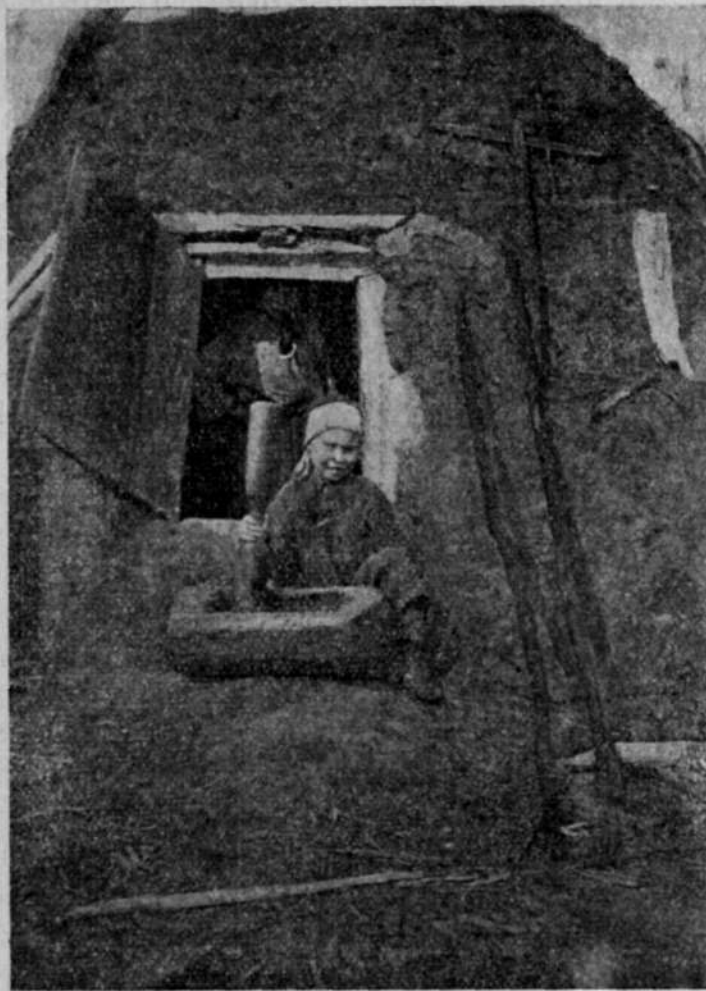

Рис 12. Настюка толчетъ борчѹ (вяленую сельдь).

¹⁾ Существуетъ и нынѣ подъ тѣмъ же названіемъ; выходитъ въ СЗ направленіи изъ Индигирки въ 30 верстахъ выше устья близъ мѣстечка Осколково (1 юрта) и впадаетъ въ морскую губу, въ которую, кромѣ того, вливаются рѣки Волчья и Гусиная. Этой Голыжинской протокой индигирцы обычно плывутъ въ іюль „по гуси“ для добычи леннаго гуся, собирающагося на время линьки въ несмѣтныхъ количествахъ близъ моря.

²⁾ „Краткій историческій очеркъ гидрографіи русскихъ морей“. Часть I. СПБ. 1896. Стр. 6—7.

Одинъ изъ спутниковъ Врангеля, участникъ его экспедиціи, провелъ въ Русскомъ Устьѣ лѣто 1823 года (нѣсколько раньше, именно въ 1809—10 гг. черезъ Русское Устье прошла экспедиція Геденштрома, о чемъ имѣются бумаги въ усть-янскомъ архивѣ). Онъ нашелъ здѣсь „четыре хижины“ насчиталъ въ трехъ селеніяхъ (Едомка, Русское Устье и Елонское Устье) 108 человекъ мужчинъ, всѣ русскіе¹⁾. Въ настоящее время (1912 г) въ Русскомъ Устьѣ шесть домовъ, т.-е. за цѣлое почти столѣтіе поселокъ выросъ лишь на два дома; Едомки и Елонскаго Устья—совсѣмъ не существуетъ. Отъ Едомки не осталось даже слѣдовъ (интересно отмѣтить, что „едомой“ теперь здѣсь называютъ размытыя холмообразныя возвышенности, идущія грядой вдоль Индигирки на западномъ берегу ея); на мѣстѣ же Елонскаго Устья (р. Елонъ²⁾ впадаетъ близъ Русскаго Устья въ Индигирку) сохранилось лишь обширное кладбище со сгнившими крестами.

Преданіе настойчиво утверждаетъ, что прежде мѣстное населеніе было гораздо многочисленнѣе и что много народу перемерло отъ кори (50 л. тому назадъ) и отъ оспы (30 л. тому назадъ). Быть можетъ, это справедливо, если судить, напр., по тому, что въ 1823 году, по словамъ Врангеля, жило 108 мужчинъ тамъ, гдѣ сейчасъ можно насчитать только 20. При устьѣ Елони еще теперь виднѣется обширное кладбище съ полусгнившими остатками окружавшей его ограды—тамъ похоронены умершіе отъ оспы. Въ самомъ Русскомъ Устьѣ сейчасъ сохранились развалины жилыхъ домовъ, указывающихъ на то, что раньше жизни здѣсь было больше; среди нихъ съ краю стоитъ большой, хорошо устроенный домъ въ двѣ горницы—широкія скамьи, табуреты, столы, у оконъ видны еще задвижки изъ мамонтовой кости съ вырѣзанными на нихъ узорами, которыми держались оконныя рамы, а самыя рамы съ

¹⁾ Врангель: „Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю 1820—1824 гг. СПб. 1841.

²⁾ Кстати, не имѣетъ ли родственной связи названіе „Елонъ“ съ загадочнымъ словомъ „ялань, елань“, которое встрѣчается у Штраленберга и Ремезова и означаетъ не то расчищенное мѣсто, не то равнину вообще. См. у Сѣрошевскаго, стр. 78, 220, 221. Въ Ачинскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи и теперь „яланью“ называютъ расчищенное мѣсто.

остатками слюды вмѣсто стеколъ валяются тутъ же на землѣ. По всему видно, что въ домѣ велось большое хозяйство (это подтверждаютъ и рассказы: „Чихачевскій домъ здѣсь первый былъ—не старостиному чета“) — прошло уже лѣтъ 20—30. какъ онъ заброшенъ, и наслѣдники проиграли его въ карты.. Впрочемъ, весьма вѣроятно, что преданіе о болѣе густомъ, чѣмъ теперь, населеніи легендарно—по переписи 1750 года оно равнялось 493 душамъ, а съ 1822 г. по послѣднее время

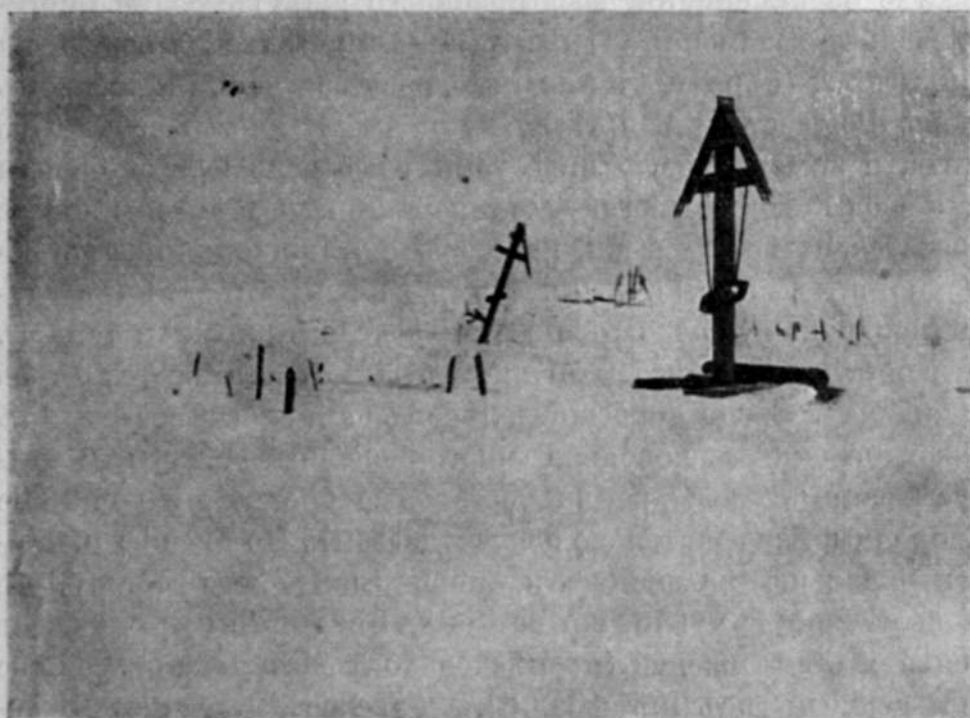

Рис. 13. Вѣчный покой.

колебалось по архивнымъ даннымъ между двумя и четырьмястами...

Появленіе русскихъ на Индигиркѣ и укрѣпленіе на ея берегахъ русской „культуры“ вызвало обычныя послѣдствія: Юкагирская Индигирская земля обезлюдѣла. Русскіе вытѣснили туземцевъ съ рѣки—теперь на Индигиркѣ совсѣмъ нельзя найти юкагировъ. Якуты еще изрѣдка кое-гдѣ попа-

даются (есть двѣ-три семьи въ Станчикѣ¹⁾ по одной семьѣ въ Бородинѣ и въ Шевелевѣ), изъ юкагировъ осталось 2—3 человѣка, живущихъ въ русскихъ семьяхъ на положеніи работниковъ; они уже сильно обрусѣли. Только въ 20—30 верстахъ къ востоку отъ Шевелева (на полпути между Аллаихой и Русскимъ Устьемъ) живутъ съ небольшими стадами оленей юкагиры, 5—7 семей, которые на десятки верстъ кочуютъ вокругъ этого мѣста; лѣтомъ, въ „комарное время“ они спускаются къ морю. Еще дальше на востокъ и немного южнѣе на каменистой возвышенности живутъ болѣе многочисленные „каменные юкагиры“. Они рѣдко бываютъ на Индигиркѣ (вѣрнѣе, въ Аллаихѣ), развѣ за чаемъ и табакомъ около Рождества къ пріѣзду купцовъ, которымъ сбываютъ мѣха, и зимой для говѣнья, такъ какъ религіозные обряды ими соблюдаются строго. Еще теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, обязательно возлѣ рѣки, находятъ остатки старинныхъ землянокъ, гдѣ мѣстнымъ жителямъ, забредшимъ въ нихъ случайно, попадались каменные и костяные ножи и топоры. Эти остатки древняго юкагирскаго жилья называются здѣсь „чандала“. Среди поросшихъ лѣсомъ камней къ востоку отъ Ожогина живутъ довольно многочисленные ламуты и тунгусы, занимающіеся, какъ и остальные бродячіе и кочующіе инородцы, исключительно оленеводствомъ. По теченію р. Алазеи и дальше на востокъ и, повидимому, юго-востокъ, къ Колымѣ живутъ чукчи, изъ которыхъ нѣкоторые имѣютъ очень большія стада оленей (въ нѣсколько тысячъ головъ). Раньше они каждый годъ пріѣзжали въ Русское Устье или Шевелево, но года два тому назадъ прекратили свои наѣзды.

III. Хозяйство.

„Общественники мои, зашиверскіе мѣщане, жительствоуютъ разсѣянно по пустолежащимъ, неразмежеваннымъ и неиз-

---

¹⁾ Станчикъ—на восточномъ рукавѣ Индигирки, именуемомъ Колымскимъ, на старыхъ картахъ обозначенъ какъ Станичниково—возможно, что здѣсь именно былъ укрѣпленный *казачій* острожекъ временъ борьбы русскихъ съ алазейскими юкагирами (XVII в.); еще теперь тамъ сохранились развалины значительныхъ построекъ.

вѣстно къ кому принадлежащимъ мѣстамъ, смежно съ якутами на берегахъ рѣки Индигирки, также и якутскіе мѣщане заселившіеся съ предковъ своихъ въ разныя времена, живутъ совокупно съ якутами и юкагирами, изъ числа же ихъ многіе имѣютъ собственные дома и песцовыя ловушки, доставшіеся имъ въ наслѣдство отъ отцовъ и дѣдовъ ихъ, также имѣютъ рыболовныя заведенія въ достаточномъ количествѣ, и симъ средствомъ содержать семейства свои безбѣдно“.

Рис. 14. Ловля сельдей подо льдомъ.

Слова эти изъ донесенія зашиверскаго мѣщанскаго старосты въ Верхоянское Окружное управленіе отъ 17 генваря 1839 г. вполнѣ примѣнимы и къ теперешнему положенію верхоянскихъ мѣщанъ: рыба и песецъ попрежнему являются основными источниками ихъ пропитанія и доходовъ.

Суровымъ трудомъ полна жизнь индигирца—во всемъ году нѣтъ и одного мѣсяца, свободнаго отъ работы,—работаютъ не только полные силъ мужчины, на которыхъ держится хозяйство, работаютъ женщины, старики и подростки,

начиная съ 10—12 лѣтъ. Трудъ тяжкій не только по самому своему характеру, но и по той обстановкѣ, въ которой протекаетъ. Зимой четыре раза ѣздить осматривать и ладить „пасти“ (такъ называются сложенные изъ бревенъ ловушки), бывая въ отъѣздѣ до мѣсяца; мечутъ подо льдомъ сѣти,

Рис. 15. За сѣтями: сучать волосъ.

прорубая ледяную толщу въ „печатную сажень“ (4 аршина); весной, съ появленіемъ первыхъ „заберегъ“ (протаявшій ледъ вдоль берега), начинаютъ неводить; горячее время наступать сейчасъ же послѣ прохода льда—надо успѣть поставить въ разныхъ испытанныхъ и заранѣе намѣченныхъ мѣстахъ (на вискахъ и лайдахъ, т.-е. на заливныхъ протокахъ

и озерахъ) сѣти на рыбу, домашніе—бабы и подростки—въ эту пору неводятъ сплошными сутками; съ наступленіемъ лѣта начинается правильный рыбный промыселъ, живутъ въ это время въ лѣтникахъ (земляныхъ „урасахъ“), выстроенныхъ у рыболовныхъ песковъ; лѣтній промыселъ продолжается все лѣто до заморозковъ, прерываясь время отъ времени высокой водой, когда рыба идетъ по срединѣ рѣки. Обычно мужчины заняты сѣтями, такъ какъ обращеніе съ сѣтями требуетъ умѣнія ѣздить на „вѣткѣ“, каковымъ бабы

Рис. 16. За дровами.

не обладаютъ,—женщины и подростки неводятъ. Если промыселъ лѣтомъ плохъ и есть достаточно рукъ, на которыхъ можно оставить хозяйство, мужики ѣдутъ къ морю гусевать или на „камень“ и по „ярамъ“ искать кость (бивни мамонта). Къ осени новая забота—сторожить пасти и приводить ихъ въ порядокъ. Когда станутъ рѣки и замерзнутъ озера, начинается промыселъ сельдей и „устарокъ“ (омулей обратныхъ) въ рѣкахъ (подо льдомъ), пельдятки и рыбы (чирь, муксунъ),—на озерахъ. Когда выпалъ снѣгъ, ѣдутъ на тундру

за песцами, которыхъ травятъ собаками, одновременно осматриваютъ пасти, настораживаютъ ихъ вновь на „симку“ (тетиву), попутно мечутъ по озерамъ сѣти. Послѣ окончанія осенняго песцовога промысла (въ концѣ октября) ловятъ рыбу на Новой рѣкѣ, въ низовьяхъ Индигирки у моря—кругъ завершёнъ.

Но этимъ не ограничиваются хозяйственныя заботы индигирца—надо еще обезпечить себя дровами,—забота въ мѣстномъ хозяйствѣ очень существенная. Дрова даетъ та же Индигирка. Когда рѣка вскрылась, и ледъ пошелъ внизъ, всякій съ нетерпѣніемъ и жадностью высматриваетъ, не несетъ ли Индигирка деревьевъ. Иногда ихъ вылавливаютъ прямо изъ воды, но чаще собираютъ по берегу. Выкинутыя у юрты деревья считаются собственностью того, кто въ этой юртѣ живетъ, но дрова—большая цѣнность въ этомъ краѣ, въ борьбѣ за нее это право нарушается (если хозяинъ отсутствуетъ), и возникаетъ не мало неудовольствій. Въ это время соревнованіе вообще достигаетъ большого напряженія—упущена весна, все кругомъ оберутъ, и можно на цѣлый годъ остаться безъ дровъ. Поэтому всѣ разбредаются по тундрѣ, ея многочисленнымъ вискамъ и протокамъ—мужики, подростки, бабы. Нагруживаютъ кучи, на большихъ деревьяхъ (кромѣ дровъ, нужно еще дерево на разныя подѣлки—на нарту, лодку, весло) ставятся „признаки“. Лѣтомъ по берегамъ рѣки можно всюду увидать нагруженные кучами деревья, собранныя предусмотрительными хозяевами—за ними ѣздить уже зимой. Конечно, въ чьемъ дому больше рукъ, тамъ собираютъ, къ ущербу другихъ, и больше дровъ. За зиму каждое хозяйство потребляетъ огромное количество дровъ—камелекъ горитъ въ юртѣ съ утра до ночи, и кромѣ того, заготовленные дома дрова часто приходится брать съ собой, уѣзжая на промыселъ зимой за песцомъ или рыбой—въ открытой тундрѣ и у моря наноснаго лѣса нѣтъ, тамъ не найдешь и щепочки.

Тяжелъ трудъ индигирца, но все же онъ окупается. Только нерадивый или неумѣлый хозяинъ вынужденъ бываетъ къ концу зимы прикупить рыбу на сторонѣ, обычно же ее хватаетъ до новаго улова. „Голодные года“ отражаются больше

на собакахъ, которымъ тогда сокращаютъ кормы, и о состояніи хозяйства каждаго можно приблизительно судить по тому, сколько возлѣ его юрты къ веснѣ валяется пропавшихъ собакъ.

Хозяйственный инвентарь состоитъ прежде всего изъ „завода“, т.-е. рыболовной снасти. Смотря по состоянію, хозяинъ имѣетъ 1—3 невода, 10—200 сѣтей. Не имѣющіе своего хозяйства идутъ въ работники; работнику платятъ 25—30 р. въ годъ на хозяйскомъ содержаніи и съ хозяйской одеждой,

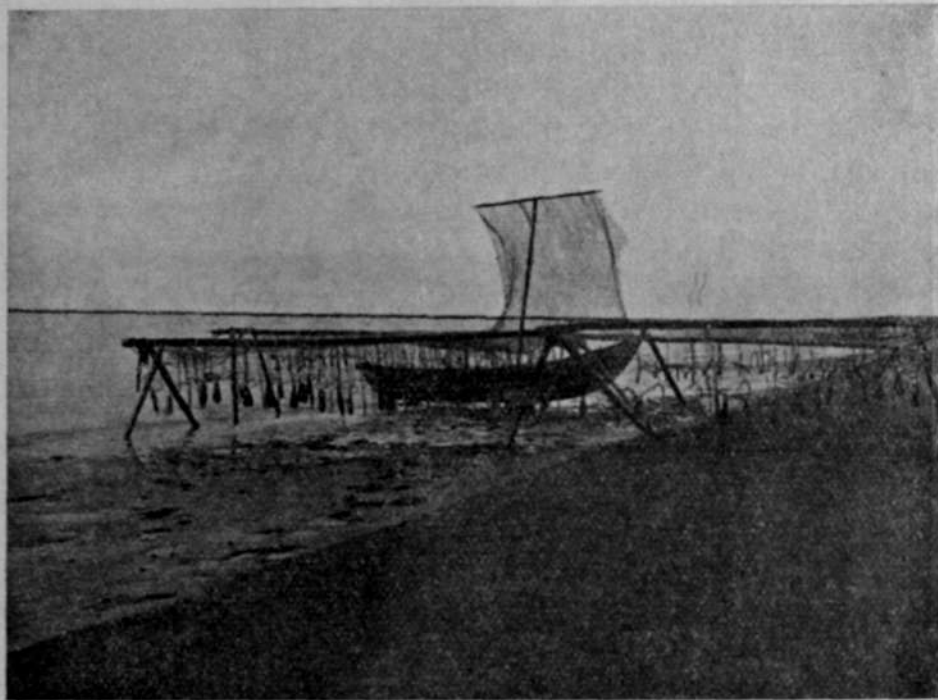

Рис. 17. Снасть.

работа—исполну; или ему платятъ 50—70 р. въ годъ, но уже весь трудъ идетъ хозяину. Случается, что работникъ имѣетъ кое-какой свой заводъ и свои пасти, и эти доходы поступаютъ уже въ его пользу. Что касается пастей, то ихъ бываетъ въ хозяйствѣ отъ 20 до 300.

Ни одно хозяйство по мѣстнымъ условіямъ немислимо безъ собакъ. Ихъ бываетъ отъ 8 до 40. Вся работа, связанная съ передвиженіемъ и перевозкой, выполняется соба-

ками—это единственная „скотинка“ индигирцевъ, какъ они ихъ называютъ. Бываютъ еще, правда, лошади, но только у богачей, да и то немного—на нихъ лишь лѣтомъ ходять къ морю за гусями и для осмотра ловушекъ; зимой онѣ на подножномъ корму почти безъ всякаго присмотра. Что касается оленей, то ихъ держать—у юкагировъ—очень мало; почти исключительно для осенняго песцованія; раньше оленей держали много—по нѣсколько сотъ, но постепенно они перевелись. Осѣдлый образъ жизни и отсутствіе близкихъ

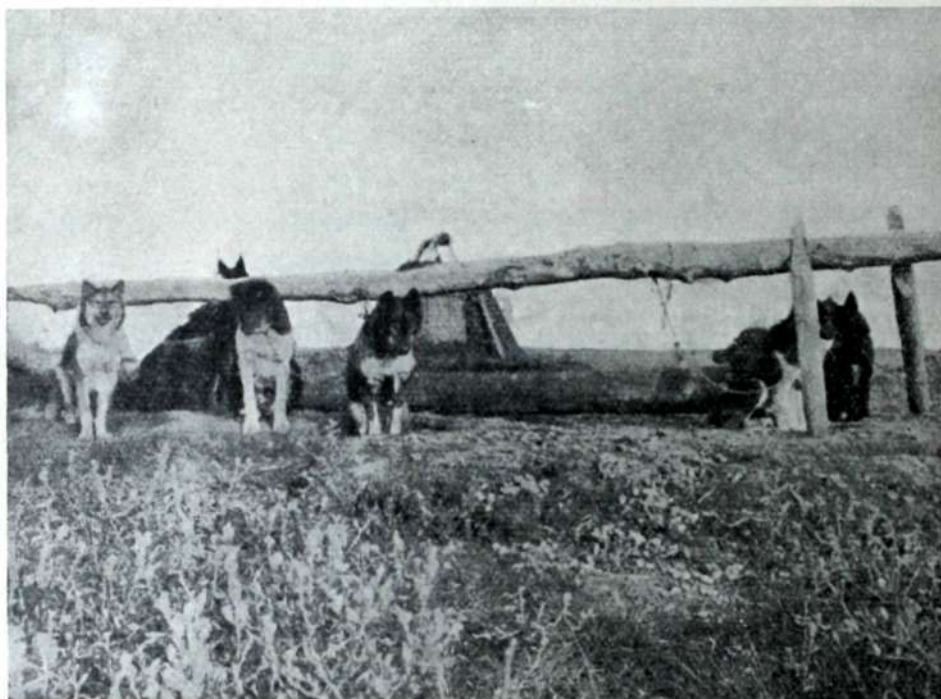

Рис. 18. Ъздовыя собаки

кормовищъ—главное препятствіе оленеводства. Собаки индигирцу стоятъ недешево — на каждую собаку уходитъ въ день 1 рыба или 7—10 сельдей (щербой, т.-е. въ вареномъ видѣ, вдвое меньше). Всякій старается имѣть двѣ нарты—одна для промысла, другая — для домашнихъ надобностей, т.-е. около 20 собакъ. Эти 20 собакъ въ годъ съѣдаютъ 2.000 рыбъ и 10.000 сельдей; благосостояніе собакъ въ значительной степени зависитъ отъ успѣха сельдяжьяго промысла, т. к. сельдь главный кормъ собакъ, ею кормить ихъ

хозяину всего выгоднѣе. Продажная цѣна собаки отъ 10 до 40 р.; особенно охотятся покупать индигирскихъ собакъ колымчане,—въ февралѣ индигирцы съ этой цѣлью ѣздятъ въ Колыму на ярмарку въ Пантелеихѣ близъ Нижне-Колымска (въ мартѣ), куда съѣзжаются чукчи. Тамъ собакъ обмѣниваютъ на березовые нартенные полозья (10 р. пара) и мѣхъ на одежду. Богачи хранятъ рыбу для продажи и осенью продаютъ ее „голодающимъ“ (главнымъ образомъ идетъ на собакъ) — на 1 р. идетъ 10 рыбъ (чирь муксунъ) или 100 сельдей (во время промысла на рубль даютъ 15—25 рыбъ).

Вотъ примѣрный хозяйственный инвентарь и годовой бюджетъ одного изъ бѣдныхъ русско-устинцевъ (Ивана Чихачева); взяты только болѣе крупныя цифры.

Семья состоитъ изъ двухъ взрослыхъ мужиковъ (братьевъ, бабы и четырехъ дѣтей, изъ которыхъ старшему 13—14 лѣтъ, младшій—грудной. Заводъ: 10 собакъ (изъ нихъ 6 ушли—убѣжали съ нартой и пропали въ пургу, 1 пропала отъ старости; общественники помогли, давъ нѣсколькихъ старыхъ собакъ, — къ осени подросли собственные щенки, и зиму Иванъ началъ съ 8 своими собаками), 1 неводъ, 15 сѣтей, 1 карбасъ (строить вверху—стоитъ 25 р., съ доставкой 30 р.), 3 вѣтки (продажная цѣна—„послѣ экспедиторскихъ“—10 р. каждая), 110 пастей. За годъ у него было: 50 гусей ленныхъ (гусиный промыселъ въ прошломъ году былъ очень плохъ, обычно же на пай приходится 200—300 гусей, 600 рыбъ, 5.000 сельдей; на семью шло въ день около 10 рыбъ—рыбы хватило до новаго улова. За этотъ годъ прибыль состояла изъ: 2 песцовъ (14 р. 50 к.), обычно все-таки бываетъ значительно больше; продано на 5 р. сельдянки, отъ общества за отопленіе церкви 6 р., продалъ собаку за 15 р., за наемъ дома 20 р. (доходъ случайный)—итого 60 р. 50 к. Израсходовано: 17 р. на подати (за 2 души по 7 р. и $1\frac{1}{2}$ души сына, съ подводами) 2 р. за $1\frac{1}{2}$ или 2 мертвыхъ души = 19 р.; на „лопотъ“ — 15 р., забрано у приказчиковъ на 20 р. и разные мелкіе расходы — ушелъ весь доходъ и еще накопился долгъ въ 15 р. старостѣ-приказчику.

Свѣчи, сахаръ и мука („провіантъ“) — въ хозяйствѣ индигирца предметы роскоши.

Крупную и необходимую статью расхода составляет „лопотъ“. Нуженъ недоросль (шкура молодого оленя), нужны оленьи камысы (съ ногъ) — только случай можетъ дать лѣтомъ оленя, да и то шкура лѣтняго оленя плоха. Надо доставать или у приказчиковъ, или у юкагировъ. Цѣны бываютъ: недоросль—2—3 р., постель (шкура взрослого оленя)—

Рис. 19. Нарта и ѣздовые собаки.

1 р. 50 — 2 р. пыжикъ (теленка)—2—3 р., 4 камыса—1 руб. (олень на мясо: быкъ—10 р., важенка—8 р.).

Что касается товаровъ у приказчиковъ, то товаръ здѣсь очень плохъ и дорогъ. Мѣстная торговля ведется большею частью агентами якутско-устъ-янскихъ купцовъ; такъ, здѣсь имѣются: въ Русскомъ Устѣ—староста Киселевъ, приказчикъ якутскаго купца Павлова (преемника Я. Ф. Санникова); Н. Чихачевъ (Лобазное — 45 в. внизъ отъ Русскаго Устья) — приказчикъ устьянскаго купца И. И. Санникова; Н. Шелкановъ, кочующій между Станчикомъ и Шевелевымъ,—

приказчикъ Павлова; Дунавецъ въ Аллаихѣ,—приказчикъ якутскаго купца Антипина; Борисовъ тамъ же (только зимой) — приказчикъ якутскаго купца Артамонова. Они продаютъ хозяйскіе товары, скупаютъ для своихъ хозяевъ песцовъ и кость, но въ сущности ведутъ свое дѣло безконтрольно и несомнѣнно накидываютъ въ свою личную пользу очень большой процентъ на продаваемые ими товары противъ назначенной хозяиномъ цѣны — никакой учетъ тутъ невозможенъ (характерно, что изъ всѣхъ перечисленныхъ выше „приказчиковъ“ грамотенъ лишь одинъ Борисовъ). Къ счастью, имъ не удается въ достаточномъ для нихъ количествѣ доставать спиртъ (который „запрещенъ“ къ вывозу на сѣверъ), и это спасаетъ мѣстное населеніе отъ разоренія. Спиртъ имѣютъ лишь усть-янскіе и якутскіе купцы, прїѣзжающіе на Аллаиху въ ноябрѣ—декабрѣ, и стараются съ его помощью обдѣлать свои дѣла среди юкагировъ и чукочъ, спускающихся къ нимъ съ камней со своими мѣхами. Товары обычно приходятъ въ это время (декабрь—январь) и, въ связи съ привозомъ ихъ, стоитъ колебаніе цѣнъ: „низкія“ въ началѣ года, цѣны растутъ къ веснѣ и наибольшей высоты достигаютъ въ концѣ лѣта, осенью и въ концѣ года.

Провозъ пуда изъ Якутска въ Русское Устье (пароходомъ—на Булунъ, изъ Булуна черезъ с. Казачье зимой на оленяхъ) обходится въ среднемъ 4 р. 10 к., но цѣны на товары въ Русскомъ Устьѣ, по сравненію съ Якутскомъ, повышаются, конечно, въ значительно большей степени.

	Цѣны въ Якутскѣ.	Цѣны въ Русскомъ Устьѣ	Дѣйствительная стоимость товаровъ въ Русскомъ Устьѣ — съ провозомъ отъ Якутска.
1 пудъ крупчатки . . .	3 р. 80 к.	10 р.	7 р. 90 к.
1 пудъ ржаной муки . .	1 „ 70 „	7 „	5 „ 80 „
Муку можно достать на Индигиркѣ только зимой, лѣтомъ ея нѣтъ вовсе.			
		1 р. 50 к.—	
1 кирпичъ чая	1 р.	1 р. 80 к.	—
1 фунтъ сахара	22 к.	50—75 к.	32 к.
1 „ свѣчей	35 „	80 к.—1 р.	45 „

1000 спичекъ.	13 „	50 к.—1 р.	—
1 фунтъ табаку черкас-			
скаго.	30 „	50—80 к.	40 к.
1 фунтъ мыла простого.	18 „	50 к.	29 „
1 „ волоса конскаго.	—	1 р. 70 к.	—
1 „ сухарей крупча-			
тыхъ	—	1 р.	—
1 „ пшеничн. или			
ржаныхъ сухарей	—	20 к.	—
1 арш. „серафимки (сар-			
пинки)	—	35—40 к.	—
1 арш. дрянного сѣраго			
сукна (арестанскаго).	—	1 р. 70 к.	—
1 арш. бумажен.	—	40—50 к.	—
1 фунтъ конопли.	—	50 к.	—
1 арш. ситца.	—	25—30 к.	—

Масло достать трудно, молока вовсе нѣтъ и никогда не бываетъ; его вкуса индигирцы не знаютъ.

Цѣны на песца, по которымъ берутъ приказчики: норникъ-крестоватикъ—50 к.—1 р.; чайшникъ—1—2 р.; недопесокъ—6—8 р.; полный—8—14 р.; пара лапокъ—20 к.¹⁾

Цѣны на песца подвержены колебанію, что позволяетъ играть на песцѣ, какъ на биржевыхъ бумагахъ. Такъ, въ январѣ 1912 г. полный песецъ стоилъ 7 р.—8 р. 50 к. Въ концѣ феврала приказчикъ Артамонова Борисовъ въ Аллаихѣ поднялъ цѣну до 10 р., Струковъ изъ Похвальнаго скупалъ для обыйскаго купца якута песцовъ по 14 р., въ серединѣ марта, передъ отѣздомъ приказчиковъ въ Казачье, песецъ на Аллаихѣ стоилъ—15 р. Съ ихъ отѣздомъ, цѣна на песца сразу упала и въ концѣ апрѣля — началъ

¹⁾ Интересно сравнить съ этими цѣнами существовавшія здѣсь въ 1835 году цѣны:

1 пудъ ржаной муки—10 р.—13 р. 50 к.; 1 пудъ пшеничной муки—20 р.—25 р.; 1 пудъ сахара—100 р.—140 р.; 1 фунтъ чая—7 р. 50 к.—10 руб.

Сахаръ и чай именуются въ росписи „предметами роскоши“

Песецъ 1-й сортъ стоилъ отъ 50 к. до 1 р. (Данныя по архиву Русскаго Устья).

мая, послѣ возвращенія приказчиковъ изъ Усть-Янска, цѣна ими была установлена на все лѣто въ 10 руб.; установленная цѣна держится до зимы — „до новыхъ вѣстей отъ купцовъ“.—Для характеристики того, каковъ можетъ быть оборотъ купцовъ, продающихъ на Индигиркѣ товаръ въ 2 и 3 раза дороже ихъ дѣйствительной стоимости, слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что песецъ, котораго купцы покупали въ зиму 1911—12 гг. по 7—15 р., дошелъ въ Якутскѣ на лѣтней ярмаркѣ 1912 г. до 24 р.!.. — „Какъ песецъ-то нынѣ

Рис. 20. Шьютъ вѣтку.

загремѣть!“ говорили между собой купцы. Нужно ли прибавлять, что отъ промышленниковъ купцы старательно это скрывали...

Кость 1 пуд.—30—65 р., смотря по качеству. Шкуры бѣлаго медвѣдя стали очень дороги: въ 1889 г. медвѣдь стоилъ 8 р., еще недавно—25 р., этой зимой продана шкура средней величины за 85 р.; въ Колымѣ, говорятъ, зимой продано 5 шкуръ по 120 р каждая. Добыча медвѣдя здѣсь случайна, т. к. спеціальнаго промысла на медвѣдей не существуетъ.

Деньги исключительной роли въ хозяйствѣ индигирца не играютъ — ихъ часто замѣняютъ песецъ, рыба, собаки, ремни (съ юкагирами и чукчами), личный отработокъ.

Торговля носитъ здѣсь, какъ и вообще на всемъ сѣверѣ, хищническій характеръ ¹⁾. Промышленникъ *всегда* опутанъ долгами, въ которые его намѣренно втягиваютъ купцы и ихъ приказчики. Обычно такое явленіе: весной промышленникъ ѣдетъ въ с. Казачье расплатиться съ долгами и закупить на добытые за зиму мѣха кое-какого товара.

Рис. 21. Сѣрать вѣтку.

Совершивъ эти несложныя операціи, онъ прощается съ купцомъ и собирается уходить изъ лавки. Купецъ его не пускаетъ: онъ угощаетъ его чаемъ, болѣе упрямому подноситъ стаканчикъ водки,—противъ этого соблазна устоять невозможно, вѣдь здѣсь не только удовольствіе, но и по-

---

¹⁾ Для многихъ приведенныхъ здѣсь фактовъ о торговлѣ, промышленности и деньгахъ, сравн. высказанное въ рецензій Вл. Богданова на книгу проф. Довнаръ-Запольскаго: «Исторія русскаго народнаго хозяйства». Т. I. («Этногр. Обозр.» Кн. XC—XCI, стр. 242—246).

четь передъ другими людьми. За чаемъ купецъ предлагаетъ своей жертвѣ разные товары, открывая *охотно* („надо, братъ, тебя уважить“) кредитъ на нѣсколько десятковъ рублей.

Промышленникъ, размягченный лаской и вниманіемъ купца, не въ силахъ отказаться отъ предложенія (да и, дѣйствительно, чего не нужно индигирцу въ его убогомъ хозяйствѣ, въ которомъ часто и простой желѣзный гвоздь можетъ быть цѣнной находкой!)—набираетъ товара и... попадаетъ въ кабалу. Онъ уже долженъ купцу—и первую свою добычу долженъ отдать своему кредитору часто за полцѣны. Этимъ объясняется та таинственность, которой индигирецъ окружаетъ свой промыселъ—удачу всегда скрываютъ, всегда преуменьшаютъ, а самыя торговыя сдѣлки совершаютъ въ тайнѣ, между четырехъ глазъ, оглядываясь по сторонамъ. Часты такіе случаи: песецъ быстро поднимается въ цѣнѣ, у промышленника добыты ихъ нѣсколько штукъ, но онъ только охаетъ, жметъ и ждетъ пріѣзда своего кредитора, которому отдаетъ своихъ песцовъ по 8 рублей, хотя цѣна на нихъ кругомъ стоитъ въ 14 рублей. Продавать тайкомъ—узнаетъ купецъ и „обидится“, выплатить долгъ деньгами тоже нельзя, потому что и въ этомъ будетъ для купца „обида“, которую тотъ на немъ выместитъ. По той же отчасти причинѣ нельзя также выдержать песка до настоящей цѣны—кредиторъ ждать не станетъ.

Что касается значенія спирта въ мѣстной торговлѣ, то роль его огромна даже и тогда, когда его имѣется очень мало. Страсть къ спирту у русскихъ и инородцевъ здѣсь почти болѣзненна. Опустошеніе, которое среди мѣстныхъ инородцевъ произвела русская „культура“ за три столѣтія своего существованія, нужно, конечно, главнымъ образомъ приписать спирту. Мнѣ называли не мало юкагировъ и чукотъ, которые за одно - два поколѣнія совершенно проматывали на спиртъ и картахъ огромныя состоянія, заключавшіяся въ многотысячныхъ стадахъ оленей.

Обычно купецъ поступаетъ такъ: пріѣхавъ „въ гости“ къ богатому юкагиру или чуктѣ, онъ пьетъ съ нимъ чай и за чаемъ подноситъ *каждому* по стаканчику водки. Затѣмъ бу-

тылку прячетъ. Чаепитіе продолжается. Но, хлебнувъ волшебной влаги, дикарь теряетъ уже всякое самообладаніе, котораго у него и вообще немного: ему нужно обязательно *напиться пьянымъ*, объ этомъ моментѣ онъ мечталъ весь годъ. И онъ тащитъ купцу все, что только можетъ интересовать послѣдняго. Чѣмъ сильнѣе страсть къ спирту и чѣмъ сильнѣе опьяненіе, тѣмъ, конечно, выгоднѣе идетъ для купца „торговля“.

Когда я гостилъ у юкагировъ, то часто приходилось слышать усиленные просьбы угостить ихъ водкой. Нѣкоторые

Рис. 22. Тяжелые волока близъ Ярка у морской губы.

не только просили, но буквально умоляли; протягивали небольшой стаканчикъ, въ которомъ была положена 10 рублевая бумажка, предлагали песка (великолѣпный „полный“ песецъ, цѣна которому была навѣрное не меньше 24 руб.), за бутылку водки просили выбрать любого ѣздового оленя (хорошій ученый олень, „который въ сторону не бросается и самъ на дымъ идетъ“, стоитъ здѣсь 20—25 р.). Можно себѣ представить, что въ состояніи продѣлать беззастѣнчивый купецъ въ такихъ условіяхъ! И нѣкоторые продѣлы-

вають... (Хотя бывают и такі случаи: купецъ не сдержится, самъ выпьетъ лишняго,—наконецъ, ляжетъ костью со своими кліентами и возвращается домой съ пустыми руками—безъ песцовъ и безъ спирта). До сихъ поръ спиртъ въ потребномъ для купцовъ количествѣ имѣлся на сѣверѣ всегда: въ Верхоянскѣ (куда тоже „запрещенъ“ его ввозъ)

Рис. 23. Юкагиръ Тута.

его всегда раньше можно было купить какъ по таксѣ—5 руб. бутылка, въ Нижне-Колымскѣ спиртъ доходилъ уже до 25 рублей. Лѣтомъ 1911 года въ Булунѣ на Ленѣ было конфисковано 150 ведеръ спирта,—провезли, конечно, черезъ тотъ же Булунъ въ нѣсколько разъ больше, чего почти

не скрывали: такъ, при мнѣ зимой 1911—12 г. привезенъ былъ въ с. Казачье (Усть-Янскъ) спиртъ изъ Булуна на нѣсколькихъ подводахъ, о чемъ знало все селеніе. Лѣтомъ 1912 г. якутскимъ губернаторомъ приняты были строгія мѣры противъ ввоза спирта въ сѣверные округа, въ Усть-Янскѣ даже учрежденъ былъ специальный постъ изъ 9 казаковъ для розысковъ спирта и наблюденія за торговыми приѣмами сѣверныхъ купцовъ. Они дѣлали неожиданные набѣги на купцовъ, внезапные обыски товаровъ въ пути. До сихъ поръ конфисковано... ведро спирта у одной неосторожной купчихи. Другой постъ для ловли спиртоносцевъ учрежденъ на Усть-Алданѣ. Нѣтъ, конечно, сомнѣній, что эти мѣры къ желательнымъ результатамъ не приведутъ. Да вѣдь и казаки—тѣ же люди, которымъ врядъ ли чуждо человѣческое... Несомнѣнно одно: цѣна спирта теперь на сѣверѣ подымется, и за стаканъ юкагиры будутъ давать не одного песца, а двухъ... Запретительныя мѣры, какъ всегда и всюду, приведутъ къ прямо обратнымъ результатамъ.

Въ Якутскомъ селеніи Абый зимой 1912 г. мнѣ пришлось слышать отъ одного мѣстнаго купца слѣдующій любопытный разговоръ.—Бѣда съ этимъ запрещеніемъ, придется торговлю здѣсь закрывать. Привезъ къ зимѣ товары, наѣхали изъ улусовъ якуты за покупками.—А, что,—спрашиваютъ,—сладенькое есть?—Нѣтъ, говорю, и не будетъ сей-годъ, губернаторъ запретилъ.—Ну, говорятъ, не будетъ, такъ и товаровъ намъ твоихъ не надо.—Такъ и ушли. Мнѣ, при моей торговлѣ, безъ десяти ведеръ спирта не прожить“.—Торговли все-таки купецъ не закрылъ, очевидно — достать 10 ведеръ спирта ему удалось, т. к. позднѣе слышно было, что онъ торгуетъ хорошо. Конечно, спиртъ ему теперь обошелся дороже (трудность провоза, рискъ), что отзовется прежде всего на его покупателей — якутахъ. Весь одеколонъ, имѣвшійся въ абыйскихъ лавкахъ, давно уже былъ выпитъ.

Спиртъ (и еще карты) на сѣверѣ вообще одна изъ тѣхъ осей, на которой вертится мѣстная жизнь — онъ создаетъ богатства, даетъ власть, на немъ созидаются и терпятъ крушенія карьеры даже высшихъ полицейскихъ чиновъ (какъ

это имѣло мѣсто въ Ср.-Колымскѣ и Верхоянскѣ). И какую роль, даже по признанію администраціи, играетъ спиртъ въ мѣстной жизни—объ этомъ можно судить по одному тому, что съ каждаго чиновника, ѣдущаго на службу въ сѣверные округа, *берется въ Якутскъ подписка*, что онъ самъ не будетъ употреблять спиртныхъ напитковъ. Надо ли говорить, что эта подписка ни къ чему фактически не обязываетъ. Вѣдь всѣ почти мѣстные чиновники смотрятъ на свое пребываніе на сѣверѣ, какъ на временное, изъ котораго они стараются извлечь *всяческую* выгоду; рѣдко кто не заинтересованъ изъ нихъ торговыми оборотами, въ которыхъ спиртъ играетъ такую исключительно важную роль: вѣдь спиртъ на сѣверѣ стоитъ гораздо дороже денегъ... И это будетъ продолжаться, вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока вообще будетъ существовать запрещеніе на ввозъ спирта въ сѣверные округа. Сами индигирцы въ одинъ голосъ увѣряютъ, что, когда по Индигиркѣ существовали „вольные кабаки“ (до введенія винной монополіи), разоренія было меньше.

IV. Промыслы.

Основной промыселъ индигирца—рыба.

Какъ только съ берега стаетъ снѣгъ и вдоль рѣки протянутся забереги, начинаютъ неводить. Въ этомъ году неводить начали 27 мая (рѣка вскрылась 1 іюня)—попадали омули, чирь, муксуны и сельдьятка, но главной рыбой вешняго улова считаются *муксунъ*, *чокуръ* и сельдьятка. Понемногу вода съ рѣки (черезъ забереги) вливается въ виски и лайды, вмѣстѣ съ внешней водой въ лайды заходятъ муксунъ и нерпейка (молодой чирь), на которыхъ по лайдамъ ставятъ сѣти. Неводьба все это время до прохода льда идетъ непрерывно—здѣсь на рѣкѣ попадаетъ нельма, иногда налимъ. Около невода живутъ бабы и подростки (живутъ это время у „рыболовныхъ песковъ“), сѣтями заняты мужики на „вѣткахъ“. За пять дней въ это время одинъ неводъ добылъ 1500 сельдей и нѣсколько сотенъ рыбы; 22 сѣти, по-

ставленные въ вискѣ, дали за одну ночь 70 рыбъ. Во время вскрытія рѣки и прохода льда ловля въ рѣкѣ прекращается— вода разливается, и рыба при высокой водѣ идетъ по серединѣ рѣки. Промыселъ снова возобновляется, какъ только вода начинаетъ падать; въ лайдахъ вода въ это время тоже начинаетъ спадать, и вмѣстѣ съ ней въ рѣку выходитъ рыба. За одну ночь три сѣти въ вискѣ дали десятка полтора рыбъ (омуль, чиръ, муксунъ) и 180 сельдятокъ; одна сельдевка за 10 часовъ дала 80 сельдей. Послѣ прохода льда, когда вода спадаетъ, на рѣкѣ добываютъ муксуна и омуля—

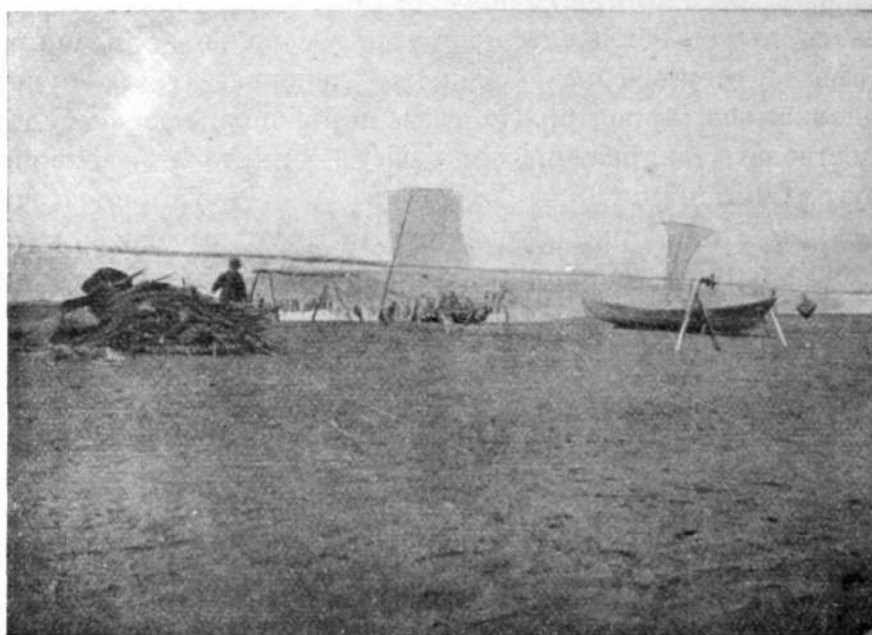

Рис. 24. Невода.

омулевый ходъ продолжается до Петрова.— За лѣто вода въ рѣкѣ нѣсколько разъ поднимается, и тогда рѣчной промыселъ прекращается—поднимается вода очень нерегулярно, въ зависимости отъ выпавшихъ сверху дождей или вѣтра съ моря. До нормальнаго уровня вода спала въ серединѣ іюня; 20-го іюня стала подниматься, въ концѣ іюля рѣка сильно обмелѣла, но потомъ вода опять начала быстро прибывать и къ 9 авг. дошла до края береговъ (какъ весной)—эта вода была сверху; послѣ 9-го опять упала и падала, не

переставая, до 15 сент., когда Индигирка встала, и даже позже—уже подо льдомъ, отчего ледъ на рѣкѣ осѣдалъ и ломался.

Все лѣто въ „ўловахъ“ („ўлово“ — столкновение двухъ теченій, водоворотъ) на рѣкѣ ловятъ сѣтями рыбу, иногда сельдевыми—сельдь; въ первую половину лѣта мечутъ также сѣти по лайдамъ. Съ Прокопьева дня (8 іюля) до осени ловятъ нерпейку—въ сѣтяхъ и неводу. Съ середины іюня омуль, чирь, сельдятка бываютъ икряными; омуль идетъ въ это время вверхъ выпускать икру, откуда возвращается въ концѣ сентября—началѣ октября похудѣвшимъ и сильно

Рис. 25. Неводятъ.

измѣнившимся—въ видѣ „устарокъ“. Къ Успеньеву и послѣ Успеньева начинается ходъ сельдятки и муксуна, который продолжается до Воздвиженья; особенно икряными муксунъ и сельдятка бываютъ въ срединѣ августа. Метать икру рыба начинаетъ къ Иванову дню (29 авг.). Послѣ Воздвиженья начинается подо льдомъ на рѣкахъ ловля сельдей и устарокъ, на озерахъ—чирь и сельдятка, до Николина дня (6 дек.). Ловля сельдей бываетъ особенно добычлива на р. Елони (но не каждый годъ)—этотъ промыселъ продолжается около недѣли. Послѣ Дмитріева дня (26 окт.) внизу ловятъ (на р.р. Новой и Нѣмковѣ) омуля, котораго затѣмъ у моря

промышляютъ всю зиму—и омулевья сѣти снимаютъ лишь въ концѣ марта.

Въ прежнее время часто „запирали“ всѣмъ обществомъ рѣчки и виски, при чемъ добычу дѣлили по числу участниковъ промысла, но въ послѣднее время эта артельная ловля вывелась изъ обычая—главнымъ образомъ благодаря противодѣйствию богачей, для которыхъ индивидуальная ловля при большемъ, по сравненію съ остальными, количествѣ сѣтей, конечно, добычливѣе. Настоятъ на своемъ бѣдняки не рѣшаются, да и не въ силахъ.

Рис. 26. Тянуть неводъ.

Заводъ:

Сѣть—исключительно изъ волоса; вышиная — печатная сажень (4 арш.), 27 узловъ; длина—12 сажень, 350 ячей, ячей—въ 4—7 пальцевъ. На омуля—6 перстовъ, на пельдятку и чокура—4 перста, на чира и нерпейку—5 пальцевъ, на нельму—4—7 перстовъ. На сѣть идетъ 2—3 фунта волоса по 1 р. 50 к. фунтъ; хватаетъ волосяной сѣти лѣтъ на десять. Въ хозяйствѣ бываетъ 10—200 сѣтей. На „уловѣ“ (слияніи двухъ теченій) такая сѣть подниметъ 20 омулей.

Сельдевка — изъ волоса: вышина 45 узловъ, 1 сажень, длина—600 ячей, 12 сажень; ячея—3 перста. Идетъ на сельдевку 4 ф. волоса. Промышляютъ ею сельдь и пельдытку; одна сельдевка поднимаетъ 300—400 сельдей. Хватаетъ на 10 лѣтъ. Въ хозяйствѣ—1—20 сельдевокъ.

Неводъ—изъ нити; 6 мережъ или ставокъ, каждая мережа 8 сажень длины (на тетивѣ $6\frac{1}{2}$ сажень), вышина 66 ячей (ячея въ 3 перста), длина 30 сажень; идетъ 12 ф. нити по 1 р.—1 20 к. фунтъ или 20 ф. конопли по 50 к. ф. Хватаетъ

Рис. 27. Выбираютъ рыбу.

на 1 годъ изъ покупной нити и на два года изъ нити своей работы. Въ хозяйствѣ 1—3 невода.

Заводъ вообще дается исполу.

Мережи идутъ также на гусеваніе и перегораживанія високъ (12—20 сажень).

Неводъ можетъ дать до 50 рыбъ и 1000 сельдятокъ въ день, и потому добычливѣе сѣтей, но онъ требуетъ непрерывной работы и зимой бездѣйствуетъ, сѣть же оставляется на мѣстѣ, и добывать ею можно круглый годъ. Если осенью

хорошъ ходъ сельди, то много даетъ сельдевка (подо льдомъ)—такъ въ 1911 г. самое слабое хозяйство добыло на Елони за 10 дней 5—6 тысячъ, а богатое—до 40.000. Зато въ 1912 г. уловъ сельди былъ вовсе плохъ.

У сѣтей и особенно сельдевокъ есть опасный врагъ—большая бѣлая чайка. Сильнымъ клювомъ она легко раздираетъ сѣти, вытаскивая рыбу, и сильно вредитъ промыслу. Облюбовавъ сѣть, она караулитъ ее и заставляетъ хозяина чинить снасть ежедневно. Съ ружьемъ не подпускаетъ, на „уду“ попадаетъ рѣдко („уда“—острая палочка, воткнутая внутрь сельдятки,—жадная птица проглатываетъ рыбу цѣликомъ и давится).

Рыба.

Сельдятка—основной кормъ собакъ. Ловятъ еще по берегамъ. Неводъ здѣсь даетъ за день 1—2 тыс. сельдятокъ. Послѣ прохода льда по вискамъ ловятъ сельдевками—въ сутки сельдевка даетъ въ это время 100—150 сельдей. На озерахъ попадаетъ очень рѣдко. Понемногу ловятъ ее на рѣкѣ все лѣто. Въ серединѣ іюня—икряная, мечетъ икру къ 1 сентября. На рѣкѣ больше попадаетъ съ Успенья до Воздвиженья, но главный уловъ ея бываетъ на Елони послѣ Воздвиженья (около 10 дней). Также ловятъ въ это время и немного позднѣе сельдевками на рѣкѣ. Иногда—очень рѣдко—бываетъ около зимняго Никола (6 дек.)—жирная, какъ омуль.

Чирь (*salmo nasus*), *перпейка* (маленькій чирь)—лучшій сортъ мѣстной рыбы. Весной по лайдамъ, лѣтомъ въ неводу, къ Успенью чирь кончается. Зимой (и осенью)—по озерамъ. Икряный—въ серединѣ іюня, мечетъ икру къ 29 авг. (Ивановъ день). Озерной чирь съ бассейна Индигирки славится своимъ вкусомъ по всей Якутской области. Юкагиры знаютъ по тундрѣ внутреннія озера, гдѣ чирь водятся необыкновенныхъ размѣровъ; я самъ видѣлъ у нихъ чировъ болѣе двухъ аршинъ длиною.

Омуль (*salmo autumnalis*)—послѣ прохода рѣки до начала іюля. Съ середины іюня идетъ вверхъ метать икру, возвращается („устарокъ“) въ началѣ октября; за исключеніемъ октября попадаетъ икрянымъ во всякое время года. Съ

Дмитріева дня (26 окт.) ловятъ внизу (на Новой рѣкѣ), съ Никола до Рождества на р. Нѣмковѣ (близъ самаго моря), иногда до Крещенья и даже весны.

Муксунъ—съ вешней водой по лайдамъ до прохода льда, лѣтомъ его мало (но въ морской губѣ во время гусеванія 8—20 іюля попадался хорошо, икряный). Около Успенья и позднѣе въ рѣкѣ неводомъ добываютъ много икряного муксуна (до 200 на неводъ), зимой—въ Индигиркѣ (въ ямахъ).

Нельма—(salmo leucichtys)—попадается преимущественно

Рис. 28. Съ рыбой у берега.

весной и зимой; иногда запутывается (благодаря своей острой мордѣ) даже въ сельдевкахъ. Бываетъ въ пудъ и болѣе.

Налимъ—весной въ неводу; не часто.

Стерлядь—(„костѣрка“) — небольшая, попадаетъ рѣдко: лѣтомъ и осенью подо льдомъ въ сельдевкахъ.

Чѣкуръ—весной въ рѣкѣ.

Чукучанъ—(catostomus)—весной въ сѣтяхъ и неводу, немного.

Пельдь—осенью и зимой въ озерахъ сельдевыми, икряная.

Красніна или краска —(зубастая рыба съ нѣжнымъ, розовымъ мясомъ; на Ожогинскомъ озерѣ вверху Индигирки достигаетъ огромныхъ размѣровъ—свыше 2 арш. длиной)—осенью и зимой въ озерахъ.

Щука—рѣдко.

Рыба кормитъ индигирцевъ, песецъ даетъ имъ деньги. У промышленника бываетъ отъ 20 до 30 ловушекъ, расположенныхъ по всей округѣ до самаго моря и по берегу его—радіусомъ отъ 5 до 130 верстъ. Ъздятъ осматривать

Рис. 29. Муксунъ!

пасти обычно четыре раза въ зиму: въ Покровъ (1 окт.), около Афанасья (18 янв.), около Алексѣева дня (17 марта) и въ вешняго Николу (9 мая). Въ эти сроки выѣзжаютъ промышленники одновременно, и, согласно уговору, въ иное время осматривать ловушки не имѣютъ права, въ предупрежденіе возможности хищеній песцовъ изъ чужихъ пастей. Ъздятъ по пастямъ отъ 3 до 20 дней, ночуя въ специально для этой цѣли изготовленныхъ землянкахъ,—лѣсъ по большей части берутъ съ собой или заготавливаютъ съ осени по

мѣстамъ загодя для топки. Пасти переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыну и существуютъ многіе десятки лѣтъ; рачительный хозяинъ подбавляетъ новыя, исправляетъ разстроенныя.

Въ концѣ лѣта (послѣднія числа іюля), послѣ гусеванія, пастники ѣдутъ вдоль морскихъ береговъ на коняхъ настораживать пасти „мотырьками“—кончиками крыльевъ ленивыхъ гусей, заготавливаемыхъ во время гусеванія; возвращаются къ Успенью или Иванову (29 авг.). Эти морскія пасти

Рис. 30. Возвращеніе съ неводьбы.

даютъ всего больше. Въ первый зимній осмотръ настораживаютъ пасти на „симку“ (волось) и разбрасываютъ вокругъ каждой пасти кусочки кислой рыбы или гуся, чтобы заманить песца; лѣтомъ симку можетъ задѣть птица. Добываютъ въ пастяхъ за годъ отъ 2 до 50 песцовъ въ хозяйствѣ. Въ значительной степени добыча зависитъ, конечно, отъ случайности, но отчасти—также и оттого, насколько хозяинъ о своихъ пастяхъ заботится.—Осенью 1912 г. набѣгъ песца былъ необыкновенный—„что комара“. Одинъ промыш-

ленникъ изъ 300 пастей вынулъ въ одинъ объѣздъ 70 песцовъ (большею частью—крестоватики и чаяшники), но изъ нихъ цѣльныхъ было лишь 8, остальные были съѣдены въ пастяхъ другими песцами.

Линять песецъ начинается въ срединѣ мая („послѣ царя“—21 мая), когда съ тундры начинается сходить снѣгъ; лѣтомъ онъ бурый. Къ осени норникъ становится крестоватикомъ, потомъ превращается въ синеватаго чаяшника, съ появленіемъ снѣга бѣлѣетъ и становится недопескомъ. Пол-

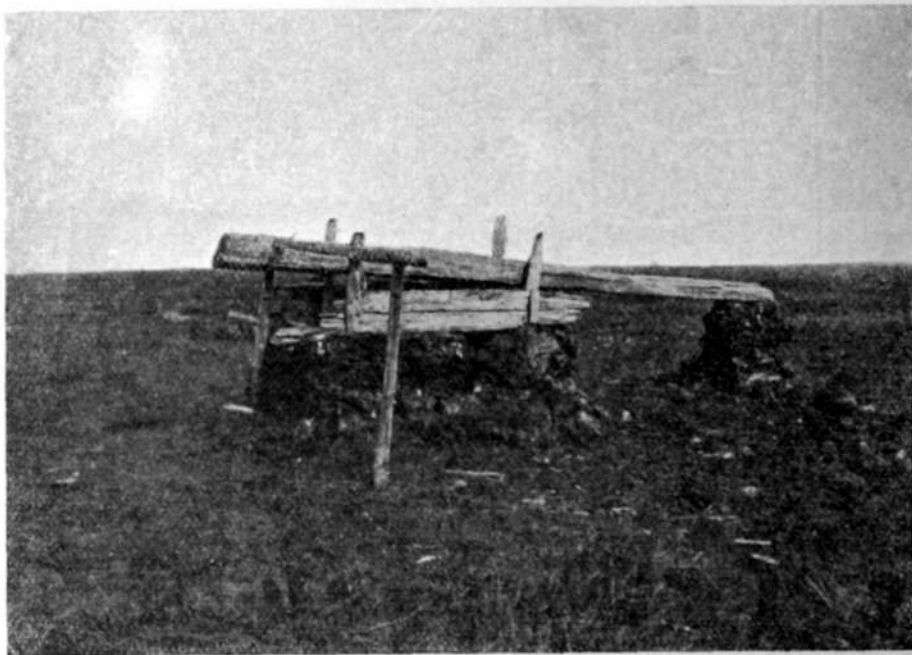

Рис. 31. Настороженная песцовая пастъ на берегу моря.

нымъ или дошлымъ (снѣжно-бѣлый) песецъ дѣлается къ Дмитріеву дню (26 окт.).

Голубой песецъ—очень большая рѣдкость; цѣна ему—отъ 50 рублей.

Нерѣдко лѣтомъ вытаскиваютъ изъ „копищъ“ норниковъ и выкармливаютъ въ деревянныхъ „сайбахъ“ (срубахъ); кормятъ до снѣга, когда песецъ „дойдетъ“—но изъ кормленокъ хорошая шкурка получается рѣдко, что объясняется больше неумѣніемъ, чѣмъ невозможностью.

Въ концѣ сентября ѣдутъ на собакахъ—кто имѣетъ оленей,—на оленяхъ—песцовать. Осеннее песцованіе возможно лишь въ томъ случаѣ, если снѣгъ падаетъ въ тихую погоду,—какъ только снѣгъ „изломаетъ“ пурга, песецъ становится неуязвимъ по насту. Снѣгъ долженъ быть въ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ арш., по такому снѣгу бѣгать песцу трудно, и собака (съ болѣе длинными, чѣмъ у песца, ногами) его догоняетъ. Молодой песецъ кружится на мѣстѣ и вертится, отчего слабѣетъ, и сабака (промышленными собаками обычно бываютъ суки,

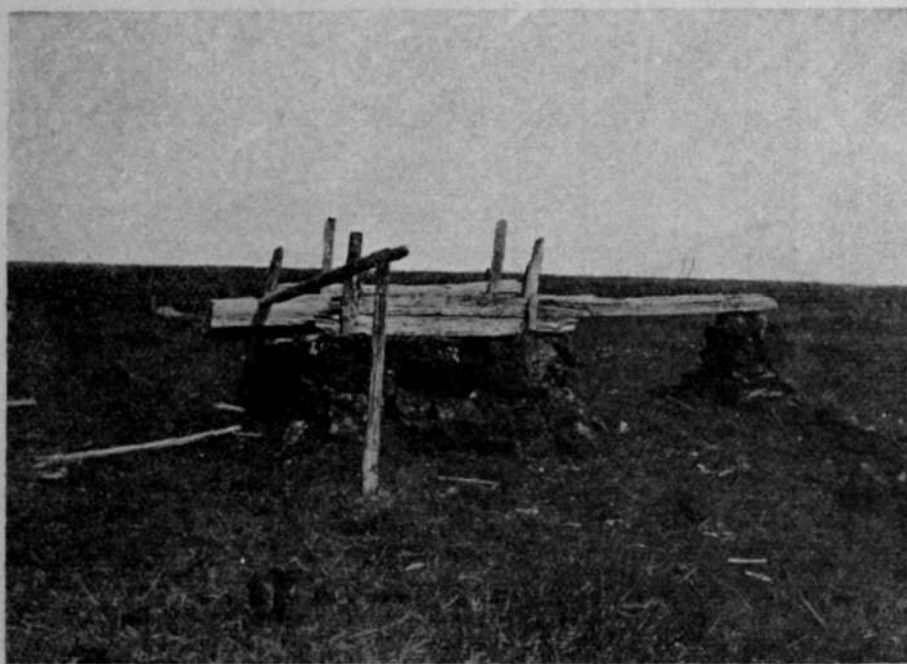

Рис. 32. Спущенная песцовая пасть.

какъ болѣе легкія и смышленные) легко тогда его загрызаетъ, наоборотъ, старый, опытный песецъ при видѣ собаки бѣжитъ всегда прямо. При маломъ снѣгѣ песецъ при малѣйшей тревогѣ бѣжитъ на гладкій ледъ, гдѣ собака удержаться не можетъ; при глубокомъ — лежитъ въ своихъ „копищахъ“ (норы его тянутся нерѣдко сажени на три), откуда его вырубаютъ, заткнувъ другіе выходы (песецъ въ это время „уркаетъ“), ярая собака даже залѣзаетъ къ нему въ нору и тамъ грызется съ нимъ; также вытаскиваютъ песцовъ изъ

копищъ крючьями, въ которые они въ озлобленіи всегда вцѣпляются. Промышляютъ осенью отъ 5 до 20 недопесковъ—каждый въ зависимости отъ погоды и состоянія снѣга.

Въ 1823 г. верхоянскій исправникъ получалъ подати съ зашиверскихъ мѣщанъ еще песцами, а въ усть-янскомъ архивѣ я нашелъ квитанцію отъ 1845 г. на полученіе податей, которыя уплачены были „частью шкурами—красная лисица 2 р., песецъ бѣлый 1-ый сортъ—1 руб., тоже—48¹/₂ коп.“—Тамъ же имѣлись казенныя *печатныя* квитанціи такого вида:

Рис. 33 По гуси: „Вѣтка“.

Квитанція.

Звѣриныхъ шкуръ получено:

соболей съ лапами и хвостами на . . . . .
лисицъ красныхъ безъ лапъ и хвостовъ на . . . . .
обскихъ бѣлокъ съ лапами и хвостами на . . . . .

Существенной подмогой рыбному промыслу является *гусеваніе* (большой бѣлолобый азіатскій гусь). Идутъ по гуси далеко не всѣ, хотя гусей охотится добыть всякій;—гусева-

ніе отнимаетъ почти цѣлый мѣсяцъ, который часто выгоднѣе затратить на добычу рыбы (если хорошъ уловъ). Идутъ тремя партіями, каждая отъ 5 до 20 человѣкъ—на Моготоевскую Лопатку, на Крестовскую и къ морю на востокъ отъ устья Индигирки (изъ Станчика). Часть гусниковъ идетъ конями по „едомѣ“ (холмами), большинство—въ „вѣткахъ“ рѣкою. У моря тѣ и другіе сходятся. Успѣхъ гусеванія зависитъ какъ отъ количества линяющихъ гусей, такъ и отъ погоды.

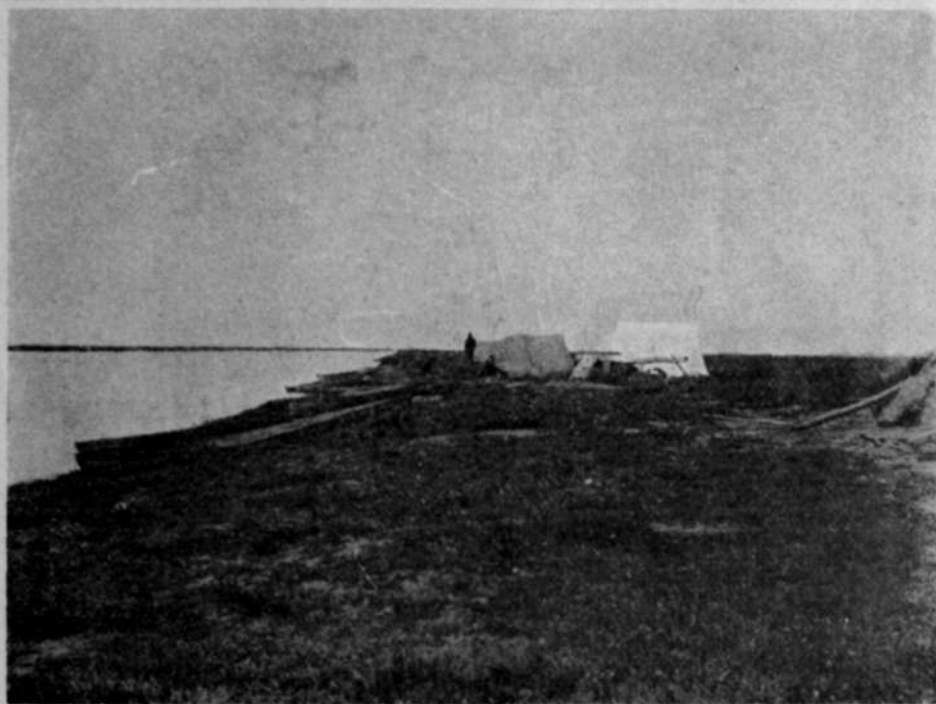

Рис. 34. Лагерь гусниковъ на Долгой Вискѣ—въ 50 в. къ сѣверу отъ Русскаго Устья.

Въ плохой годъ приходится на пай по 50 штукъ, въ хорошій—пай доходилъ до 800 штукъ (въ тотъ годъ 100 гусей стоили 2 рубля, обычная же цѣна ихъ 10 штукъ—1 рубль). Добытые гуси зарываются на мѣстѣ промысла въ ямахъ, и ѣздятъ за ними только весной; этотъ лежалый гусь всегда бываетъ кислымъ, идетъ въ такомъ видѣ на ѣду какъ людямъ, такъ и собакамъ.

Кромѣ трехъ партій мѣщанъ, гусевать ходятъ „въ свое

мѣсто“ живущіе въ Бородинѣ и Шевелевѣ якуты и изрѣдка хромскіе якуты къ устью Хромы.

Раньше (лѣтъ 30—50 тому назадъ) мѣщане ходили гусевать къ Меркушкиной стрѣлкѣ за р. Хрому, но за дальностью разстоянія это мѣсто бросили.

Иногда удается лѣтомъ упромыслить оленя. Промышляютъ мѣщане оленей всегда на водѣ копьемъ, когда олень переплываетъ рѣку*). Если выслѣдить табунъ, можно добыть нѣсколькихъ, изъ табуна въ нѣсколько сотъ головъ, лѣтомъ

Рис. 35. На Долгой Вискѣ: чаюють.

убито было на водѣ сразу 8 штукъ, а одинъ мѣщанинъ въ Станчикѣ за эту весну наколотилъ (исключительно копьемъ)

---

*) Правда, у каждого почти хозяина есть ружье, но на него надежда плохая: берданки здѣсь очень рѣдки, о винчестерѣ даже и мечтать не смѣютъ. Имѣющіяся ружья—кустарныя, худшаго сорта шомпольныя одностволки отечественнаго производства, стоящія на мѣстѣ 6—8 рублей. Ихъ здѣсь называютъ почему-то „турками“ и платятъ въ Казачьемъ по 30 рублей за штуку. Не мудрено, что многіе до сихъ поръ предпочитаютъ имъ старинныя луки. Льготная доставка берданокъ на Индигирку была бы хорошимъ подспорьемъ для мѣстнаго хозяйства.

20 оленей. Старый быкъ на водѣ грозенъ—онъ трясеть гривой и рогами и самъ бросается къ вѣткѣ, стараясь опрокинуть ее, робкіе промышленники даютъ тягу. Въ общемъ добытый олень—счастливая случайность, и потому мясо въ обиходѣ индигирца является роскошью.

Весной (конецъ мая до середины іюня) собираютъ яйца, преимущественно гусиные, но не брезгаютъ и чайчьи. Ихъ бываетъ въ хозяйствѣ нѣсколько десятковъ штукъ—для почтенныхъ гостей. Внизу (Осколково, Кусухино) яйца со-

Рис. 36. Лагерь гусниковъ на берегу моря—.Ярокъ“.

бираютъ иногда сотнями, если на островахъ въ устьѣ Индигирки хорошо клался „нѣмокъ“ (черная сибирская казарка).

Промысломъ, наконецъ, нужно считать *добываніе мамонтовой кости*. Ее или ищутъ попутно по морскому берегу и „едомъ“, настораживая пасти и возвращаясь съ гусеванія домой, или же нарочно ѣдутъ на „камень“ и „гонять яры“, для чего берутъ съ собой коней и уходятъ почти на цѣлый мѣсяцъ. Хорошіе „рога“ находятъ не часто (1 пудъ—30—65 рублей), обломки—не рѣдкость. Грузила для невода и сѣтей

большую частью состоятъ именно изъ такихъ обломковъ. Интересно, что при поискахъ кости выручка дѣлится на пай между всѣми участниками пути, если даже сами они не искали. Такъ, во время гусеванія, четверо гусниковъ нашли „рогъ“ въ 1 пудъ на берегу морской губы, но дали также пай пятому, который оставался у палатокъ и спокойно попивалъ чаекъ, пока другіе ломали свои ноги по ярамъ. На гусеваніи мнѣ предложили взять пай, хотя я и не принималъ активнаго участія въ промыслѣ (правда, „держалъ гусей“, но въ самомъ избіеніи не участвовалъ).

Еще въ 40-хъ годахъ съ Индигирки ходили за костью на Новую Сибирь, но постепенно за дальностью растоянія ходить туда перестали и уступили этотъ промыселъ въ монопольную собственность усть-янцамъ.

V. Пища.

— „Только бы далъ Господь какую ѣдишку, а то чего еще намъ!“—эта часто повторяемая индигирцами фраза много разъ внушала мнѣ увѣренность, что ею исчерпывается все ихъ міросозерцаніе—они живутъ, кажется, только для того, чтобы ѣсть. Хорошо поѣсть—выше этого нѣтъ наслажденія. Угостить почетнаго гостя водкой—это высшая честь, которую можетъ оказать хозяинъ. Лучшими подарками считается какое-нибудь лакомое блюдо—въ родѣ озернаго чира, стерлядки, оленьяго языка. Въ этомъ отношеніи здѣшніе русскіе нисколько не отличаются отъ якутовъ, юкагировъ, чукчей.

Несмотря на то, что ѣда въ жизни индигирцевъ играетъ важнѣйшую роль, ихъ кухня очень незатѣйлива. Лакомымъ и наиболѣе доступнымъ для всѣхъ блюдомъ является строганина, которую ѣдятъ даже лѣтомъ, замораживая рыбу въ погребахъ: вкуснѣе всего бываетъ струженнымъ озерный чирь, но стружатъ также и всякую другую рыбу за неимѣніемъ его—вплоть до сельдятки. Преимущественная ѣда—„щербѣ“, т.-е. вареная въ прѣсной водѣ рыба (чирь, омуль, муксунъ). Соли вообще употребляется немного, хотя казна доставляетъ

ее въ достаточномъ количествѣ (4 коп. фунтъ); приправъ никакихъ не употребляютъ, о горчицѣ говорятъ, что „она вонькая“, перецъ и уксусъ (кстати, здѣсь и то и другое очень рѣдки) пускаютъ въ ходъ больше какъ лѣкарство—„отъ сердцевой боли“ (по большей части—солитеръ). Жарятъ рыбу неохотно, хотя въ каждомъ хозяйствѣ имѣются запасы рыбьяго жира, который необходимъ не только для кухни, но и для освѣщенія—въ „лейкахъ“, т.-е. плошкахъ (обычно снимаютъ жиръ лѣтомъ съ собачьихъ котловъ). Иногда рыбу

Рис. 37. Станція гусниковъ—среди лайдъ и байдарановъ—на Крестовой лопаткѣ у Ледовитаго океана (140 в. отъ Русскаго Устья).

просто пекутъ цѣльной, положивъ около угольевъ, и ѣдятъ ее безъ соли—такъ, вѣроятно, пекли рыбу еще апостолы.

Соленья и маринадовъ не знаютъ совершенно и рыбу заготавливаютъ впрокъ лишь въ видѣ юколы, борчи и вѣрки.

Юкола готовится преимущественно изъ омуля, но изъ чира лучше. Очищенную и распластанную рыбу часто надрѣзаютъ поперекъ и вѣшаютъ на солнцѣ; въ зависимости отъ погоды, она вялится 1—3—4 дня, послѣ чего ее вѣшаютъ

надъ камелькомъ урасы въ дымъ, гдѣ она коптится нѣсколько дней—юкола готова! Это самое распространенное здѣсь къ чаю блюдо, но подаютъ ее не каждому гостю.

На *борчѹ* идутъ копченые костяные остовы съ мясомъ, остающіеся при изготовленіи юколы, также вяленая сельдь. Все это мелко толкутъ и мнутъ въ деревянной ступѣ и хранятъ въ сумахъ изъ налимьей кожи или въ деревянныхъ флягахъ (въ нихъ прежде привозили сюда спиртъ) въ видѣ сухой волокнистой каши.

Варка—это та же борча, проваренная, сверхъ того, въ рыбьемъ жиру.

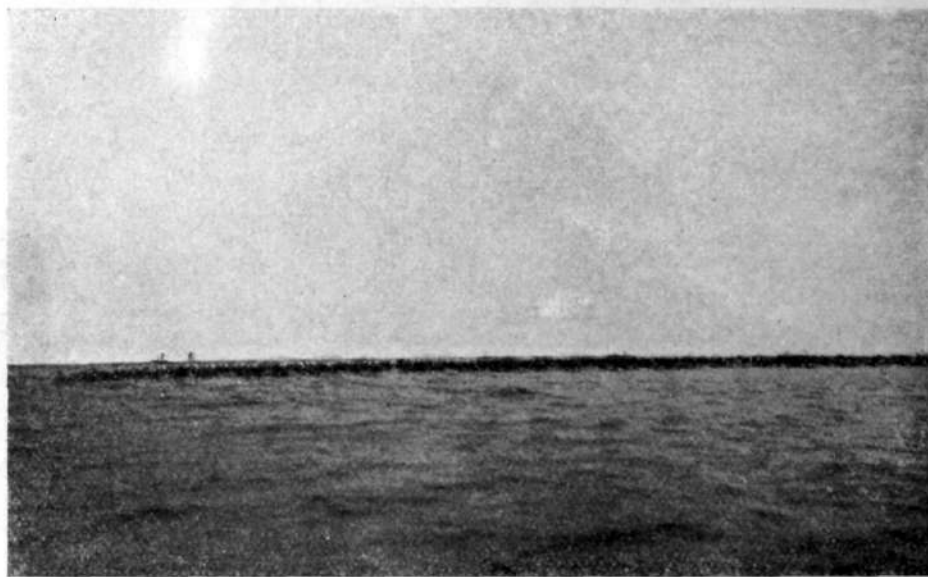

Рис. 38. „Держать“ гусей, окруживъ стадо на вѣткахъ.

Приготавливаютъ также „пирожейники“—пироги изъ рыбы, но пироги съ хлѣбнымъ тѣстомъ могутъ дѣлать только богачи. Вмѣсто нихъ, изготавливаютъ „топтанники“ — пережаренные пупки съ рыбьей кожей, закатанные въ рыбное тѣсто; эти „топтанники“ имѣютъ видъ нашихъ пироговъ съ начинкой, съ тою лишь разницей, что въ нихъ и начинка и тѣсто изготовлены изъ одного матеріала—рыбы; круглыя лепешки изъ мятой рыбы (сельдятки) называются—„тѣльнó“.

Изъ мороженой и мятой икры (лучше всего икра пель-

дятки) готовятъ алады, барбаны (толстыя лепешки), блины большіе и тонкіе во всю сковороду;—тѣсто изъ икры вѣшнимъ видомъ нисколько не отличается отъ нашего хлѣбнаго тѣста, а что касается рыбьяго жира, на которомъ изготавляются всѣ эти яства, то онъ ничего не имѣетъ общаго съ тѣмъ, что извѣстно подъ этимъ именемъ у насъ и является предметомъ ужаса для малокровныхъ (топленный жиръ изъ печени трески); здѣшній рыбій жиръ не имѣетъ запаха, вкусомъ почти не отличается отъ топленнаго русскаго масла, а

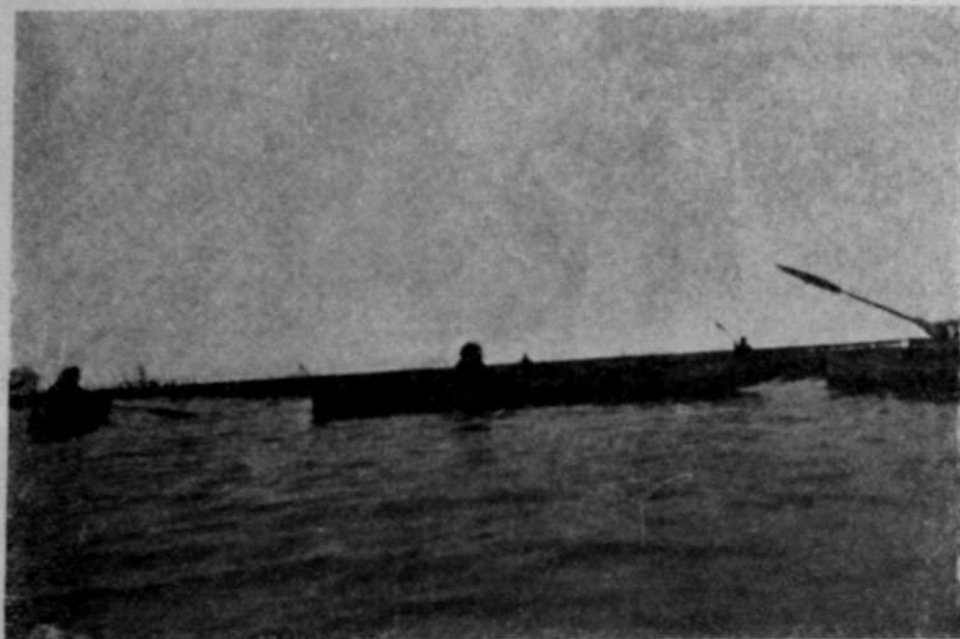

Рис. 39. Загоняють гусей.

прекрасный топленный жиръ озернаго чира, застывающій въ комнатной температурѣ, даже вѣшнымъ видомъ нисколько не отличается отъ густого желтоватаго чухонскаго масла.

Въ блины и барбанъ подбавляютъ иногда безвкусныя сладковатыя корни „макарши“, отчего тѣсто немного темнѣетъ. „Макарша“—единственное растеніе, которое здѣсь ѣдятъ, если не считать щавеля, который ребятишки жарятъ лѣтомъ въ рыбьемъ жиру. Ягодъ здѣсь нѣтъ—морошка и „дикуша“ очень рѣдки. Также жарятъ сельдязьи пупки съ вареной и толченой макаршей—называется это блюдо „макаршинный

кавардакъ“. Приходилось раньше читать, будто за неимѣніемъ зелени полярные жители употребляютъ въ пищу различные суррогаты ея въ достаточномъ количествѣ (въ родѣ побѣговъ и свѣжихъ почекъ тальника). По отношенію къ индигирцамъ это невѣрно—ихъ пища исключительно животная, за вычетомъ одного быть можетъ чая.

Хлѣбъ здѣсь очень рѣдокъ, его привозятъ купцы изъ Усть-Янска и съ Аллаихи и продаютъ по 1 рублю 1 фунтъ. Хлѣбъ печь не умѣютъ да и печей русскихъ здѣсь нѣтъ

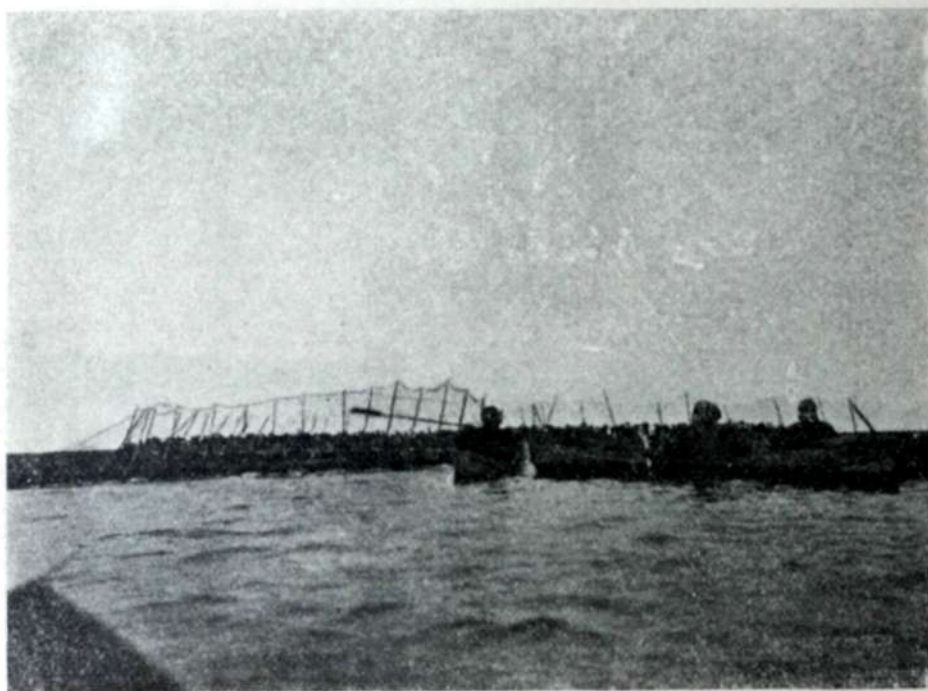

Рис. 40 Впускаютъ гусей.

на *всей* Индигиркѣ (сверху до низу, т.-е. верстъ на 900...)—имѣются лишь двѣ русскихъ печи въ Аллаихѣ—у мѣстнаго священника и одной якутки, вывезшей искусство хлѣбопеченія изъ Якутска. Вообще же мука идетъ лишь на аладыи и пироги—больше ничего изъ нея стряпать не умѣютъ. Впрочемъ, есть еще одно мѣстное блюдо изъ нея: жареную въ рыбьемъ жирѣ муку заливаютъ чаемъ, особенно употребителенъ этотъ напитокъ (какъ очень питательный) въ дорогѣ—называется „перезарь“. Ржаную муку „мутовать“ въ щербѣ—„буту-

гасъ“. — „Провіантъ“ (мука) не всегда легко достать и за деньги—вообще это роскошь, которую не всѣ себѣ позволяютъ. Кусочекъ хлѣба, сухарь, сушка или пряникъ подаются къ чаю, какъ конфеты. Все, связанное съ хлѣбомъ и земледѣліемъ, для индигирцевъ—область загадокъ. При мнѣ одинъ объяснялъ другому—„русское зерно, говорятъ, на нашу икру похоже“. О сахарѣ убѣждены, что онъ готовится изъ собачьихъ и человѣческихъ костей. Благо-

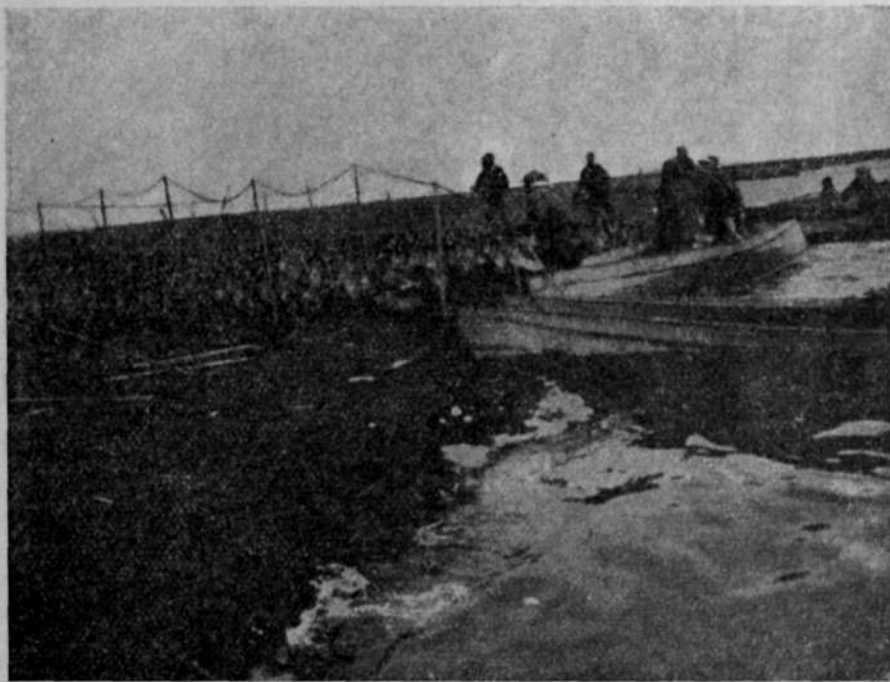

Рис. 41. Впускаютъ гусей.

даря дороговизнѣ сахаръ тоже не въ употребленіи—его подаютъ лишь гостямъ, при чемъ всякій пьющій чай съ сахаромъ, уходя домой, прячетъ оставшійся кусочекъ въ карманъ. Любятъ пить чай съ анисомъ и гвоздикой; брали у меня даже лавровый листъ для чая. Пустой чай не пьютъ никогда—при немъ всегда бываетъ какое-нибудь добавленіе: строганина, юкола, борча. Лѣтъ тридцать тому назадъ чай имѣли здѣсь далеко не всѣ—онъ былъ рѣдокъ: одинъ кирпичъ хваталъ семьѣ на цѣлое лѣто. Чай замѣняли поджа-

реннымъ на сковородѣ „бордотóномъ“, „шкиля́ми“, „брусницей“, которые заваривали въ водѣ, а то и просто пили горячую воду.

Что касается икры, то ее хотя и сберегаютъ мороженой для барбановъ и блиновъ, но нарочно рѣдко копятъ въ большомъ количествѣ. Обычно ее ѣдятъ свѣжей, но я видѣлъ, какъ цѣлое ведро уже кислой икры накопили собакамъ (конечно, могли при желаніи сохранить ее свѣжей).

Рис. 42. Гуси пойманы.

Всякое мясо (оно бываетъ рѣдкимъ гостемъ) только варять. Любятъ кости: когда я убилъ на тундрѣ оленя и отдалъ его своимъ спутникамъ, они къ моему удивленію, лучшія мѣста (грудинку и заднія ноги) зарыли въ землю для собакъ, а себѣ взяли „костки“. Съ февраля до весны ловятъ въ силкахъ куропатокъ (2—3 въ день), весной—турухтановъ „пленками“ (петлями на токовищахъ); во время прилета птицъ бьютъ всякую мелочь—все это варять. Ёдятъ даже гагаръ, но чайками брезгаютъ. Изъ птицъ всего больше бываетъ леннаго гуся, иногда попадаетъ лебедь. Гуся большею частью

ѣдятъ кислымъ (изъ добытыхъ лѣтомъ на гусеваніи)—противъ кислоты вообще ничего не имѣютъ, нѣкоторые даже ее предпочитаютъ свѣжей ѣдѣ. Во время гусеванія одинъ упорно укладывалъ въ свою плетушку прокислую рыбу, взятую еще изъ дома, пока ее не забросили—отъ нея уже пахло на цѣлую сажень,—„кислая—твердая,—увѣрялъ онъ,—свѣжая—жидкая“. На пасху староста прислалъ мнѣ въ подарокъ пирогъ изъ хлѣбнаго тѣста... съ протухшей рыбой.

Изъ жирныхъ гусей (и гагаръ) крошатъ „кавардакъ“,

Рис. 43. Убиваютъ гусей.

т.-е. рѣжутъ мясо на мелкіе кусочки и жарятъ на огнѣ въ собственномъ соку. Иногда на сковородѣ жарятъ въ рыбьемъ жиру „селянку“ изъ оленя.

Деликатесомъ, кромѣ оленьяго языка, считается сырой мозгъ изъ оленьихъ ногъ; вкусъ оленьяго мозга напоминаетъ лучшее сливочное масло, особенно хорошъ мороженный мозгъ. Сырыми грызутъ также гусинья лапки, сухожилія оленя, а изъ только что пойманной трепещущей рыбы вырѣзаютъ лентой жирный горбъ, который и съѣдаютъ безъ

всякихъ приготовленій, даже безъ соли. Лакомствомъ считается мороженная налимья печень—„макса“.

Насколько могу судить, питаются индигирцы хорошо, и, быть можетъ, этимъ объясняется отсутствіе у нихъ серьезныхъ заболѣваній. О цынгѣ здѣсь никогда не было слышно. Правда, встрѣчаются катары и солитеры, но въ этомъ ужъ повинны они сами. Главной причиной желудочныхъ заболѣваній является, конечно, строганина, которая вообще пре-

Рис. 44. Убиваютъ гусей.

обладаетъ надъ всякой другой ѣдой. Кромѣ того, что она, дѣйствительно, вкусна, она не требуетъ рѣшительно никакихъ приготовленій. Часто, проголодавшись въ дорогѣ, путникъ останавливаетъ „прудиломъ“ нарту, достаетъ изъ-подъ сидѣнья сельдятокъ, бросаетъ десятокъ - другой собакамъ, самъ садится на нарту и съ не меньшимъ, чѣмъ его четвероногіе товарищи, аппетитомъ стружить ту же сельдятку для себя, уписывая ее безъ всякихъ приправъ. Пообѣдавъ такимъ образомъ, на что уходитъ какихъ-нибудь 10—15 ми-

нута, онъ съ новыми силами мчится дальше по необозримой гладкой тундрѣ.

Только небрежностью можно объяснить то, что не у всѣхъ есть хорошіе погреба, — интересно, что вверху (Ожогоино, Похвальное) и вовсе погребовъ не имѣютъ. Вырубленные въ мерзлой землѣ погреба не всегда бываютъ хороши (если въ землѣ нѣтъ прослойки льда), набивать же погреба льдомъ — до этого они не додумались (напр., въ погребѣ моего хозяина лѣтомъ было только $-0,5^{\circ}\text{C}$.). Лѣтомъ рыбу зарываютъ

Рис. 45. Загонъ далъ 2398 гусей.

прямо въ землю — даже не мерзлую, гдѣ она, конечно, киснетъ.

Кухня—въ полномъ распоряженіи бабъ и ребятишекъ; гигиена въ ней отсутствуетъ совершенно. Посуда грязная, готовится ѣда небрежно—сплошь и рядомъ собаки вылизываютъ оставленные на землѣ тарелки. Нерѣдко, прежде чѣмъ налить гостю чаю, хозяйка его чашку облизываетъ языкомъ и, уже „вымывъ“ такъ, обтираетъ ее полотенцемъ. Вилки рѣдки, мясо ѣдятъ по-якутски, обрѣзывая куски возлѣ

самыхъ губъ ножомъ. Ъдятъ въ общемъ много: утромъ пьютъ чай и закусываютъ („пѣужинъ“), днемъ обѣдаютъ, сейчасъ же послѣ обѣда чай, третій чай вечеромъ—„вечерній чай“—тоже съ ѣдой, на ночь ужинъ. Предпочтеніе отдаютъ всему жирному—сухое мясо и рыбу почти не считаютъ ѣдой. Индигирка избаловала ихъ—рыба здѣсь прекрасная, даже осенній икряный муксунъ настолько жиренъ, что бульонъ изъ него на другой день превращается въ желе.

Рис. 46 Пушатъ гусей.

VI. Общественная жизнь.

Управа — „казенный домъ“ — находится въ Русскомъ Устьѣ. Тамъ же живутъ—мѣщанскій староста и писарь (бывшій уголовный ссыльный, приписавшійся къ обществу—одинъ изъ двухъ грамотеевъ общества; другой живетъ въ Похвальномъ). Староста и старшина выбираются обществомъ на три года, выборы посылаются въ Якутскъ на утвержденіе, которое приходитъ черезъ 1—1½ года; поэтому всегда имѣ-

ются два старосты и два старшины—старые и новые. Писарь вольнонаемный—съ жалованьемъ отъ общества. Почти каждый годъ наѣзжаетъ начальство—засѣдатель изъ Булуна или исправникъ изъ Верхоянска; послѣдній, впрочемъ, бываетъ разъ въ 3—4 года. Эти краткіе наѣзды администраціи имѣютъ чисто внѣшнее значеніе—общество управляется совершенно самостоятельно. Вся связь съ государственною выражается во взносѣ податей съ одной стороны, доставкѣ соли, иногда волоса и конопля—съ другой (за деньги, ко-

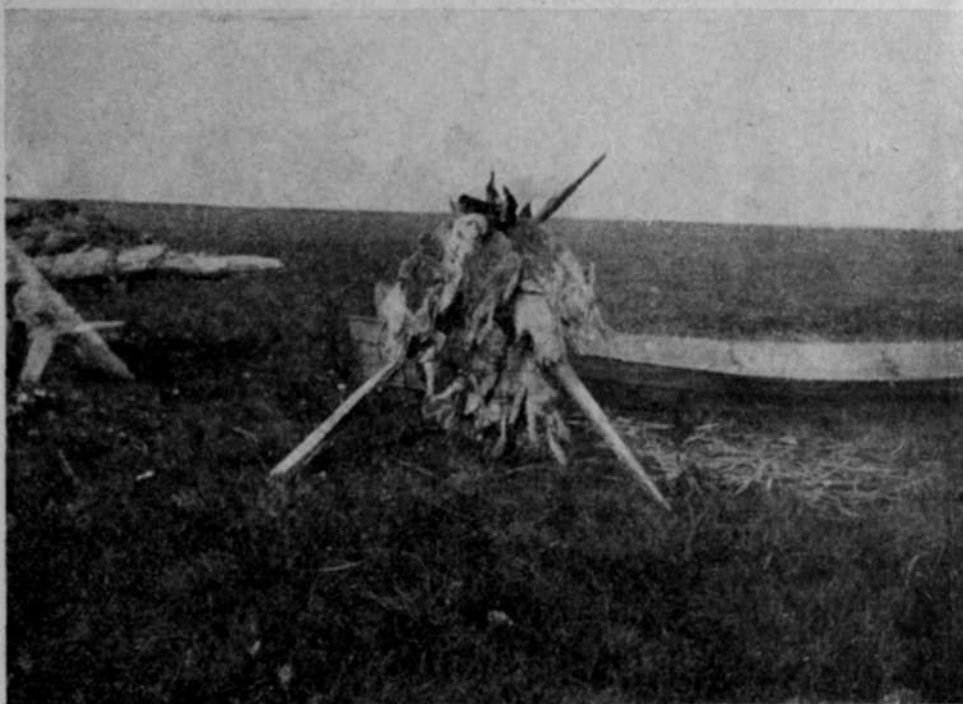

Рис. 47. Гусиный пай. Первый загонъ далъ 450 гусей.

нечно; хлѣбъ перестали высылать). Тяжбы и столкновенія разбираются своимъ судомъ—старостой, высшей инстанціей является общее собраніе. Въ Русскомъ Устьѣ имѣется даже „каталажка“ (правда, въ полуразрушенномъ состояніи), куда сажаютъ провинившихся.

Дѣла—ссоры, мелкая покрѣжа (напр., изъ пастей); при преступникѣ сидитъ сторожъ—вмѣстѣ пьютъ въ „каталажкѣ“ чай, а такъ какъ острогъ этотъ большею частью бываетъ

неисправенъ, то наказанный сидить въ домѣ сторожа. Въ годъ такихъ случаевъ бываетъ одинъ—два. Болѣе серьезныхъ преступленій въ обществѣ не бываетъ.

Три раза въ году бываютъ собранія: въ первыхъ числахъ февраля, первыхъ числахъ мая и около Николина дня въ декабрѣ. Обсуждаютъ общественныя дѣла, раскладываютъ подати, казенныя подводы, устанавливаютъ сроки для объѣзда пастей, обсуждаютъ условія промысла (весной—на лѣто), дѣлятъ соль, выдаютъ рыбу изъ запаснаго рыбнаго магазина по заявленію голодающихъ и пр. и пр. Въ жизни общества

Рис. 48. Среди гусниковъ—на обратномъ пути.

и мѣщанъ вообще собранія—время наибольшаго оживленія. Только здѣсь встрѣчаются всѣ разбросанные въ теченіе года по разнымъ уголкамъ общественники. Поэтому во время такихъ съѣздовъ вершатся самыя разнообразныя дѣла. Закупаютъ чай и табакъ, заключаютъ всякія сдѣлки, расплачиваются за долги. Дѣла вершатся общественныя, торговыя, личныя и семейныя, такъ какъ несомнѣнно при этихъ съѣздахъ высматриваютъ жениховъ и невѣстъ—вѣроятно, именно поэтому нерѣдко пріѣзжаютъ съ бабами. Улица въ это время

очень оживлена—вокругъ каждого дома звѣздами привязаны нарты съ собаками; то и дѣло попадаются мохнатая фигуры пріѣзжихъ съ развѣвающимися шарфами яркихъ цвѣтовъ (последній крикъ мѣстной моды). Въ домахъ въ это время бываетъ великая „битва“ и „распублика“—всѣ они переполнены пріѣзжими (останавливаются большею частью у „родниковъ“), днемъ съ шестка не сходитъ чайникъ, хозяинъ то и дѣло бѣгаетъ въ амбаръ, ночью полъ въ плотную устланъ тѣлами. Хозяева жмутся и разрываются на части.

Рис. 49. Возвращеніе съ промысла домой.

Эти съѣзды русско-устинцамъ очень разорительны — надо кормить гостей и ихъ собакъ (мало кто беретъ съ собой кормъ), а кормить 5—10 нартъ въ теченіе 3—5 дней—не шутка. Разоряются, но не ропшутъ — „самъ суди — вѣра у насъ такая“.

Другой важный моментъ въ общественной жизни мѣщанъ—пріѣздъ священника. Обычно онъ пріѣзжаетъ одинъ разъ въ году—передъ Пасхой,—когда раньше когда позже, въ значительной степени въ зависимости отъ того, когда онъ

окончательно убѣдится, что спиртъ, выписываемый въ небольшомъ количествѣ обществомъ изъ Якутска, дошелъ до Русскаго Устья. Въ этомъ (1912) году священникъ пріѣхалъ изъ Аллаихи въ Русское Устье въ серединѣ марта постомъ (ѣздилъ изъ Русскаго въ Станчикъ, гдѣ тоже имѣется часовенка). Всѣ необходимыя требы исполняются разомъ—крещеніе, вѣнчаніе (несмотря на постъ), отпѣваніе. Такъ какъ мѣщане—народъ все въ высшей степени религіозный, то работы священнику много; отовсюду съѣзжаются постники съ семьями; говѣютъ ежегодно. Священникъ еле успѣ-

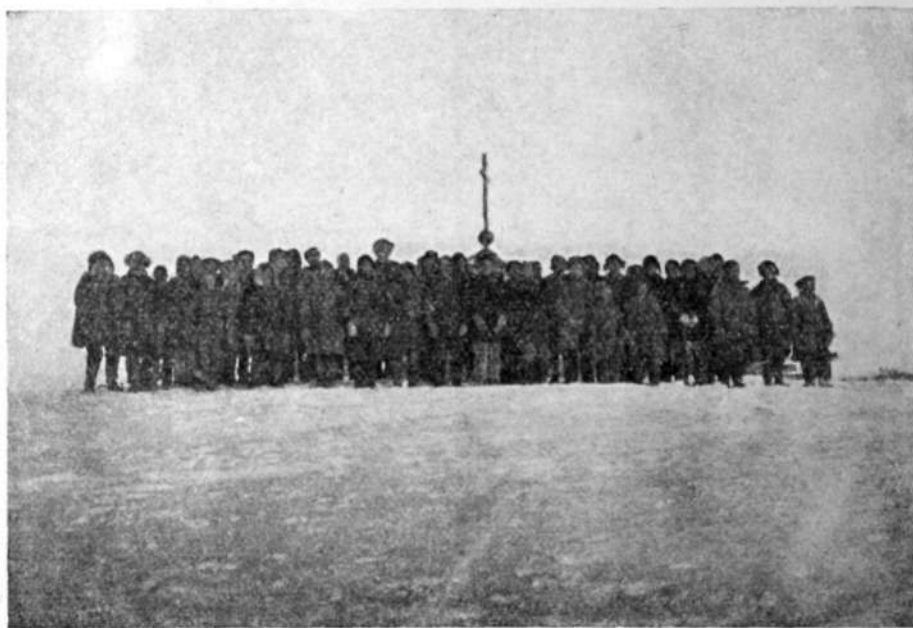

Рис. 50. Собраніе мѣщанъ Верхоянскаго мѣщанскаго общества.

ваетъ исполнять требы, и мнѣ нѣсколько разъ доносили что онъ засыпалъ и падалъ въ церкви отъ охмелѣнія. Общество уплачиваетъ ему за общественныя молебны и другія требы рыбой.

Кромѣ этихъ случаевъ, индигирцы встрѣчаются очень рѣдко. Иногда возятъ зимой бабъ въ гости, для женскаго персонала говѣнье и „гощенье“—единственная возможность встрѣчи. Мужики встрѣчаются чаще, но тоже рѣдко—если того требуетъ промыселъ (добыча рыбы, гусеваніе, песцова-

ніе); кругъ общественныхъ впечатлѣній индигирца поэтому очень ограниченъ.

Наѣзды администраціи не слишкомъ часты. Далеко не каждый годъ пріѣзжаетъ на Индигирку исправникъ изъ Верхоянска, нѣсколько чаще его бываетъ полицейскій засѣдатель изъ Булуна на Ленѣ (отъ Верхоянска и Булуна до Индигирки нужно считать приблизительно 1500-2000 вер.). Обычно дальше Аллаихи начальство не спускается, опасаясь частыхъ внизу пургъ.

Рис. 51. „Гостять“.

Нужно знать тоскливую жизнь сѣвера и связанную съ этимъ у сѣверянина жадность къ новостямъ, чтобы понять, какимъ чрезвычайнымъ событіемъ въ глазахъ индигирцевъ является пріѣздъ администраціи. Я присутствовалъ при пріѣздѣ верхоянскаго исправника въ якутскій поселокъ Аллаиху въ октябрѣ 1912 года. Весь вечеръ въ день пріѣзда улица оглашалась дикими криками якутовъ, которые бурно выражали свои чувства. На утро я уже зналъ всѣ подробности объ исправникѣ: какъ онъ одѣтъ, когда всталъ что

кому сказать—обо всемъ мнѣ добросовѣстно доложилъ мѣщанинъ, прибѣжавшій на спѣхъ изъ казеннаго дома, отъ котораго онъ старался не отходить. Въ Аллаихѣ исправникъ пробылъ нѣсколько дней; пріѣздъ начальства имѣетъ въ сущности отношеніе только къ вопросу о доставкѣ на Индигирку въ запасные магазины ржаной муки и соли; мѣщанское общество муки изъ казны не получаетъ вовсе, такъ какъ задолжало за прежніе годы (въ опредѣленной надеждѣ на „манифесты“) и высылку имъ „провіанта“ казна прекра-

Рис. 52. „Гостять“.

тила—исключеніе сдѣлано для 1913 года, такъ какъ этой осенью уловъ рыбы на Индигиркѣ былъ исключительно плохъ. Вообще же муку эти годы казна доставляетъ только якутамъ. „Дѣлами“, конечно, нельзя назвать ту массу мелкихъ жалобъ, споровъ и зачастую кляузъ, которыми якуты и мѣщане засыпаютъ исправника и по которымъ послѣднему приходится выносить тутъ же на мѣстѣ соломонново рѣшеніе. Эти наѣзды администраціи вообще необъяснимы. Мыслимо ли одному человѣку разобраться въ условіяхъ жизни и дѣ-

лахъ округа, который размѣрами своими значительно превосходитъ Францію, возможно ли даже понять что-либо изъ мѣстныхъ нуждъ при скоропалительныхъ объѣздахъ, когда на мѣстахъ приходится останавливаться на одинъ—два дня? Что могъ видѣть и понять губернаторъ, „обозрѣвая“ въ 1909 году „ввѣренную ему область“, когда, примчавшись изъ Верхоянска черезъ Абый въ Колымскъ, изъ Колымска въ Аллаиху, отдохнувъ нѣсколько часовъ въ послѣдней и умчавшись дальше въ Усть-Янскъ, гдѣ провелъ день, онъ

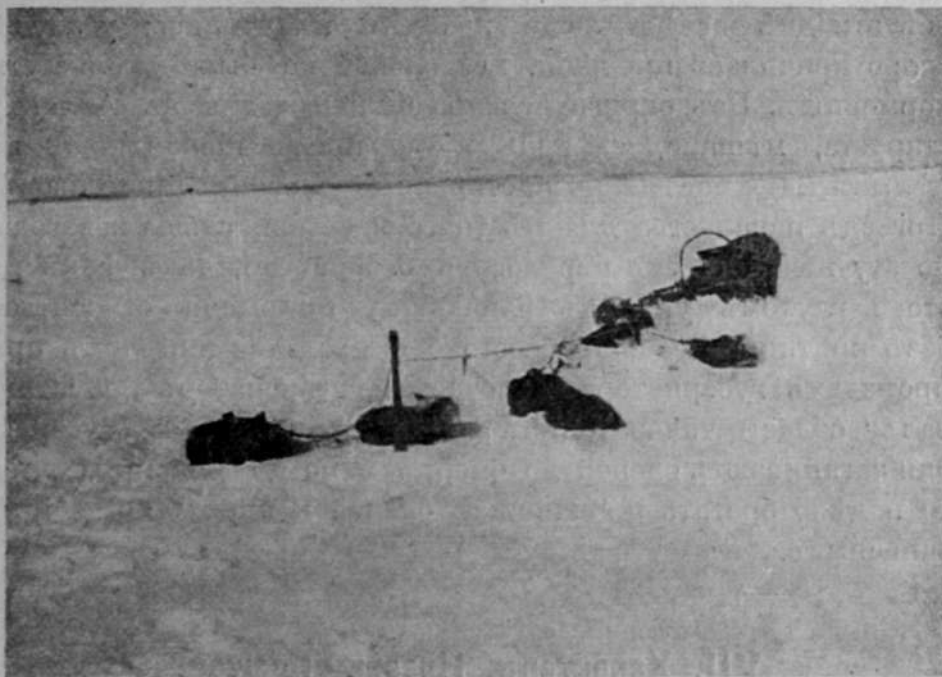

Рис. 53. Хозяева днюютъ.

снова вернулся черезъ Верхоянскъ въ Якутскъ, сдѣлавъ въ $1\frac{1}{2}$ —2 мѣсяца, почти безъ всякихъ остановокъ около 8.000 верстъ? И нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Усть-Янскѣ, не разобравъ второпяхъ просьбы явившихся къ нему съ поклономъ якутовъ, онъ простилъ имъ недоимки рыбой, которую они должны были внести въ свой общественный запасный магазинъ и своей милостью жестоко наказалъ все общество. Объ этомъ анекдотѣ и до сихъ поръ рассказываютъ со смѣхомъ въ Усть-Янскѣ... А между тѣмъ эти наѣзды админи-

страціи (фактически совершенно бесполезные) обходятся мѣстному населенію недешево. Прогоновъ начальство не платить, улусы доставляютъ оленей (мѣщане—собакъ) и ямщиковъ на свой счетъ. Тому, напр., улусу, въ которомъ находится Аллаиха, проѣздъ исправника обошелся въ 1912 году въ 200 рублей. Но это—лишь часть расходовъ. О пріѣздѣ исправника Аллаиха была оповѣщена изъ Усть-Янска за двѣ недѣли, и все это время его ждали со дня на день; собранные наспѣхъ олени были разставлены по поварнямъ, расположеннымъ по казенному тракту въ нежилыхъ мѣстахъ—всѣ эти двѣ недѣли люди и олени измучились: у людей скоро кончилась провизія, для оленей не было поблизости кормовищъ. Изъ округа наскоро были созваны въ Аллаиху староста, мѣщане, якутскіе и юкагирскіе князцы—всѣ на цѣлыхъ 2—3 недѣли были оторваны отъ своихъ промысловъ. Пріѣздъ начальства для мѣстнаго населенія сущая невзгода, но эту невзгду всѣ переносятъ безропотно, такъ какъ въ этомъ глухомъ углу къ начальству привыкли относиться безъ критики. Особенно жестоко приходится жителямъ при проѣздахъ губернатора (къ счастью, губернаторъ „осматривалъ“ область только одинъ разъ) и архіереевъ—изъ усердія они заганиваютъ оленей до смерти, и по дорогѣ приходится то и дѣло бросать пропавшихъ оленей и впрягать въ нарты запасныхъ.

VII. Характеръ. Нравы. Обычаи.

Живя въ Русскомъ Устьѣ, я читалъ „Исторію Россіи“ Соловьева и при этомъ чтеніи не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что основныя черты характера русскаго населенія XII—XIV вв. удивительно совпадаютъ съ характеромъ моихъ теперешнихъ согражданъ. Особенно разительнымъ казалось мнѣ это сходство, когда Соловьевъ даетъ характеристику русскаго населенія центральной области въ періодъ возникновенія и усиленія Москвы—та же расчетливая осторожность, боязнь риска и широкихъ плановъ, цѣпкое пристрастіе къ старинѣ и традиціямъ дѣдовъ, нелюбовь по-

визны. Русско-устинецъ будетъ примѣривать десять разъ, прежде чѣмъ отрѣзать, къ каждому предпріятію готовится исподволь и потихоньку, убѣдить же его въ чемъ-нибудь незнакомомъ и новомъ — дѣло безнадежное; такъ, напр., напрасны были мои старанія убѣдить ихъ завести общественную лавку, въ которой они могли бы получать товары вдвое дешевле противъ того, что платятъ теперь за нихъ „приказчикамъ“—каждый изъ нихъ соглашался съ моими доводами, но никто не рѣшился взять на себя инициативу

Рис. 54. Вѣнюшка и Микунюшка.

поднять этотъ вопросъ на собраніи. Такой же неудачей кончилось мое предложеніе устроить имъ сбытъ добываемыхъ песцовъ непосредственно въ Якутскѣ на лѣтней ярмаркѣ, минуя цѣпкія руки мѣстныхъ купцовъ, которые именно этой скупкой пушнины на мѣстахъ сколачиваютъ свои состоянія. — Удержавъ въ своемъ характерѣ осторожность, расчетливость, привязанность къ дѣдовскимъ традиціямъ, русско-устинцы утратили, однако, тѣ черты, которыя, какъ мнѣ кажется, являются противовѣсомъ въ національномъ

характеръ русскаго и создаютъ его устойчивость—мягкое добродушіе и юморъ. Хитрость и мелкая расчетливость у русско-устинца не спрятаны за славянскимъ добродушіемъ—очевидно, суровая жизнь стерла и вытравила изъ ихъ характера ту мягкость и мечтательность, которыя даютъ русскому въ глазахъ другихъ такую привлекательность.

Первобытная простота жизни, конечно, не могла не отразиться на характеръ русско-устинцевъ. Всего ярче это сказывается въ гостепріимствѣ, которымъ сѣверъ вообще

Рис. 55. Кешка и Алешка.

славится. Прокормъ гостей и ихъ собакъ въ каждомъ хозяйствѣ здѣсь—статья не малая. Всего больше терпятъ отъ этого жители Русскаго Устья, гдѣ бываютъ „собранія“—но все же на судьбу свою не жалуются.

Ходя къ сосѣдямъ въ гости, я никакъ не могъ отучить ихъ отъ того, чтобы они не хлопотали съ угощеніемъ. Разъ какъ-то, когда я вздумалъ отказаться отъ чая, хозяйка-старуха съ нѣкоторымъ даже раздраженіемъ замѣтила:—„Гаже тебя люди приходятъ, ѣда со стола не сходитъ—кушайте

на здоровье (низкій поклонъ), а то я худо буду думать“. — Хорошій тонъ требовалъ выпить нѣсколько чашекъ чая, которыя неизбѣжно сопровождались пряниками или строганиной, аладьями и пр. Отказаться отъ этого угощенья—значить обидѣть хозяевъ. Желаніе гостя тутъ совершенно не принималось во вниманіе, и если изъ одной избы надо было идти въ другую, то приходилось очень тяжело. Этотъ обычай, конечно, и меня обязывалъ не отпускать гостей безъ угощенія, на что уходило очень много времени и труда.

Силу лести и подарковъ знаютъ хорошо. Когда я ѣхалъ сюда и по дорогѣ останавливался для отдыха въ Бородинѣ, хозяинъ юрты, гдѣ я пилъ чай, вышелъ на середину комнаты, отставилъ ногу и, принявъ позу оратора, началъ такъ свою рѣчь: „Ты, Ваше Высокоблагородіе“... Когда я его остановилъ и замѣтилъ ему, что съ начальствомъ ничего общаго не имѣю, онъ все же не смутился—пошептался о чемъ-то съ женой и вынесъ мнѣ съ поклономъ двухъ великолѣпныхъ чировъ—и былъ, вѣроятно, очень удивленъ, а можетъ быть даже обиженъ, когда я его презента не принялъ. Начальство и купцы пріучили ихъ къ этому—каждую просьбу они сопровождаютъ какимъ-нибудь подаркомъ (лапки песка, рыбу, яйца). Эти подношенія часто ставили меня втупикъ, такъ какъ отказъ нерѣдко принимался за обиду. Но я сомнѣваюсь, носили бы они мнѣ эти подарки, если бы считали меня не такимъ „ученымъ“ и „богатымъ“,—да и, кромѣ того, въ обмѣнъ услугъ и благъ врядъ ли они въ итогѣ оставались въ ущербѣ...

Льстить русско-устинцы умѣютъ очень тонко—они особенно любили говорить, какъ плакали и убивались по мнѣ ихъ ребяташки, когда я на цѣлый мѣсяцъ ушелъ къ морю по гуси, также при извѣстіи о моемъ отъѣздѣ. Во время такихъ рѣчей ребята молча сидѣли тутъ же и не протестовали, но при всемъ желаніи на ихъ фізіономіяхъ нельзя было прочесть ничего, кромѣ любопытства.

Элементарная честность, къ моему удивленію, оказалась не на той высотѣ, какъ я думалъ здѣсь встрѣтить въ связи съ патріархальностью ихъ жизни. Такъ, сына моего хозяина,

мальчика 14—15 лѣтъ, я поймалъ на мелкомъ неоднократномъ воровствѣ (сахаръ, хлѣбъ)—даже со взломомъ,—мать знала объ этомъ и хотя предупреждала его, что „дядюшка будетъ сердиться“, но добычу его пускала въ свой хозяйственный оборотъ, чего, конечно, не могъ не замѣчать и ея мужъ. Правда, на лѣто всё смѣло оставляютъ (хотя и подъ замками) во время кочевки свое добро въ покинутыхъ домахъ и амбарахъ, и случаевъ пропажи не бываетъ, но все же воровство песцовъ изъ пастей случается почти ежедневно, а потому, во избѣжаніе „грѣха“, принято для осмотра ловушекъ ѣздить одновременно. Кое за кѣмъ такіе грѣхи числятся—грѣшилъ въ молодости этимъ даже теперешній староста. Два-три раза въ году, случается, такихъ преступниковъ сажаютъ на нѣсколько дней въ общественную „караулку“, но чаще ограничиваются взысканіемъ стоимости песка съ похитителя въ пользу потерпѣвшаго. Встрѣчаются случаи обмана и мелкаго мошенничества, что мнѣ пришлось испытать и на себѣ. Прямодушіемъ и чисто-сердечіемъ русско-устинцы не блещутъ и кривые пути часто предпочитаютъ прямымъ.

Такъ, въ теченіе всей весны я напрасно искалъ всюду нарту для поѣздки къ морю, гдѣ въ это время выходитъ изъ берлоги бѣлый медвѣдь, предлагалъ при этомъ хорошую плату: одни отговаривались незнаніемъ мѣста, другіе неимѣніемъ корма, что, впрочемъ, не мѣшало имъ самимъ въ это время разѣзжаться всюду. Позднѣе выяснилось, что меня мѣщане въ Русскомъ Устьѣ „запирали“ сознательно, руководствуясь при этомъ присланной имъ обо мнѣ бумагой губернатора. На гусеваніе лѣтомъ мнѣ удалось пойти только послѣ того, какъ я оставилъ старостѣ родъ завѣщанія (по рѣшенію собранія, на которое я былъ вызванъ), что въ случаѣ моей смерти на водѣ всякая отвѣтственность со старосты и общества снимается; при этомъ мѣщане наивно увѣряли меня, что такую бумагу они просятъ, заботясь обо мнѣ(?!), а вовсе не изъ боязни отвѣтить за мою смерть передъ начальствомъ.

Попрошайничество — нерѣдко. Приходитъ парнишка: „маменька заказывала—не оскорбитесь...“ затѣмъ слѣдуетъ

просьба дать „провіанта“ или чая, хлѣба, сахара. Ненужныя мнѣ подношенія въ видѣ рыбы обязывали меня, въ свою очередь, такія просьбы удовлетворять. Мелочныя, непріятныя черты характера индигирца выступили для меня съ особенной яркостью послѣ того, какъ я завелъ знакомство съ юкагирами. Юкагиры прямодушны, чужды мелочности и лести, въ ихъ характерѣ есть первобытное благородство, почти рыцарское. Русско-устинецъ, съ которымъ я впервые пріѣхалъ къ юкагирамъ въ гости, давалъ мнѣ практическіе совѣты: „будутъ давать тебѣ песцовъ, языки оленьи—ты, смотри, не отказывайся, все бери“.

При отъѣздѣ моемъ изъ Русскаго Устья многія церемоніи были отброшены въ сторону, всякій старался извлечь изъ меня возможно бѣльшую пользу, сохраняя въ рѣчи льстивыя фразы и добрыя пожеланія. Эти проводы оставили въ памяти горкій осадокъ, какъ-будто я былъ присланъ въ Русское Устье начальствомъ для извлеченія изъ меня индигирцами всякой выгоды.

О легкости мѣстныхъ нравовъ, въ собственномъ смыслѣ, мнѣ передавали еще въ Усть-Янскѣ. Рѣдкая здѣшняя дѣвушка до замужества не бываетъ въ связи и почти неизбѣжно приносить мужу вмѣстѣ съ приданнымъ и своихъ ребятъ. Явленіе это настолько распространенное, что ничего зазорнаго въ немъ не видятъ. Сплошь и рядомъ дѣти до брака бываютъ отъ будущаго мужа, которому потомъ приходится возиться съ усыновленіемъ.

Часто при разспросахъ приходилось слышать отвѣтъ: „вѣдь у меня отца не было—я дѣвій“. Такихъ „дѣвѣйхъ“ или „дѣвкиныхъ“ довольно много среди мѣщанъ. Родители къ связямъ своихъ дочерей относятся очень снисходительно и даже благосклонно, если эта связь сулитъ имъ матеріальныя выгоды. Про одну русско-устинскую дѣвушку мнѣ рассказывали, что она жила въ Верхоянскѣ у доктора—„онъ ее вмѣсто жены держалъ“, при чемъ это было сказано такимъ тономъ, будто „жить вмѣсто жены“ самое обычное, естественное занятіе женщины въ родѣ, напр., печенія пироговъ.

Однажды совершенно неожиданно я былъ поставленъ

въ очень неловкое положеніе. Какъ-то пришелъ ко мнѣ староста со „всепокорнѣйшей просьбой“ высватать своему сыну („дѣвѣму“) дочь моего сосѣда старика. Не желая обидѣть отказомъ, я скрѣпя сердце согласился на щекотливую роль, но въ сватовствѣ потерпѣлъ неудачу. „Скажи старостѣ,—съ раздраженіемъ заявила тетка „невѣсты“—не хотимъ, молъ, его грѣха покрывать“. Сынъ старосты, оказывается, давно жилъ съ одной дѣвушкой, отъ которой имѣлъ уже троихъ ребятъ, но на которой не могъ жениться по свойству, существовавшему между ними. Для старосты эта связь его сына была невыгодна, т. к. сынъ тайкомъ таскалъ много всякаго добра изъ отцовскаго амбара въ домъ своей возлюбленной, и староста усиленно старался женить его на комъ-нибудь. Нерѣдко ищутъ и находятъ невѣсть въ Колымѣ, иногда, но рѣдко, рождаются съ якутами и юкагирами. Иностранческія черты лица у русскихъ индигирцевъ встрѣчаются часто, но нѣкоторые сохранили типъ чисто русскій. Такъ, когда я ѣхалъ въ Русское Устье и за полуторамѣсячный путь присмотрѣлся къ якутамъ, меня пріятно удивила въ Бородинѣ одна женщина съ русыми волосами, голубыми глазами и правильными чертами лица ¹⁾).

Составъ мѣщанскаго Общества не мѣняется: на Индигиркѣ рождаются, живутъ, на Индигиркѣ и умираютъ. Изъ мѣщанъ дальше Казачьяго никто не живетъ (да и тамъ ихъ 1—2 человекъ) изъ пришлыхъ никто къ обществу не приписывается, да ихъ, впрочемъ, и нѣтъ. Уголовныхъ ссыльных перестали присылать въ эти края лѣтъ 15—20 тому назадъ, а съ ними прекратился и притокъ „новыхъ людей“.

Перебирая бумаги стараго архива (съ 1823 г.), я находилъ однѣ и тѣ же фамиліи: Чихачевы, Шкулевы, Шелоховскіе, Шелкановы, Киселевы, Кочевщиковы, Стрюковы, Голыжинскіе... Каждая фамилія представляетъ изъ себя какъ бы

---

¹⁾ Послѣ утомительной и надоѣдливой ѣзды „по якутамъ“ пріѣзжаго вообще пріятно удивляетъ обстановка живущихъ по Индигиркѣ русскихъ мѣщанъ: рубленныя избы вмѣсто якутскихъ землянокъ, чисто подметенный полъ, прибранный шестокъ, свѣтлыя окна (последнія, впрочемъ, не должны быть *слишкомъ* велики: „большія окна въ избѣ рубить — по нашему какъ будто стыдно“).

отдѣльный родъ—какъ прямыя, такъ и побочныя („дѣвьи“) линіи: Чихачевщина“, Киселевскіе и т. д., и члены ихъ съ гордостью говорятъ о своей принадлежности къ нимъ. Многіе, конечно, перероднились, но все же родовая связь сохранилась, что выражается въ нѣкоторой сплоченности и

Рис. 56. Русско-устинская красавица.

взаимномъ заступничествѣ между собой „родниковъ“. При встрѣчахъ и при прощаньѣ родственники обычно цѣлуются, тоже бываетъ при поздравленіи съ праздникомъ. Дѣти изъ уваженія къ взрослымъ здороваются съ ними поцѣлуемъ, подавать имъ руку не полагается. Старшіе братья помыкаютъ младшими, и тѣ повинуются имъ безпрекословно —

ссоръ между ними мнѣ никогда не приходилось наблюдать. Между прочимъ, интересенъ здѣшній обычай называть старшаго брата „батей“,—именно онъ, „батя“, послѣ отца считается главой семьи и ея представителемъ. На собраніяхъ обычно присутствуетъ и принимаетъ участіе въ обсужденіи дѣлъ только глава дома—ни взрослые дѣти, ни взрослые братья туда не ходятъ. Но, съ другой стороны, благодаря тому, что дѣти (особенно мальчики) очень рано становятся работниками и помощниками, въ характерѣ ихъ рано вырабатываются черты самостоятельности. Восьми-десяти лѣтъ, мальчики уже собираютъ и „грудятъ“ дрова, „колупаютъ“ ихъ топоромъ, на 2—3 собакахъ ѣздятъ даже за ними по близости на тундру. Въ 12—13 лѣтъ это уже работникъ, котораго нерѣдко сторонніе просятъ помочь неводить. Въ этомъ возрастѣ ихъ уже возятъ по ловушкамъ и берутъ на гусеваніе, гдѣ они завѣдуютъ кухней и чайниками, за что имъ отчисляется полная. Лѣтъ 15—16 мальчикъ становится полноправнымъ работникомъ, который самъ вмѣшивается въ разговоры взрослыхъ и подаетъ совѣты,—и я никогда не слыхалъ, чтобы такого совѣтчика окрикнули. „Я человекъ — за людьми“,—съ важностью похвалился такой 15-ти лѣтній парень, и никто не усмѣхнулся.

На обычаяхъ индигирцевъ, конечно, не могло не отразиться ихъ сосѣдство съ инородцами, и прежде всего съ якутами. По какому бы нужному для него дѣлу ни пришелъ русско-устинецъ, онъ никогда первый не начнетъ разговора. Сколько разъ я старался выдержать характеръ и вызвать пришедшаго на разговоръ перваго, это почти никогда мнѣ не удавалось. Гость молча и внимательно слѣдитъ за всѣми моими движеніями. Это молчаливое наблюденіе обычно раздражало меня, и я первый нарушалъ молчаніе. Что скажешь?—Отвѣтъ всегда былъ одинъ: „Ничего“. Такого начала требовали вѣжливость и хорошій тонъ, что всецѣло заимствовано у якутовъ. Послѣ этого уже начинался настоящій разговоръ. „Я къ тебѣ, дядюшка, пришелъ“. Въ чемъ дѣло?—Слѣдовала просьба о лѣкарствѣ, или, оказывается, его послали ко мнѣ попросить гвоздей и проч.

Всѣ, конечно, очень любопытны. Въ первое время по прїѣздѣ ихъ любопытство очень мнѣ досаждало. Мое появленіе въ Русскомъ Устьѣ было для нихъ событіемъ чрезвычайнымъ. У нихъ бывали проѣздомъ „экспедиторскіе“, прїѣзжалъ изъ Верхоянска докторъ, изрѣдка наѣзжали купцы, но все это были гости случайные, мимолетные—никто до сихъ поръ не прїѣзжалъ „изъ другого міра“ *жить* съ ними. А я былъ, именно, такимъ выходцемъ изъ другого міра. Въ первые дни дверь моей юрты хлопала поминутно, и гости съ жаднымъ любопытствомъ слѣдили за тѣмъ, какъ я вынималъ изъ ящиковъ одну незнакомую вещь за другой. Вѣсть о каждой новинкѣ быстро облетала всѣ избы. Наибольшій эффектъ произвела керосиновая лампа—*первая* въ Русскомъ Устьѣ. — „Досталъ, — рассказывали наблюдатели,—чайникъ какой-то блестящій и на него стеклянную тарелку надѣлъ“—(жестяная лампа со стекляннымъ абажуромъ). Но что это такое было, они не знали, а спросить не смѣли. Вечеромъ разнеслась новая вѣсть: „Зажегъ! зажегъ!“—и долго еще потомъ ко мнѣ ходили посмотреть нарочно на лампу (даже прїѣзжали по сосѣдству) и спрашивали, „что это въ ней горитъ?“ Лампа эта произвела такое впечатлѣніе на умы индигирцевъ, что, я увѣренъ, съ нея будутъ считать здѣсь начало новой эры.

Десятки глазъ, иногда незамѣтно для меня, внимательно за мной слѣдили. О каждой убитой мною куропаткѣ или зайцѣ было извѣстно не только въ Русскомъ Устьѣ, но и далеко за предѣлами его. —Ты когда захворала? — „А вотъ, дядюшка, ты въ этотъ день еще ушкана убилъ“. — Что я ѣмъ, какъ кормлю свою собаку—обо всемъ этомъ знали въ подробностяхъ. Мои слова, разговоры передавались изъ устъ въ уста.

Я возвращался лѣтомъ съ гусеванія и заѣхалъ отдохнуть къ одному мѣщанину. Промокшій и продрогшій, я прилегъ, напившись чая, на „урунѣ“ вздремнуть. Въ урасу зашла сосѣдка, и я услышалъ свой собственный разговоръ, переданный ей хозяйкою съ точностью фонографа. Воображаю, сколько разговоровъ обо мнѣ было у меня за спиной! Не даромъ одинъ мѣщанинъ говорилъ мнѣ, что они счита^{ютъ}

меня самымъ большимъ начальствомъ — „ну, просто какъ царь, право“, — кромѣ лести, здѣсь было и немного правды. — „А ты былъ въ томъ городѣ, гдѣ царь живетъ?“ спросилъ меня одинъ мѣщанинъ. Когда я ему сказалъ, что не только былъ въ этомъ городѣ, но и видѣлъ царя, онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. „Царь“ — здѣсь лицо миѣическое, и слово это звучитъ здѣсь почти такъ же, какъ въ старинныхъ наивныхъ сказкахъ.

Одинъ мѣщанинъ, оставшись недоволенъ распоряженіемъ старосты по его адресу, что уже одно показалось другимъ почти преступленіемъ, въ подтвержденіе своего „бунта“ заявилъ въ сердцахъ: „Хоть самъ царь мнѣ это приказывай, не согласенъ“. На него посмотрѣли съ ужасомъ, и потомъ его слова переходили изъ устъ въ уста, какъ слова безумца. Интересно, что царскаго имени, какъ я уже сказалъ раньше, мнѣ никто не могъ назвать.

Кстати: какъ человѣкъ, мѣстный староста пользуется не важной репутаціей, но, какъ выборное начальство, власть его въ глазахъ общества неограничена и критикѣ не подлежитъ. Въ болѣе отвѣтственныхъ случаяхъ онъ опирается на авторитетъ нѣсколькихъ мѣщанъ, изъ болѣе солидныхъ и независимыхъ — но этотъ „боярскій совѣтъ“ не столько ограничиваетъ его власть, сколько подкрѣпляетъ ее.

Вывозъ спирта на сѣверъ запрещенъ, что, конечно, не мѣшаетъ куцамъ Верхоянска, Казачьяго и Колымы имѣть его болѣе чѣмъ въ достаточномъ количествѣ. Купцы провозятъ спиртъ тайкомъ, но эта тайна извѣстна всѣмъ и начальству прежде всего; въ торговомъ оборотѣ сѣверныхъ купцовъ спиртъ нерѣдко играетъ бѣольшую роль, чѣмъ деньги, такъ какъ страсть инородцевъ къ вину здѣсь почти бѣлѣзненна. На Индигиркѣ, впрочемъ, спирта бываетъ меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Мѣщанское общество выписываетъ въ складчину для себя 1½—2 ведра въ годъ и, по полученіи, дѣлитъ по числу участниковъ. Угостить гостя водкой считается высшей честью. Изъ пришедшей со мной бумаги мѣщане знали о существованіи у меня спирта, и то обстоятельство, что я никого никогда имъ не угощалъ, вѣроятно, оставило въ ихъ душахъ не малую горечь. Но лишь

одинъ разъ объ этомъ намекнулъ мнѣ староста. Когда же при отъѣздѣ я подрядилъ юкагировъ вывезти меня съ вещами изъ Русскаго Устья и скрѣпилъ этотъ договоръ ста-каномъ вина, мѣщане начали на меня коситься сильнѣе, а нѣкоторые выѣхали за 20—40 верстъ къ кочевьямъ юкагировъ, черезъ которыя я ѣхалъ, встрѣчать меня, несомнѣнно надѣясь на то, что при этомъ я угощу ихъ у юкагировъ водкой.

Въ карты играютъ всѣ поголовно—отъ мала до велика—и играютъ съ большимъ азартомъ; играютъ даже между собой ребятишки, играютъ бабы. Игры: „козелъ“, „стуколка“, „бури“, „парусъ“ и др. (въ Аллахѣ уже „префератъ“). Выигрышъ и проигрышъ въ бюджетѣ каждого статья немаловажная; при мнѣ во время гусеванья одинъ за двѣ недѣли проигралъ 60 рублей. Играютъ на деньги, на песцовъ, на рыбу, на гусей. Хотя и считается большимъ грѣхомъ играть во время промысла, но на гусеваніи все же играли сутками, пропуская удобное для промысла время. Случаются за картами ссоры, бываютъ затяжные долги, ведущіе къ недоразумѣніямъ вплоть до разбирательства дѣла старостой. Особенно много и часто играютъ во время съѣздовъ и собраний, переходя изъ одной избы въ другую. Нѣкоторые держатъ карты (напр., подростки, которыхъ въ игру со взрослыми не принимаютъ) и ссужаютъ ими игроковъ, за что получаютъ за одну игру 2—3 рубля—смотря по свѣжести картъ: повидимому, съ этой цѣлью даются, напр., подросткамъ карты родителями, когда идутъ на промыселъ—это своего рода подсобный заработокъ. Для индигирцевъ карты несомнѣнно страсть разорительная, и мнѣ называли нѣсколькихъ, которые на картахъ „промотали“ свое хозяйство. Въ сущности, карты здѣсь единственное развлеченіе, къ которому охотно прибѣгаютъ въ здѣшней полной борьбы за существованіе жизни.

Грамотныхъ среди мѣщанъ нѣтъ, несмотря на то, что „школа“ существуетъ въ Русскомъ Устьѣ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ; бесплодность школьныхъ занятій объясняется прежде всего непониманіемъ того, какое значеніе можетъ имѣть грамота. Учителемъ при школѣ состоитъ единствен-

ный во всемъ обществѣ грамотей—бывшій уголовный ссыльный, онъ писарь. Занимается онъ преподаваніемъ лишь въ тѣ рѣдкіе часы, когда имѣетъ къ тому расположеніе и досугъ. Я предлагалъ русско-устинцамъ свои услуги, но они отнеслись къ этому предложенію очень холодно, и лишь

Рис. 57. Мой ученикъ.

одинъ мѣщанинъ послѣ моихъ настояній прислалъ мнѣ сынишку, но и то передъ самымъ моимъ отъѣздомъ. Незадолго до моего пріѣзда Русское Устье посѣтилъ „ревизоръ“, осматривавшій церковно-приходскія школы на всемъ сѣверѣ — онъ роздалъ каждому ученику по карандашу и, проэкзаменовавъ ихъ, нашелъ, что „они знаютъ достаточно

для того жалованья, которое получает учитель — ребята кое-какъ знали буквы, а нѣкоторые съ грѣхомъ пополамъ умѣли складывать наиболѣе простые слоги; обычно и эти „знанія“ скоро улетучиваются, какъ только ребятишки подрастутъ и сдѣлаются настоящими работниками — здѣсь ужъ не время заниматься такими глупостями, какъ грамота. Произведя скоропалительный экзаменъ и наградивъ каждого ученика карандашомъ, ревизоръ, все-таки, успѣлъ сдѣлать съ группы собранныхъ учениковъ фотографическій снимокъ, каковой, вѣроятно, въ нужномъ мѣстѣ отчета явится *нагляднымъ* доказательствомъ существованія и быть можетъ даже процвѣтанія школы въ Русскомъ Устьѣ. Въ Усть-Янскѣ тотъ же ревизоръ нашелъ лишь слѣды существовавшей когда-то школы, такъ что даже снимка не удалось сдѣлать. И это — все.

Любознательностью русско-устинцы не отличаются, — напрасны были всѣ мои усилія заинтересовать ихъ рассказами о чудесахъ русской жизни — о телефонахъ и телеграфахъ, о желѣзныхъ дорогахъ и аэропланахъ, — они слушали мои рассказы съ удивленіемъ, но безъ интереса и никогда къ нимъ не возвращались. Такъ же неудачны были мои попытки заинтересовать ихъ исторіей послѣднихъ лѣтъ. Они слышали что-то смутно о манифестѣ, о Думѣ, но смысла этихъ слуховъ не понимали и не интересовались имъ. Слово „забастовка“ дошло и до нихъ. Даже на словахъ никто не обнаружилъ желанія разстаться съ Индигиркой и посмотреть чужіе края, о которыхъ они слышали столько удивительнаго. — „Куда мы, такіе чертыханы, поѣдемъ“... Только одинъ собесѣдникъ пожалѣлъ, что „Русь“ находится далеко и ему никогда не удастся взглянуть на нее, но и тотъ былъ... обрусѣвшій юкагирь.

Очень скоро для меня стало ясно, что я, какъ пришлецъ изъ другого міра, утратилъ для нихъ всякій интересъ, но зато они очень оцѣнили возможность получить у меня лѣкарство, раздобыть проволоку, гвозди, кое-какой инструментъ и вообще что-либо полезное для хозяйства. Разговаривать приходилось поэтому исключительно о предметахъ, имѣющихъ самое непосредственное отношеніе къ жизни.

Ихъ интересы были строго ограничены: ѣда, карты, про-

мысль и собаки—за предѣлы этого ихъ міръ почти никогда не выходитъ. Когда встрѣчаются два индигирца, первыми вопросами всегда бываютъ вопросы о промыслѣ. Позднѣе и я привыкъ начинать съ этого всякій разговоръ. Совершенно неисчерпаемой темой ихъ разговоровъ являются собаки. На сотни верстъ кругомъ они знаютъ всѣхъ собакъ, ихъ клички, ихъ свойства, генеалогію, достоинства и пороки, знаютъ каждую собаку въ „лицо“. Нерѣдко зимніе вечера они проводятъ цѣликомъ за горячими спорами о достоинствахъ своихъ собакъ, обсуждаютъ ихъ качества обстоятельно, во всѣхъ деталяхъ, страстно. Разговоръ о собакахъ индигирцу никогда не наскучить, сколько бы онъ ни продолжался.

Часто приходилось раньше читать о тоскѣ и однообразіи жизни на сѣверѣ, которыми многіе объясняли существованіе нѣкоторыхъ характерныхъ для сѣвера болѣзней, напр., цынги и менериковъ. Насколько я могъ наблюдать жизнь индигирцевъ, въ ней совершенно отсутствуетъ эта специфическая тоска; жизнь ведутъ индигирцы, въ связи съ промысломъ, подвижную и разнообразную, дающую имъ массу разнообразныхъ впечатлѣній. Быть можетъ, этимъ (кромѣ здороваго и и сытнаго питанія) объясняется совершенное отсутствіе здѣсь цынги; что же касается менериковъ, то они встрѣчаются лишь среди тѣхъ индигирцевъ, въ жилахъ которыхъ течетъ колымская кровь (колымскіе казаки сильно перероднились съ якутами, а среди послѣднихъ менерячество распространено очень сильно; интересно, что, напр., среди чукчей менериковъ совсѣмъ нѣтъ).

Жизнь въ полярныхъ странахъ вообще принято изображать какимъ-то тоскливымъ прозябаніемъ—вѣчная ночь, освѣщаемая лишь сѣвернымъ сіяніемъ, и въ этой ночи жалкое существованіе среди морозовъ и сна влачатъ несчастные жалкіе люди. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что круглой ночи на Индигиркѣ вообще нѣтъ, правда, съ середины ноября до Крещенія солнце сходитъ съ горизонта, но даже въ самое темное и глухое время „полярной ночи“ день, правда, сумеречный—въ Русскомъ Устьѣ продолжается 2—3 часа. Зато лѣтомъ цѣлыхъ 3 мѣсяца солнце свѣтитъ и день и ночь, что, кажется, особенной тоски не должно вызывать. Жал-

каго же впечатлѣнія индигирцы совсѣмъ не производятъ— ихъ жизнь, правда, дика и бѣдна, но у нея есть своя физиономія, и міръ индигирца по-своему разнообразенъ и самостоятеленъ. Да это и не могло бы быть иначе тамъ, гдѣ жизнь приходится отстаивать упорнымъ напряженіемъ силъ, почти вырывать ее изъ рукъ суровой природы.

Вообще, вспоминая въ Русскомъ Устьѣ, какъ обычно у насъ представляютъ тоску жизни на дальнемъ сѣверѣ, я каждый разъ смѣялся и до сихъ поръ остаюсь при убѣжденіи, что фантазіи эти являются исключительно привилегіей романистовъ *).

VIII. Вѣрованія.

Религіозный міръ индигирца—это почти фантастическая смѣсь христіанскихъ и языческихъ вѣрованій и представлений. Принявъ, какъ всѣ славяне, обряды христіанства, онъ сохранилъ душу язычника. Всѣ внѣшнія, формальныя требованія православія исполняются имъ строго и добросовѣстно, но мнѣ не удалось подмѣтить ни одного случая, не удалось услышать хотя бы одной фразы, откуда можно бы было догадаться о признаніи имъ моральной цѣнности христіанства. Хорошіе и дурные поступки никогда не расцѣнивались съ религіозной точки зрѣнія.

Говѣтъ индигирецъ каждый годъ, для этого разъ въ году пріѣзжаетъ въ Русское Устье изъ Аллаихи священ-

---

*) Въ Русскомъ Устьѣ мнѣ пришлось прочесть произведеніе популярной англійской романистки Marie Corelli: „Thelma“—изъ норвежской жизни, „романъ отчасти длинный, длинный, и поучительный, и чинный“ Быть можетъ, на сѣверѣ Норвегіи (сѣверная оконечность Норвегіи Нордъ-Капъ находится приблизительно на одной широтѣ съ Русскимъ Устьемъ), дѣйствительно, существуютъ такая необыкновенно мрачная и таинственная полярная ночь и такая потрясающая симфонія красокъ сѣвернаго сіянія, но на Индигиркѣ, къ сожалѣнію, ничего подобнаго я наблюдать не могъ и отъ всей души завидовалъ романисткѣ. А не нужно забывать, что Русское Устье—за исключеніемъ одного лишь Нордъ-Капа—лежитъ *сѣвернѣе* *всѣхъ обитаемыхъ въ Европѣ и Азіи пунктовъ*.

никъ: исповѣдуетъ, причащаетъ, крестить, вѣнчаетъ, отпѣваетъ; свадьбы, какъ уже сказано, бываютъ и постомъ. Всѣ праздники очень строго соблюдаются, работать въ эти дни большой грѣхъ (но играть въ карты можно). Въ дорогу каждый беретъ образокъ и ладанку, которые и носить на груди, берутъ даже свѣчи, если знаютъ, что праздникъ придется встрѣчать въ пути. Такъ, въ день Серафима Саровскаго, который пришелся во время гусеванія у моря, сынъ старосты досталъ изъ мѣшка маленькія двѣ дощечки, связанные вмѣстѣ, между которыми были положены восковыя свѣчи, расправилъ ихъ, повѣсилъ образокъ Серафима въ палаткѣ, затеплилъ передъ ними свѣчу и вмѣстѣ съ другими гусниками долго передъ нимъ крестился, потомъ всѣ поздравили другъ друга за руку съ праздникомъ, а родственники перецѣловались. — „Вотъ видишь, какъ мы тебя празднуемъ,—почти съ упрекомъ въ голосъ обратился къ образку старшина,—дай намъ къ вечеру хоть по 50 гусковъ“.—И такъ какъ работать въ такой праздникъ грѣхъ, то всѣ засѣли до самаго вечера въ карты, а день, какъ нарочно, выдался на рѣдкость тихій и для гусеванія благоприятный.

Утромъ и вечеромъ вся семья обязательно крестится передъ образами и шепчетъ молитвы. Когда я спрашивалъ у нѣкоторыхъ эти молитвы, онѣ оказывались „Богородицей“, „Достойно есть“ и пр., но настолько исковерканными и изуродованными, что понять ихъ смыслъ было невозможно. Отправляясь куда-нибудь далеко по ловушкамъ или за рыбой, возвращаясь домой, русско-устинецъ обязательно зайдетъ въ часовню помолиться „Владычицѣ“ или „къ родителямъ“—на могилку. Иногда носятъ на могилы ладанъ и жгутъ тамъ свѣчи, это обязательно для всѣхъ въ „родительскую“.

Индиgirцы вѣрятъ такъ, какъ вѣровали ихъ дѣды и прадеды, какъ, быть можетъ, вѣровало русское общество при Алексѣѣ Михайловичѣ, и всякое религіозное сомнѣніе, конечно, показалось бы имъ безуміемъ. И, какъ у далекихъ предковъ, ихъ христіанство перемѣшано съ язычествомъ, ихъ религія—съ суевѣріями. Никакихъ противорѣчій въ этомъ они не видятъ. Ведя трудную борьбу съ природой, индиgirцы олицетворяютъ и обожествляютъ ее подъ именемъ „стихей“.

„Стихія“—это та неуловимая и непонятная, могучая и большей частью грозная сила, которая по Божьей волѣ кормить индигирца и изъ рукъ которой онъ долженъ почти вырывать свою жизнь. Съ нею трудно бороться и грѣшно идти противъ нея—ее можно только умилоствовать.—„Сулимъ, значить, общаемъ Богу или Владычицѣ отслужить молебенъ, если дать намъ рыбы или гусей, *стихею просимъ*—вѣдь отъ нея это зависитъ. Тамъ насъ Богъ слышитъ, не слышитъ—заведенье со старины такое. Когда гусей промысляемъ, вся партія кладетъ гусей 200—300 отдѣльно въ яму для Бога, потомъ кто-нибудь ихъ купить, на эти деньги молебенъ и служимъ“.

Грозна водяная „стихія“, но ее можно умилоствовать подарками. Когда мы переѣзжали на легкихъ „вѣткахъ“ черезъ морскую губу (30 верстъ) и валы стали хлестать черезъ бортъ и заливать наши утлые ладьи, мореплаватели начали бросать на волны заготовленные ранѣ подношенья—пестрые лоскутья, ладанъ, „Божью просвиру“, одинъ безпечный парень, который раньше объ этомъ не подумалъ, отрѣзалъ на спѣхъ отъ пояса кусочекъ ремня и тоже бросилъ его на волны.—„Матушка сине море! прекрати погоду! не дай погибнуть православнымъ!“

Тундра больше благоволитъ къ человѣку—„она три года радуется, гдѣ человѣкъ останавливался, чай пилъ“, — на этомъ мѣстѣ между колышками подвѣшиваютъ на ниткахъ тѣ же пестрые лоскутья—эти „жертвенники“ я встрѣчалъ по тундрѣ нерѣдко. Къ тундрѣ обращаются тоже, какъ къ живому существу—„матушка сѣндуха!“ („сѣндуха“—общее названіе для тундры).

Когда въ пути останавливаются отдохнуть—поѣсть и попить чаю, въ огонь обязательно бросаютъ кусочки ѣды или плещутъ чай—„чтобы все было благополучно“; обычай этотъ существуетъ у якутовъ и, вѣроятно, отъ нихъ перешелъ къ русскимъ.

Олицетвореніе силъ природы идетъ очень далеко. Во время гусеванія у насъ случился „айданъ“ (безпорядокъ, скандалъ)—ушли стреноженные кони. Юкагиръ Тута съ Алешкой ушли за ними въ погоню, рассчитывая вернуться къ намъ не

раньше, какъ дня черезъ три. Мы остались всѣ въ урасѣ,—пили чай; скоро по землянкѣ забарабанилъ проливной дождь. Одинъ изъ присутствующихъ пожалѣлъ ушедшихъ.—„И—замѣтилъ старшина, — нешто онъ православный!“ — Кто это?—съ недоумѣніемъ спросилъ я.—„Да дождь этотъ—до послѣдней нитки промочить“.—Дождь можетъ быть православнымъ и неправославнымъ—нѣтъ ли въ этомъ тоже отголоска олицетворенія природы?

Я пріѣхалъ въ Русское Устье 20-го января и во всѣхъ избахъ и амбарахъ надъ дверями и въ углахъ нашелъ намазанные углемъ или накопченные свѣчой крестики. Послѣ разспросовъ для меня выяснилось слѣдующее: русско-устинцы вѣрятъ въ существованіе „шеликановъ“ (или „селикановъ“ — нечистая сила, домовые). Эти „шеликаны“—живыя существа, роста маленькаго, „съ кулачокъ“, сами какъ люди. Въ крещеніе они выходятъ изъ прорубей (Иордань) и позднѣе снова туда возвращаются; могутъ забраться въ избу; въ амбарахъ благодаря имъ незамѣтно кончаются припасы. Кресты ставить отъ нихъ въ канунъ Крещенія; дѣйствительно также слѣдующее средство: жженымъ коломъ обводятъ вокругъ амбара или избы черту—эту операцію производитъ кто-нибудь оставшійся наединѣ—коль стоитъ потомъ три дня противъ дверей для огражденія отъ шеликановъ.—„Два года тому назадъ на рѣкѣ у насъ они дѣвку утопили—заманили въ прорубь“.—Таковъ въ Русскомъ Устьѣ „прилогъ“ (преданіе) о шеликанахъ (между прочимъ—у *Маака* встрѣчается слово *шелюканы* въ значеніи нечистыхъ духовъ).

Нѣкоторые примѣты и обычаи несомнѣнно заимствованы у якутовъ,—напр., слѣдующіе: умирали у Петруши дѣти; тогда называли мальчика (Иванъ) Мокачаномъ — по имени только что умершей собаки—„въ собачье обернули“. Именно такъ обманываютъ Злого Духа якуты, когда онъ приходитъ за человѣкомъ: „это, де, собака, а не человѣкъ“.—У многихъ, кромѣ „святого имени“, есть еще другое свое прозвище („Незнайка“, „Мокачанъ“, „Тастохъ“, „Алясъ“) — какъ у якутовъ.

Множество примѣтъ связано, конечно, съ промысломъ. Такъ, до прохода льда нельзя готовить юколу—это значитъ портить рыбу. Осенью во время промысла озерныхъ

чировъ ко мнѣ пришелъ староста: „ужъ ты сдѣлай милость, на сковородкѣ теперь чира не жаръ—сердится онъ, озеро отъ этого уроситъ (капризничаетъ, колдуетъ). А варить—вари сколько хочешь“.—Озерный чиръ—рыба нѣжная; итти въ озеро въ обуткахъ, выкрашенныхъ ольхой—нельзя,—сердится оно; утопить въ немъ желѣзо тоже нельзя—чиръ вовсе не будетъ тогда попадаться.—Случается, что вдругъ начинаетъ уросить ружье—попасть попадешь, а до смерти не убьешь; такое ружье надо положить подъ порогъ и заставить переступить черезъ него больную женщину—ружье будетъ исправно.

Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ работой можно накликать бѣду. Когда мы сидѣли на берегу моря и второй день ждали тихой погоды, которая позволила бы намъ благополучно перебраться на утлыхъ вѣткахъ черезъ губу (30 верстъ шириною), Пронька—парнишка лѣтъ 15-ти—отъ нечего дѣлать досталъ изъ своей сумы—волосъ (который индигирцы всюду возятъ съ собой—онъ замѣняетъ имъ развлечение и трудъ, въ родѣ книги въ пути) и началъ сучить его для сѣтей, на него сурово прикрикнулъ „Губернаторъ“ (старикъ, не пользовавшійся никакимъ авторитетомъ, жертва всегдашнихъ насмѣшекъ), и Пронька съ виноватымъ видомъ спряталъ скорѣе свой волосъ: работа могла вызвать „погоду“.

О пчелѣ („будуницѣ“—медуницѣ?) мнѣ пришлось слышать такую легенду:—„Будуницу грѣхъ убить. Когда Христосъ на крестѣ былъ, пришли воины добить Его—хотѣли копьемъ въ сердце ударить, а на груди у Него въ то время будуница сидѣла, они и подумали, что сердце у Него уже пронзенное. Пронзили бокъ Его, а будуница сердце защитила“.

Среди мѣщанъ живетъ нѣкто Гуськовъ, бывшій уголовный ссыльный; лѣтъ 35 тому назадъ онъ былъ водворенъ въ эти края на поселеніе, затѣмъ въ правахъ восстановленъ, приписанъ къ обществу, здѣсь обжился и остался. Знаніе грамоты помогаетъ ему обдѣлывать темныя дѣла, писать кляузы и обманывать. Былъ приказчикомъ, „сходилъ съ ума“, прикарманилъ деньги довѣрителя. Всѣ знаютъ его за шарлатана, но грамотность и знаніе „божественности“ соз-

даютъ ему престижъ, связанный съ матеріальными благами, даже со стороны тѣхъ, кто за глаза его ругаетъ. Онъ считается специалистомъ по части молитвы и отчитыванія всякихъ болѣзней. Читаетъ также надъ покойниками; при этомъ увѣряетъ, что для этого ему необходимо столько-то фунтовъ муки, столько-то полотенецъ и столько-то аршинъ холста— „такъ у насъ въ Россіи заведено“—ему безпрекословно все даютъ. У старосты захворалъ сынъ, началъ „блажить“ (онъ—менерикъ). Пришли ко мнѣ за „великими молитвами“,—я ихъ не зналъ, и снизу вызвали Гуськова. Онъ привезъ съ собой „Книгу великихъ молитвъ“ (оказавшуюся Псалтыремъ) и отчитывалъ по ней больного во все время его припадковъ. Когда я далъ больному бромъ, онъ наставительно замѣтилъ старостѣ: „Порошки эти тоже отъ Бога, ты думаешь безъ Бога они помогутъ?“—и этимъ возстановилъ свой поколебленный было на мгновение авторитетъ. Молитвы совершенно, очевидно, не помогли, но тѣмъ не менѣе захворавшій вскорѣ глазами братъ старосты снова послалъ за Гуськовымъ. Я слышалъ, какъ Гуськова называли „формезономъ“—полагая, что „формазонъ“ нѣчто въ родѣ особой вѣры; „формазономъ“ онъ и самъ называлъ себя съ важностью.

По дорогѣ въ Русское Устье и въ самомъ Русскомъ Устьѣ я часто спрашивалъ о *шаманахъ* и всегда слышалъ отвѣтъ, что они давно всѣ перевелись въ этихъ краяхъ. Это подтверждали и книги, и я уѣхалъ бы отсюда съ увѣренностью, что шамановъ больше здѣсь нѣтъ, если бы не случай. Выйдя какъ-то вечеромъ изъ своей юрты, я залюбовался сѣвернымъ сіяніемъ, которое въ этотъ вечеръ было особенно великолѣпнымъ. Сидя на крышѣ и любуясь небомъ, я услышалъ среди ночной морозной тишины глухіе удары бубна, звуки шли отъ дома старосты. Я зналъ, что у него боленъ сынъ, слышалъ утромъ, что сверху пріѣхалъ какой-то якутъ, и догадался, что сейчасъ въ избѣ старосты идетъ борьба между шаманомъ и Абахы (Злой Духъ). На другое утро я долженъ былъ пустить въ ходъ цѣлый рядъ хитростей, чтобы узнать истину—догадка моя подтвердилась. Наканунѣ я далъ на ночь больному бромъ и пошелъ къ

старостѣ (который самъ попросилъ меня помочь сыну) узнать, какъ онъ подѣйствовалъ. Нарочно каждого изъ домашнихъ спросилъ отдѣльно: одни говорили, что порошокъ подѣйствовалъ и больной хорошо спалъ, другіе—что порошки никакого дѣйствія не оказали, третьи—что порошокъ даже вообще больному не давали... (Въ дѣйствительности же оказалась, что бромъ мой и не могъ подѣйствовать, такъ какъ всю ночь до разсвѣта надъ больнымъ шаманилъ шаманъ—кричалъ и билъ въ бубень). Я замѣтилъ старостѣ, что надо выбрать между шаманомъ и лѣкарствомъ, но пускать въ ходъ то и другое вмѣстѣ нельзя.—„У меня никто не шаманилъ“—отвѣтилъ староста, хотя шаманъ сидѣлъ здѣсь же въ уголкѣ—старый слѣпой якутъ, съ длинными волосами, остроконечной сѣдой бородкой и дикимъ выраженіемъ лица. Когда сосѣди мои убѣдились, что скрывать отъ меня больше нечего, они стали откровеннѣе, и тѣ самые, кто раньше все время въ разговорахъ со мной отрицали существованіе шамановъ, теперь рассказали мнѣ о нихъ много интереснаго. Шаманы, оказывается, существуютъ на Индигиркѣ въ достаточномъ количествѣ—есть у якутовъ, у юкагировъ, у чукчей; я узналъ въ короткое время имена трехъ шамановъ съ ихъ точнымъ мѣстожителемъ. Вѣра въ нихъ повсемѣстна и всеобща. Старикъ-сосѣдъ, очевидно, желая подладиться ко мнѣ, отозвался о нихъ насмѣшливо, но когда я его въ упоръ спросилъ, вѣрить ли онъ въ нихъ, онъ замолчалъ и потомъ серьезно сказалъ: „Развѣ уже очень бы захворалъ, позвалъ бы шамана“.—Многіе изъ моихъ пациентовъ одновременно съ моимъ лѣченіемъ потихоньку отъ меня пользовались у шамановъ. Староста для излѣченія своего сына прибѣгнулъ сразу къ тремъ средствамъ; къ заклинанію и камланью шамана, къ „великимъ молитвамъ“ Гуськова и къ моимъ порошкамъ. Бывшій у него шаманъ—старикъ Лазарько—три года тому назадъ ослѣпъ—„ослѣпили враги въ тундрѣ, когда одинъ остался“—и съ тѣхъ поръ на него „нашло“. Выраженное мною желаніе увидать камланье или хотя бы просто снять съ Лазарька карточку сильно испугало и шамана и старосту—на другой день бубень и шаманскій кафтанъ были вывезены изъ Русскаго сыномъ Лазарька. Десять

дней гонялся я съ фотографическимъ аппаратомъ за шаманомъ, соблазняя его всѣми соблазнами, пока на его счастье не замерзли рѣки, и онъ поспѣшно уѣхалъ по первопутью. Шамановъ тщательно скрываютъ отъ начальства и священниковъ, —какой-то священникъ на Индигиркѣ лѣтъ 30 тому назадъ яростно ихъ преслѣдовалъ и ломалъ ихъ бубны. Обѣщанію моему сохранить все въ секретѣ, очевидно, не вѣрили. Нѣтъ, конечно, ничего удивительнаго въ томъ, что никому неизвѣстно о существованіи здѣсь шамановъ—вѣсть о нихъ можетъ дойти лишь черезъ участниковъ научныхъ экспедицій, мимолетно и случайно проѣзжающихъ черезъ эти края, или черезъ мѣстную администрацію и священниковъ, отъ которыхъ населеніе тщательно шамановъ прячетъ. Я прожилъ среди поголовно вѣрящаго въ шамановъ населенія вплотную девять мѣсяцевъ, и лишь случай открылъ мнѣ ихъ существованіе.

Послѣ обнаруженія мною шамана староста очень долго при встрѣчахъ со мною имѣлъ видъ сконфуженный и виноватый, явно боясь, что о шаманскомъ камланѣ въ его избѣ станетъ извѣстно начальству. Надо ли говорить, что староста самъ очень религіозенъ, какъ и всѣ здѣшніе жители. Впрочемъ, и самъ Лазарько ежегодно постится и говѣеть у аллахскаго священника. Послѣдній знаетъ хорошо о существованіи шамановъ и отзывается о нихъ такъ: „который помогаетъ, пусть шаманить, а вотъ обидно, если помочи нѣтъ“. — Чего же надо еще?

Тотъ же Лазарько въ свой пріѣздъ лѣчилъ брата старосты. На глазъ его упало бѣльмо—обычно онъ „сгонялъ“ бѣльмо нашатыремъ (!), соскабливая его ножомъ въ больной глазъ, но теперь это средство не помогало. Обратился къ шаману. Шаманъ вывелъ его на дворъ, наставилъ на больной глазъ медное кольцо (можно также деревяшку съ выпавшимъ сучкомъ)—и потомъ громко и неожиданно закричалъ: „Гу! гу!“—надо „испугать, согнать бѣльмо“, чтобы больной вздрогнулъ. До трехъ разъ. Средство это, впрочемъ, не помогло—„огонь есть въ глазу, онъ его (т.-е. Злого Духа въ шаманѣ) не подпускаетъ“.

Почти легендарные рассказы существуютъ у русско-устин-

цевъ о „сѣндушныхъ чукчахъ“, которые почти приравниваются ими къ нечистымъ духамъ.—„Приходятъ эти сѣндушные чукчи съ Носа—такъ, тундряные они, безъ палатокъ, удачу показываютъ. Плохой, конечно, не придетъ—на отборъ. Вѣсь въ ремень, какъ трубка, завитой. Приходить съ лукомъ, и стрѣлы костяныя. Подкрадывается сзади, закричитъ сразу или захохочетъ—словно сѣндуха раскололась, пугаетъ; изъ стрѣлъ опасны лишь первая и послѣдняя, а другія еле дундукъ прошибаютъ—одну за другой всѣ выпустить и побѣжить, а самъ на лучокъ опирается. Но всего страшнѣе у него копье—пускаетъ его на ремнѣ въ 10 сажень.

Подъ мышками пузырьки носить—съ ними не мерзнетъ и въ водѣ не тонетъ. Родить такого чукчу сѣндуха, какъ траву. Любить коней гонять—не убиваетъ, не ѣстъ, сѣсть видно боится,—такъ гонить и гонить по тундрѣ, любитъся. Ремень, гдѣ ни увидитъ, возьметъ—ремнемъ они больше всего дорожатъ, ими обутки свои подшиваютъ. Въ темныя осеннія ночи, когда бабы боятся на улицу выйти и сидятъ въ юртѣ, пропадетъ иной разъ возлѣ дома что-нибудь изъ лопоти—пропадетъ, а дня черезъ три опять на старомъ мѣстѣ, глядятъ, виситъ. Приѣзжаетъ зимой чукча.—„Здравствуй, подружка! А что ты меня осенью не видала?“—Нѣтъ, говорить, не видала.—„А я у тебя былъ. Пропадала у тебя тогда-то юбка или тамъ кофта, а послѣ черезъ три дня ее опять нашла?“—Самъ смѣется.—„Это правда, пропадала.—„Ну, это я бралъ, удачу показывалъ“.—Досель старики наши, сказываютъ, такихъ чукчей сѣндушныхъ убивали и прятали“.

Мнѣ рассказывали, что два такихъ „сѣндушныхъ чукчи“ появились лѣтомъ 1912 г. около Станчика—эта вѣсть вызвала немалую тревогу.

Старая былъ, повидимому, переплелась здѣсь съ новыми небылицами.

Съ гусеванія насъ возвращалось семеро. По дорогѣ, возлѣ Крутой (въ 20 вер. отъ моря), остановились и разбили палатки. Четверо ушли къ озеру „гнать яръ“ въ поискахъ за мамонтовой костью, я пошелъ стрѣлять оленей. Одного удалось убить. Когда мы втроемъ вдали отъ лагеря были заняты пластаньемъ оленя, далеко на тундрѣ съ другой сто-

роны, чѣмъ та, въ которую ушли товарищи, показались четыре фигуры, очень быстро передвигавшіяся. Сначала мы было приняли ихъ за своихъ, но они, идя къ намъ, вдругъ повернули въ сторону и стали быстро удаляться. Я хотѣлъ имъ крикнуть, предполагая, что они насъ не замѣтили, что казалось невѣроятнымъ, но мои два спутника меня остановили. — „Кто ихъ знаетъ, что это за люди?—были бы настоящіе, къ намъ бы подошли“. — Я пошутилъ, что это, можетъ

Рис. 58. Нашъ лагерь на Худой Лайдѣ—возлѣ Зеленой.

быть, „сендушные чукчи“, но шутка моя была встрѣчена молчаливо. Всѣ 4 фигуры скоро исчезли. На обратномъ пути, когда мы тащили убитого оленя въ лагерь, я напрасно спрашивалъ, кто же, они думаютъ, это были, — мои спутники отмалчивались, и было ясно, что мое любопытство имъ было непріятно. — „Развѣ будетъ доброе, — проронилъ, наконецъ, одинъ, — людей увидали и не подошли“. — (Нужно сказать, что ближайшее жилье отсюда было верстахъ въ 50-ти—во всѣ другія стороны шла безграничная прибрежная тундра Ледо-

витаго Океана). Позднѣе оказалось, что 4 таинственныхъ фигуры были таки наши товарищи, которые, конечно, хорошо насъ видѣли, но не подошли, такъ какъ въ свою очередь гнали слѣдъ раненаго ими изъ лука оленя.

IX. Особенности языка.

Въ теченіе столѣтій рѣчь индигирца подвергалась очень сложному вліянію, такое вліяніе оказывали якуты, колымчане съ особенностями ихъ рѣчи, наконецъ русскіе, поселившіеся издавна въ Якутской области, которые также выработали благодаря оторванности отъ Россіи и Сибири свои особенности языка. Несмотря на это русско-устинцы сохранили въ своемъ лексиконѣ слова и выраженія, характерныя исключительно для нихъ; напр., можно всегда узнать индигирца по слѣдующимъ выраженіямъ:

ё, братъ! — грѣхъ, братъ! — выраженіе боли, изумленія,
— вообще сильнаго чувства ¹⁾.

Кабыть — какъ-нибудь, такъ себѣ.

— „Какъ поживаешь?“ — „Кабыть“.

Слабость воздѣйствія якутскаго языка на рѣчь индигирцевъ и свои характерныя особенности, быть можетъ, наиболѣе интересное явленіе въ бытѣ индигирцевъ,

Знаніе якутскаго языка распространено вообще очень слабо; лишь очень немногіе располагаютъ ограниченнымъ лексикономъ якутскихъ словъ, съ помощью коего они съ грѣхомъ пополамъ объясняются съ якутами и юкагирами. Въ этомъ отношеніи они очень рѣзко отличаются отъ колымчанъ и усть-янцевъ, для которыхъ якутскій языкъ является такимъ же роднымъ, какъ и русскій. Русскіе усть-янцы и колымчане при встрѣчахъ разговариваютъ между собой почти

¹⁾ Одно изъ самыхъ распространенныхъ среди якутовъ области восклицаній: *ох-се!* или *ок-се!*—выраженіе удивленія, боли и пр. — замѣнено въ районѣ Индигирки восклицаніемъ—*анй, догоръ!* (собственно *ајы*)—буквальный переводъ: *грѣхъ братъ!*—одинъ изъ примѣровъ русскаго воздѣйствія индигирцевъ на якутовъ.

исключительно по-якутски; якутская рѣчь является разговорнымъ языкомъ для всего сѣвера. Хорошо знаютъ якутскій языкъ лишь тѣ немногіе мѣщане, которые живутъ въ Аллаихѣ и выше по Индигиркѣ; живя среди якутовъ, они объякутились не меньше усть-янцевъ; Аллаиха лежитъ въ сущности уже за предѣлами того замкнутого міра, въ которомъ живетъ русскій индигирецъ.

Особенности русско-устинской рѣчи прежде всего бросаются въ глаза пріѣзжимъ, мнѣ рассказывали о нихъ еще въ Якутскѣ и Казачьемъ. Ихъ хорошо сознаютъ и сами русско-устинцы, надъ разговоромъ которыхъ часто смѣются въ Усть-Янскѣ во время ихъ пріѣздовъ; эти особенности языка русско-устинцы отмѣчаютъ сами въ своихъ разговорахъ съ посторонними—порой даже излишне часто: „по нашему это такъ, а по вашему это какъ будетъ?“—У той дѣвушки лицо то стыднѣе будетъ“.—Это что значить?—переспросилъ я.—„Ну, по вашему сказать, морда-то похуже будетъ“.

Каждый индигирецъ живетъ въ сущности среди очень узкаго и ограниченнаго круга. За годъ онъ встрѣтится съ нѣсколькими десятками, самое большее съ сотней своихъ земляковъ, женщины же почти никогда не ѣздятъ дальше лѣтовья; такъ, изъ русско-устинокъ никто не былъ, напр., въ Аллаихѣ (всего лишь въ 120 верстахъ). Эта замкнутость объясняетъ очень многое. Только она, между прочимъ, даетъ понять крайнюю бѣдность лексикона и необычайно частую повторяемость выраженій, что мнѣ особенно бросилось въ глаза, когда я прожилъ съ русско-устинцами на гусеваніи вплотную три недѣли. То и дѣло раздававшіяся по всякому поводу восклицанія: „грѣхъ, бра-а!“ „ѣ, бра-а!“ „да онъ это чего? дичаетъ что-ли?“ „это какая страсть!?“—наконецъ, начали меня раздражать.

Не зная колымской рѣчи, я могъ подмѣтить у русско-устинцевъ только одно колымское слово — „мольчъ“—очень. Ѣздившіе въ Казачье и Колыму, особенно въ послѣднюю, считаются людьми бывалыми; свои знанія они стараются показать: поютъ колымскія пѣсни, очень тягучія и унылыя (во время гусеванія я подслушалъ пѣсенку о какой-то „чернобровкѣ“, но никакъ не могъ добиться, чтобъ мнѣ ее ска-

зали), употребляют колымскія выраженія—„приколь“ вмѣсто „прудило“ (въ Усть-Янскѣ—„каюръ“), палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, пускаемая въ ходъ на собачьей нартѣ, какъ тормазъ; собаками управляютъ колымскими окриками: кр-р-ру!—налѣво, отъ-по!—направо, вмѣсто: норѣх-норѣх! и тах-тах! Въ этомъ употребленіи колымскихъ выраженій вмѣсто своихъ былъ особый шикъ, какъ особымъ шикомъ считалось также носить чукотскую одежду и обувь, — видѣль чукчей, значить человѣкъ бывалый.

Якутскія слова встрѣчаются большею частью въ промыслѣ, такъ какъ промыселъ, повидимому, былъ усвоенъ русскими у мѣстнаго населенія; то же надо сказать о собачьей упряжи. „Алгуй“ (котель), „бадаранъ“ (болото)—слова якутскія. Якутскаго происхожденія, повидимому, также слово „тухтуй“—топоръ—колунъ. Но все же въ лексиконѣ индигирца якутскихъ словъ поразительно мало, что кажется пріѣзжему, привыкшему всюду по области видѣть на каждомъ шагу примѣры якутскаго вліянія на русскихъ, большой странностью. Еще болѣе, конечно, страннымъ долженъ казаться тотъ фактъ, что живущіе (уже нѣсколькими поколѣніями) среди русскихъ въ Хатыстахъ и Станчикѣ нѣсколько якутовъ настолько обрусѣли, что не понимаютъ якутскаго языка. Врядъ ли я ошибусь, если выскажу предположеніе, что явленіе это надо считать единственнымъ для всей Якутской области.

Какъ ни слаба была связь индигирцевъ съ „югомъ“ (подъ „югомъ“ я разумѣю здѣсь Якутскъ, Вилюйскъ, Верхоянскъ), его вліяніе сказывалось въ языкѣ—вѣдь не надо забывать, что оттуда шли всѣ административныя воздѣйствія, какъ бы мало ихъ ни было. Я подмѣтилъ среди индигирцевъ слѣдующія слова и выраженія, записанныя Маакомъ въ Вилюйскомъ округѣ въ 50-хъ годахъ и входившія, повидимому, въ тотъ лексиконъ, который былъ созданъ въ Якутской области русской культурой за два вѣка ея существованія:

доспѣть—достать, добыть, сдѣлать.

— „Что съ тобой доспѣлося?“—или:—„Надо бы тебѣ, братъ, новую шапку доспѣть“.

щербѣ (у Маака—щербѣ)—рыбная похлебка

мангазѣя—магазинъ, амбаръ.

слушать—понимать

„Якуты-то эти по-русски хорошо слушаютъ“

осенѣсь—осенью

ушыль, утрусь, мышеядь муки

провіантъ—мука

тута-ка, тамот-ка.

— „Чукчи тамъ есть?—Нѣ-ѣ, пустые тамот-ка юкагиры живутъ“

обутки—обувь

заболѣ (у Маака—взаболѣ)—правда (какъ существительное и какъ нарѣчіе).

— „Самую заболѣ говоришь!“—правда! правду говоришь!

много—вм. много

толковать—понимать.

— „Ну, онъ этого не толкуетъ“ (русско-якутское слово)

молчать—вм. молчать.

Интереснѣе и характернѣе тѣ слова и выраженія, которыя мнѣ пришлось слышать только на Индигиркѣ. Для пріѣзжаго русскаго разговоръ между собой двухъ индигирцевъ будетъ не весь понятенъ. Пріѣзжіе русскіе купцы прямо жалуются, что не понимаютъ русско-устинцевъ. Для меня потребовался нѣкоторый навыкъ, чтобы понимать ихъ вполнѣ. Кромѣ особенностей произношенія, скрадыванія звуковъ и недоговариванія, также кромѣ множества звуковъ, которые означаютъ цѣлыя слова или вѣрнѣе чувства (русско-устинецъ, напр., въ отвѣтъ на вопросъ никогда не скажетъ „да“—онъ замѣняетъ его какимъ-то почти англійскимъ звукомъ—э-э-э! колымскаго сюсюканья—с вмѣсто ш и ж -и „цацканья“ охотскаго жителя—ц вмѣсто ч—у индигирцевъ никогда не услышишь), кромѣ этихъ особенностей, въ ихъ рѣчи сохранились старинныя русскія слова, выраженія и обороты, память о которыхъ нами уже утрачена. Этихъ особенностей въ обиходной рѣчи индигирца сохранилось очень много, и я приведу лишь нѣкоторыя.

ась?—что?

ютить—хранить, охранять, сберегать

баять—говорить

морокъ—туманъ, ненастье
немѣлость—множество
прощай то, погода—пока прощай
прилогъ—преданіе, обычай
кокоръ—каряга
норки—носъ
дундукъ—шуба, кухлянка
портянки—перчатки
лейка—плошка съ рыбимъ жиромъ для освѣщенія.
дивно—много
— „А много въ Абыѣ жителей?—„И-и, дивно!“
кѣпотно—неясно (о погодѣ)
лѣпотъ—одежда, бѣлье
бронь—обувь, въ которой бродятъ по водѣ
сурметъ—кожа коровья дымленая для обуви
трубочица—вьюшка (затыкать трубу)
буйница—отдушина
признака—мѣтка, признакъ
сказка—разсказъ
Божій олень—дикій олень
ординарно—обыкновенно (фр. ordinairement!)
гамза—трубка (курительная)
голкъ—шумъ, гулъ (о выстрѣлѣ)
досельный, досель—прежній, прежде
„досельные люди“—люди, жившіе въ старину
плаваетъ (въ горлѣ)—мѣшаетъ
пѣтри—полки
ланскѣй—прошлогодній
„съ ланской поры“
лѣнесъ и лонѣсъ, лонѣся—въ прошломъ году
чихотка—кашель
сѣндуха—открытая тундра
ѣдома—горы
барантрѣтитъ — шумѣть безъ толку, заводить ссоры,
дразги
плѣвко—легко, скользко.
— „Весной плѣвко ѣхатъ“
нѣша—десять верстъ

щербѣть—чешется

„Щерботѣ высыпала“—т.-е. сыпь показалась

куликать, куликаніе — игра, состоящая въ томъ, что
круглую чурбашку палками гоняють отъ одного
къ другому.

омалить—уменьшить

распутница—распутица

завсе—всегда

шепеткой—красивый

шитница—швея, портниха

на припайкѣ—на морскомъ берегу

пахать—мести, подметать

бѣстеръ—теченіе

гальтѣся, гальба—издѣваться, насмѣхаться, насмѣшка

лыба—лужа

лайда—просыхающее озеро

вѣска—просыхающая протока

костёрка—стерлядь

няша—рѣчная грязь, иль

якша—грязь болотная

постигать—догонять

ночѣсь—минувшей ночью

дюкаки—живущіе въ одномъ домѣ, мѣстѣ (якутское
слово?)

липокъ—бабочка

будунѣца—пчела

индѣ—въ другомъ мѣстѣ

губки—носокъ у чайника

кога—кочка

пѣстеръ—плетеная корзина

кавардакъ—крошево изъ гусянаго мяса

верѣтье—сухое мѣсто на тундрѣ, поросшее тальникомъ

попуститься—отказаться

бѣрдить—трусить, робѣть

карга—коса на лайдѣ или въ морѣ

кулига—заливъ въ морѣ

курья—заливъ на рѣкѣ съ пескомъ

махало—крыло

мотыркѣ—кончики крыльевъ ленного гуся (идутъ какъ приманка для песцовыхъ пастей)
мотылѣкъ—почки (у гуся)
балбѣхъ—гусь, набитый мясомъ двухъ другихъ гусей
ласно—какъ будто. „Ласно туманъ хочетъ придти“
даромъ—безразлично, все равно, напрасно. — „ты его бей-не бей, ему это даромъ“. —
хоѣсъ—деревянная выгнутая лопата въ видѣ весла для закапыванія гусей въ бадаранѣ.
айданъ—безпорядокъ, суматоха, тревога
камлѣя, камлейка—наружная кожаная рубашка
ужѣ—потомъ, послѣ
шухума—зря, безъ толку
выпаривать яйца—высиживать яйца
лѣнда—вм. лента
трѣбка—вм. пробка
тихой—вм. тихій
много—вм. много
червоторія вм.—обсерваторія (метеорологическая будка)
несовершенный вм. — несовершеннѣйшій. — „Сынъ у меня еще несовершенный, въ головѣ вѣтеръ“.
кашѣль—вм. кашель.
дѣко — неумѣло, неловко, нелѣпо. — „Дико-то будетъ дѣлать—сломаешь“—вырубить льдины для оконъ.
модный — особенный. — „Какая-то, братъ, твоя вѣтка модная, все на одну сторону воротить“. —
тихими стопами—потихоньку
на проходъ—насквозь. — „На Алексѣя (17 марта) заря съ зарей на проходъ сходятся“. —
непереносно—невыносимо
сей годъ—въ этомъ году
годомъ, годами—въ разный годъ разнo. — „Сельдятка у насъ бываетъ годами“
пѣжа—пыжъ
меледѣть—медлить
комарно—много комаровъ.—„Комарный день“.
стыдко—вм. стыдно. — „Большія окна въ избѣ по нашему какъ будто стыдко“

мужички, женки—самцы, самки (о птицахъ и животныхъ).

Слова „щербѣ“ — рыбная похлебка и „пахать“ — подметать — встрѣчаются въ Вятской губерніи: не привезли ли ихъ въ Русское Устье оттуда тѣ индигирцы, о которыхъ еще теперь сохранилось преданіе, что они вышли изъ Вятки? Но откуда появилось слово „верверѣть“—плись? Не пріѣхало ли оно черезъ Колыму изъ Америки?—по англійски velvet—бархатъ ¹⁾.

Имена встрѣчаются: Гринька, Никульчанъ, Микунька (Николай), Гавриленокъ (Николай Гавриловичъ), Сергунька, Егорша, Якутка (Яковъ), Микунюшка (Николай), Оля (Алеша), Ванюшка (Иванъ),—женскія попадаютъ мудренныя, напр., Олимпіада, Лариса.

Календарь ведется по заготовленной на цѣлый годъ впередъ палочкѣ съ зарубками (какъ у якутовъ), въ дняхъ рѣдко ошибаются, хотя нѣсколько разъ справлялись у меня для провѣрки; путаницу вносятъ у нихъ високосные года, которыхъ они не знаютъ; время исчисляють по большимъ праздникамъ — кромѣ двенадцатыхъ, знаютъ также „Митровъ день“, Евдокин, Егорья, Царя (царя Константина), Михайловъ день, Миколы и проч.

Вѣтра называются: южный (полдень) — „верховскій“, ЮЗ—„шелѣнникъ“, З—„западъ“, СЗ—„худой“ (холодный), С—„сиверь“, СВ—„холодный стокъ“, В—„стокъ“, ЮВ—„обѣдникъ“.

Приведу еще нѣкоторыя изъ записанныхъ мною выраженій:

„Нѣтъ у насъ такой вѣры“ — нѣтъ у насъ такого обычая.

— „Умъ да разумъ нуженъ, чтобы такую мелочь читать“—заглянувъ въ лежащую передо мной книгу.

— „Напились они тамъ вина—поднялся у нихъ бунтъ“ (ссора):

---

¹⁾ Кстати: у русско-устинскаго старосты имѣется ручная пила съ американскими клеймами; изъ разспросовъ выяснилось, что она когда-то куплена была имъ въ Н. Колымскѣ отъ носовыхъ чукчей.

— „Глаза стыдятся“—боятся свѣта.

— „Человѣкъ-то онъ тугой — ну, скупой, скажемъ по нашему, на деньгу по домашности, тамъ пустяки какіе купить для души, пряники либо сахару“.

— „Вѣдь у нихъ, якутовъ, настоящей пѣсни нѣту—такъ, самокладка“.

— „И совѣстно и стыдко, и Богу грѣхъ—жениться на близкой роднѣ“.

— „Завсе въ головѣ у меня шипить и шумить, шипить и шумить—это, бають, въ можгѣ шипѣта“.

— „Какъ дѣвочка у меня потонула, такъ не могу на вѣткѣ черезъ рѣку переѣзжать, сердце шевелится. Не будетъ ли у тебя какихъ порошковъ? Тоже вотъ рѣза на рукѣ выступаетъ — въ Колымскѣ государственные меня отъ нея лѣчили“.—

— „Голову мы правимъ—неладно спишь, такъ мозгъ на одну сторону переходить, голова пухнетъ. Бумажку тогда вокругъ головы клеимъ и очеркиваемъ противъ носа, противъ ушей и затылка, потомъ мѣримъ. Которая сторона больше—ту шеркаемъ, тремъ—такое у насъ досельное средство“.—

Самыми жестокими ругательствами у индигирцевъ, какъ у собачниковъ, считаются: „собачья зараза“, „собачья килá“(?), „кѣленный“; совершенно недопустимымъ словомъ является „варнакъ“—обиженный уже жалуется на оскорбителя старостѣ.

Х. Пѣсни.

Старики увѣряютъ, что раньше на Индигиркѣ жили веселѣе. Собирались въ зимніе вечера, пѣли, плясали. Старыхъ пѣсенъ и „старинъ“ или „були“ (былины) знали, по видимому, много, но теперь это знаніе почти утрачено. Изъ стариковъ остался въ живыхъ одинъ Егоръ Голыжинскій (въ Косухинѣ), пѣсни котораго въ свое время здѣсь записывали „экспедиторскіе“. Благодаря собственнымъ ошибкамъ,

а также трудности передвиженія мнѣ удалось собрать лишь ничтожное количество пѣсенъ.

Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и навѣки будутъ утрачены пѣсни и былины, сохранившіяся въ этомъ далекомъ уголкѣ среди неграмотныхъ загадочныхъ выходцевъ изъ Россіи.

Всѣ пѣсни поются очень своеобразно—тягуче и прогolosно. Ничего общаго съ якутскимъ горловымъ пѣніемъ онѣ не имѣютъ, также совершенно не похожи по манерѣ пѣнія и на тѣ визгливыя и разухабистыя частушки, которыя горланить современная русская деревня! Вначалѣ кажутся лишенными всякаго мотива, но пѣвецъ за каждой пѣсней строго сохраняетъ свой характеръ пѣнія. Многія слова искажены, другихъ сами рапсоды не понимаютъ.

Пѣсня раздается рѣдко, случайно не приходилось подслушать почти ни разу. Помню лишь, какъ во время гусеванія, когда гусей „держали“ кольцомъ изъ вѣтокъ на водѣ, кто-то затулилъ пѣсню, чтобы чѣмъ нибудь пугать птицу. Другой разъ слышалъ колымскую пѣсню о „чернобровкѣ“ въ тоскливую дождливую погоду изъ палатки, гдѣ пѣвецъ сидѣлъ, плетя отъ нечего дѣлать сѣти.

Съ удивленіемъ и радостью нашелъ здѣсь варіантъ пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, записанной еще Пушкинымъ:

(„Во городѣ то было во Астрахани

Проявился дѣтина, незнамой человѣкъ...).

Пѣсня, несомнѣнно, сильно искажена, но складъ и размѣръ вполнѣ совпадаютъ съ пушкинскою записью.

№ 1. Очутился младъ дытинушка, незнамой человѣкъ,

Не знай Казанскій, не знай Московскій, не знай Астраханскій,

Алый бархатный кафтанъ на могучихъ на плечахъ,

Прозументовый платочекъ за конецъ его тащилъ.

Онъ стохамъ офицерушкамъ челомъ не бьетъ,

Астраханскому губернатору подъ судъ не идетъ.

— „Еще завтра по утру мой батюшка будетъ,

— „Ты умѣй его встрѣчать, да умѣй ты его чѣстывать“.—

Тожна его бѣлы ручки опустились,

Холостой глазамъ взводить,
Изъ ума меня выводить,
Чернымъ бровемъ извиваетъ,
На дворъ вызываетъ.
— Пойдемъ, душечка, со мною
По саду гулять,
Мнѣ наскучило съ одною
По саду бродити,
Дай расписку, съ кѣмъ живешь.—
— Я расписку не даю,
Съ кѣмъ живу да не скажу.—

№ 5. Плясовая.

Какъ обѣдню зазвонять,
Нашъ идетъ въ кабакъ монахъ,
Черну рясу пропивалъ
И шапку даетъ въ закладъ.
Цѣловальникъ не примать,
За шею его толкать.
— Я не иду въ земляну келью,
— Я пойду въ зелену рощу.—
Въ рощѣ дѣвки травку рвали,
Монаха въ глаза не видали,
Доходили до конца,
Увидѣли монашка.
Монахъ идетъ по тропѣ
На высокомъ сапогѣ.
— Сядьте, дѣвки, во кружокъ,
— Спойте пѣсню въ голосокъ.
Еще сталъ нашъ монашенка подплясывать,
Про житье-бытье свое сталъ рассказывать.
— Ой, не дай Боже, ребята, молодому старше быть.
— И во келейкѣ служить.—

№ 6. Плясовая.

Натальюшка, Марьюшка,
Городская дѣвушка,
Марья сватала, говорила

И послѣдъ (до послѣдняго) любить велѣла.
— Ты люби, душа, Марья солнцу хороша,
— Всѣмъ я сердцемъ возлюбляла,
— Всѣмъ народу объявляла,
— Слышу, вижу про тебя
— Нехорошія слова,
— Наши ближніе сусѣди
— Меня опознали,
— Отцу, матери сказали,
— Я отъ той тоски—кручины
— Не знаю, куда дѣтися,
— Съ любимымъ растатися
— Пойду въ поле погуляю,
— Свое горе размываю,
— Я сорву и вырву цвѣтокъ,
— Совью милому вѣнокъ,
— Я къ сердечечку прижму,
— Сердечечкомъ назову.—

№ 7. Плясовая.

Вотъ про комарика да не спѣли,
Полетѣлъ нашъ комарочекъ,
Сялъ комарикъ на дубочекъ,
Самъ головку подъ листочекъ,
Вотъ поднялася сюра—буря (молнія)
И комарика сдула, сдула.
Вотъ про комарика мы спѣли,
А теперича и спать захотѣли.

№ 8. Въ двадцать пятомъ году
Пошла вдова по воду.
Ахъ ты, тихонькой Дунай,
Прокачай моихъ дѣтей,
Ахъ ты, желтенькій песокъ,
Пропитай моихъ дѣтей,
Ахъ Дунай, Дунай, Дунай!
Громкой пѣсней, соловей.
Не буди моихъ дѣтей,
Ахъ Дунай . . . . .

По Дунаю по рѣкѣ
Легка лодочка плыветъ
Ахъ Дунай . . . . .
Два молодчика сидятъ,
Между собой говорятъ
Ахъ Дунай . . . . .
Одинъ книжечку читатъ,
Другой вдовушку пытать
Ахъ Дунай . . . . .
Другой вдовушку пытать,
— Я не вдовушка, не жена,
— Я осталась сирота
Ахъ Дунай . . . . .
— Если осталась сирота,
— Выйди замужъ за меня
Ахъ Дунай . . . . .
— Пойду за-мужъ за тебя,
— А за другого дочь отдамъ
Ахъ Дунай . . . . .

№ 9. Плясовая.

Во саду ли, въ огородѣ
Дѣвица гуляла,
Она ростомъ невеличка,
Лицомъ круглоличка,
На лицѣ румянецъ
За всегда играетъ.
За ней ходить, за ней бродить
Удалой молодчикъ.
— Зачѣмъ ходишь, зачѣмъ бродишь,
— А ночью не ходишь.—
— Радъ бы, душечка, ходить,
Да нечѣмъ тебя дарить,
Случай будетъ, поѣду въ городъ,
Привезу подарокъ,
Подарочекъ небольшой,
Кумачъ и китѣекъ.

— Кумачъ я не хочу и китаечку не люблю,
А если ты, вѣрно, меня любишь,
То мнѣ купишь алаго гризента
На двѣ юбки, на двѣ шубки, на двѣ тѣлогрѣйки
Изъ остатокъ, изъ обрѣзокъ
Сошью себѣ пляпу,
Стану шляпочку носить,
Стану милаго любить.—

№ 10. Какъ пташки—канарейки такъ жалобно поютъ,
Разлука ты—разлука, чужая сторона.
Зачѣмъ намъ разлучаться, зачѣмъ въ разлукѣ жить,
А лучше повѣнчаться, вмѣстѣ съ тобой жить,
Никто насъ не разлучить, ни солнце, ни луна,
Только насъ разлучить, одна сыра земля.
Чья рука писала, не знаю для кого,
Но строка та сказала, для сердца моего.
Мой миленькій дружочекъ уѣхалъ далеко,
Мнѣ теперь не видѣть, не видѣть никогда.
Несчастная дѣвица съ печали умерла,
Высокая могила цвѣтами обросла.

Слѣдующія старинныя „були“ записаны мною со словъ
Кипріана Рожина изъ Осколкова.

№ 11. О двухъ братьяхъ.

Поѣхали два брата, два Волховича къ солнышку—
Владиміру,
У солнышка—Владимира на пиру были пьяны—веселы.
Кто хвастаетъ своимъ богатствомъ, кто хвастаетъ моло-
дой женой,
А кто хвастаетъ слугою вѣрною.
Два брата ничѣмъ не хвастаютъ.
Тутъ споговорилъ солнышко Владиміръ князь:
— Ужъ почто, два брата, не хвастаете?
Тутъ встаютъ два брата на ножки на рѣзвья,
Еще кланяются они понижешенько.
— Еще чѣмъ будемъ мы хвастати.

Еще есть у насъ родна сестрица;
Свѣтъ по имени Софьюшка Волшебница,
Не передъ свѣтъ свѣчей блатъ (младъ?) свѣтель мѣсяцъ,
Не обогрѣтъ ее красно солнышко.—
Тутъ сидитъ со царемъ во рядомъ,
На томъ были на стуликъ на ременчатомъ,
Свѣтъ по имени Федоръ сынъ Колыщатой.
Встаетъ онъ на ножки на рѣзвья
На зеленъ сафьянъ сапожинки
На тѣ бѣлы чулочки пеньковые,
Еще кланяется онъ понижешенько.
— Ужъ то правда, два брата, пустымъ хвастаете,
Видѣлъ, видѣлъ я вашу сестрицу въ рубашкѣ безъ
поясу.—

Еще въ тѣ поры два брата обстыдились.
Поѣхалъ Федоръ къ Софьюшкѣ Волшебницѣ,
— Ужъ тобой я, душечка, призахвастался.—
Тутъ спроговорить Софьюшка Волшебница.
— Ужъ таперича намъ живымъ не быть.—
Тутъ разѣхались два брата, два Волховича.
— Выходи ты, Федоръ, на красное крыльцо.—
Тутъ спроговорить Софьюшка Волшебница,
— Хоть лежать тебѣ, доброму молодцу, не отлежатися,
Хоть сидѣть тебѣ, доброму молодцу, не отсидѣтися.—
Съ душой Софьюшкой распростилися.
Выходилъ Федоръ на красное крыльцо,
Еще подкололи два брата, два Волховича
На два копышка булатныя,
Еще въ ту пору Софьюшка Волшебница подкололася
На два ножечка булатные,
Еще въ тѣ поры два брата прослезилися,
— Ужъ не знали мы, сестрица, надъ тобой это слу-
чается,
То совокупили бы мы голубя съ голубицею.—

№ 12. О Титѣ царѣ.

Со во стой стороны, со низовною,
Со во стой стороны, съ полуночною

Подымалася туча грязь великая—
Выѣзжаетъ тутъ Титъ, похваляется:
— Иерусалимскаго я царства выжгу, выпьяню,
Царя Тимофея въ полонъ полоню,
Его Божьи церкви на дымъ пушу,
Его вдовьи монастыри, дѣвьи монастыри на глубь
спущу,

Царицу-княгиню за себя возьму,
Подо мной, подъ Титомъ, сорокъ царей,
Сорокъ царевичей, сорокъ королей, сорокъ королевичей
Еще той мелкой сошки, ей счету нѣтъ,
На всѣ на четыре дальни стороны
Отмѣчена сила по сту верстъ,
Еще самъ вотъ я, Титъ, Тита брата звѣрь.—
Собираетъ царь князей—боярей, думныхъ сенаторей.
Еще ѣдетъ Титъ похваляется, говорить:
— Иерусалимскаго царства выжгу, выпалю,
Царя Тимофея, говорить, я въ полонъ полоню,
Его божьи церкви на дымъ пушу,
Вдовьи, дѣвьи монастыри на глубь спущу,
Царицу я княгиню за себя возьму,
Подо мной, подъ Титомъ, сорокъ царей,
Сорокъ царевичей, сорокъ королей сорокъ королевичей,
Подъ всѣми подъ ними по три тысячи людей,
Еще той мелкой сошки счету нѣтъ,
Отмѣчена силушка на всѣ четыре дальни стороны по
сту верстъ,

Еще самъ вотъ я Титъ, Тита брата звѣрь.—
Отъ передняго стола до середняго,
Отъ середняго стола до послѣдняго
Ни отъ кого ни отвѣту, ни привѣту нѣтъ.
Изъ средняго стола пошелъ колесомъ
Свѣтъ по имени Данилюшко Игнатьевичъ,
Вставалъ онъ на ноженьки на рѣзвыя
На зеленъ сафьянъ сапожинки,
Еще кланяется онъ понижешенько.
— Еще служилъ я царямъ—царевичамъ,
Служилъ я королямъ—королевичамъ,

Таперя я, Данилюшко, старымъ старой девяноста
лѣтъ,

Спасаясь я, Данилюшко, въ теплой келейкѣ,
Еще въ далѣ во далѣ во чистомъ полѣ
Еще есть то тамъ дубъ кракитовый,
У того у дуба одинъ отростель,
У меня, у Данилюшки, одна дитя,
Свѣтъ по имени Михайлушка Данильевичъ,
Молодымъ онъ молодой, лѣтъ двѣнадцати,
Кабы былъ Михайлушко лѣтъ шестнадцати,
Постоялъ бы Михайлушко за вѣру христіанскую. —
Пошелъ Данилюшко въ свою келейку,

— Наряжайся, мое дитятко, тебя царь зоветъ. —

— Не знаютъ меня ваши цари—царевичи,

Не знаютъ ваши короли—королевичи. —

Еще сталъ Михайлушко наряжаться,

Еще сталъ Михайлушко вымыватися,

Пошелъ Михайлушко къ своему царю,

Отворяетъ онъ вороточки на пята (настежь),

Еще клалъ Михайлушко поклонъ по ученому,

Еще кланяется онъ по писаному.

Тутъ споговорить нашъ царь:

— Пстой, Михайлушко, за вѣру христіанскую. —

Наливаетъ ему чару полтора ведра,

Беретъ онъ чару единой рукой,

Выпиваетъ чару единымъ духомъ.

Пошелъ Михайлушко въ свою келейку,

Отворяетъ онъ ворота сильно—насильно,

Закрываетъ ворота крѣпко—накрѣпко,

Приходитъ Михайлушко въ свою келейку.

Тутъ споговорить Михайлушко своему отцу:

— Ужъ зачѣмъ ты много рано хвастаешь? —

— Я вѣдь съ пьяныхъ дѣлъ, дитятко, тобою приза-
хвастался,

Ты бери моего военного коня,

Ты бери мою саблю вострую,

Ты коси-руби силушку до шести сутокъ,

Шесть суток дойдутъ, поворачивай коня круто —
накруто,

Пріѣзжай въ свою теплу [келейку. —

Поѣхалъ Михайлушко къ силушкѣ безсчетной,

Сталъ косить—рубить силушку безсчетную,

Впередъ махнетъ—часты улички,

Назадъ махнетъ—переулочки,

Татаръ рубилъ, какъ лѣсъ клонилъ.

Шесть сутокъ тому больше прошло,

Еще ранили Михайлушку крѣпко—накрѣпко.

Поворачивалъ коня круто—накруто,

Пріѣзжаетъ въ свою теплу келейку.

Не стукъ застучалъ, братцы, во теремъ,

Разбѣжался богатырскій конь.

Выходитъ Данилюшко не дверями, не воротами,

Выходитъ Данилюшко каменной стѣной,

Хватаетъ Михайлушку на бѣлы руки,

Понесъ Михайлушку въ Божью церкву,

Кладетъ Михайлушку подъ святыя образа,

Зажигаетъ свѣчу воску яраго,

Самъ не подвигаетъ стремячко вальянское,

Садится прямо съ полу на коня.

Поѣхалъ онъ, Данилюшко, во чисто поле,

Срываетъ онъ дубъ кракитовый изъ кореня,

Поѣхалъ Данилюшко къ силушкѣ безсчетной,

Еще сталъ дубомъ крошить—рубить силушку безсчетную,

Татаръ изрубилъ, какъ лѣсъ клонилъ,

Самого Тита живкомъ хватилъ

И привязывалъ онъ коню въ торока.

Пріѣзжаетъ Данилюшко въ свою келейку,

Пошелъ Данилюшко во Божью церкву—

Еще давно его дитятко переставилось.

Пошелъ Данилюшко къ своему царю,—

— Потухла свѣча. говорить, воску яраго,

Померкло, говорить, наше краснѣ солнышко,

Переставилось мое дитятко.—

Кидался—бросался Данилюшко о кирпичевый мостъ,

Разбивался до смерти Данилюшко о кирпичевый мостъ.

Сказки.

Еще въ „Верхоянскомъ сборникѣ“ есть сказки, записанныя Худяковымъ—вѣроятно въ началѣ 70-хъ годовъ—со словъ одного русско-устинца. Несомнѣнно, много сказокъ сохранилось въ Русскомъ Устьѣ и теперь—сужу объ этомъ по тому, что говорилъ мнѣ парнишка, котораго я училъ грамотѣ—онъ увѣрялъ меня, что его тятя знаетъ ихъ много и нѣкоторыя мнѣ пересказывалъ. Но ни его отца, ни другихъ я не могъ убѣдить эти сказки рассказать мнѣ—они „совѣстились“

Услышать удалось только двѣ сказки о птицахъ.

№ 13. О гагарѣ.

— „Досель это было. Говорить гагара ворону: „Воронъ попестри меня“.—Началъ воронъ ее пестрить—пестрилъ пестрилъ... Посмотрѣла гагара въ воду: „Ой, какая я красивая! давай, воронъ, я тебя попестрю“.—Завязала ворону глаза и давай его мазать. Глядитъ воронъ—весь какъ сажей замазанъ. Сѣла гагара на воду, а воронъ какъ ударить ее въ хвостъ, такъ и стала она къ хвосту приплюснутая“.

№ 14. О стеллеровой гагѣ.

(Мѣстное якутское названіе берганьяхъ; у этой птицы окраска самцовъ очень пестра и красива,—самки, наоборотъ, окрашены въ скромный буро-рыжій цвѣтъ,—„будто опалены“).

„Весной женка (самка) снаряжаетъ мужичка (самца) въ путь и ужъ такъ-то его украшаетъ, украшаетъ, что для себя ничего не останется,—накинеть, что попало—и такъ летить“.

ХІ. Обряды.

Мнѣ удалось гулять въ Русскомъ Устьѣ на свадьбѣ. Свадьба была великимъ постомъ—во время пріѣзда священника. Невѣста была „дѣвья“, женихъ—со Станчика,—въ силу какихъ-то родственныхъ отношеній праздновалась свадьба въ домѣ старосты.

Сначала у родственниковъ невѣсты былъ „дѣвишникъ“ на которомъ пѣли пѣсни. Всего ихъ полагается двѣнадцать.

При благословеніи невѣсты отцомъ и матерью (роль отца исполнять ей крестный, по имени котораго она и величалась), поется „благословенная первая“.

№ 15. Не стукъ стучить, братцы, во теремъ,
Что не громъ гремитъ во високомъ,
Благословляется дочь у батюшки,
Благословляется дочь у родной матушки,
— „Благословите меня по златъ вѣнецъ,
— „Благословите меня со суженымъ“.

Закрывъ отъ присутствующихъ невѣсту платкомъ, который держать за концы, расплетаютъ ей косу; въ это время поютъ:

№ 16. Сѣмена мои сахарные,
Ужъ къ чему вы много уродились,
Ужъ немножечко васъ я, млада, посѣяла,
Какъ съ перваго поля до Кіева,
До втораго поля до Чернѣва (Чернигова?).
Между этими двумя полями,
Между этими двумя широкими
Не бѣла лебедь въ полѣ воскликнула,
Не черна сурна въ полѣ возрыдала,
Тутъ расплакалась душа красна дѣвица
По своей по русѣ косѣ,
По своей дѣвѣй красотѣ.
Часъ таперите русу косу не чесывать,
Золотъ кустикъ не приплетывать
Со Варварушкой серебряною
Со другою позолоченой.

№ 17. Брошу, брошу камешекъ во пламячко-огонь,
Ты гори, гори, камешекъ, перегори,
Раздѣлися, камень, на четыре части.
Такое же ваше сердце каменное,
Отдадите меня во чужи люди въ дальнюю сторону.

Тутъ бѣгаетъ братъ ко родной сестрѣ.
— „Ты не знаешь, наша больша́я сестра,
— „Отдаютъ нашу сестру во чужи люди,
— „Во чужи люди, въ дальнюю сторону“.—
— „Ты поѣдь, братъ, во чисто поле,
— „Ты сѣки, братъ, засѣку съ востоку до западу
— „Не пройти бы ему, не проѣхать,
— „Какъ моему суженому,
— „Какъ съ тѣми было со свахами,
— „Какъ съ тѣми было съ похожанами,
— „Какъ съ тѣми было съ бояринами“.—

Когда женихъ съ дружками и тысяцкимъ приѣзжаетъ за невестой везти въ церковь, поютъ:

№ 18. На дворѣ, дворѣ, Ивановомъ дворѣ

Выросло кипарисъ древо.
Солеталися девять соколы,
Со десятой бѣлъ крыльчатъ соколъ,
Соѣзжались девять боярѣй,
Со десятой князь молодой.
Выходила его суженая,
Золотымъ кольцомъ обрученая,
Она мылась и бѣлилася,
Въ чистомъ зеркальцѣ смотрѣлася,
Рѣзнымъ гребешкомъ чесалася.
— „Еще этотъ ли есть бѣлъ крыльчатъ соколъ,
— „Еще этотъ ли князь молодой,
— „Еще этотъ ли есть мой суженый,
— „Золотымъ кольцомъ обрученный.

Тысяцкій (онъ вообще играетъ большую роль—это первый виновникъ свадьбы“, поручитель жениха, расписывающійся въ церковной книгѣ, „архитриклинь“—распорядитель брачнаго пира) выкупаетъ невесту—невестинъ братъ продаетъ. Женихъ стоитъ подъ порогомъ, братъ невесты сидитъ за столомъ. Тысяцкій кладетъ на блюдечко копейку и придвигаетъ его къ брату невесты. Братъ: „я не за это поилъ—кормилъ“—отодвигаетъ блюдечко; тысяцкій кладетъ еще

копейку—до трехъ разъ. Потомъ беретъ невѣсту за руку, выводитъ къ жениху.

Въ это время поютъ:

№ 19. Не вылетай, утка, изъ острову,
Не выпорхай перья изъ гнѣздичка,
Не выходи, наша душечка, изъ терему.
Зазрять, засмотрять свекорь-батюшка,
Зазрять, засмотрять свекорь-матушка,
Скоро ли запросятъ дороги дары,
Дары я шлю, сама къ нему не иду.

Тысяцкій подноситъ невѣстѣ платье отъ жениха (идти подъ вѣнецъ), зеркало, гребень.

№ 20. Стремянами конь бьетъ, воды не льетъ,
Удилами пошевеливаетъ, золотой уздой побрякиваетъ,
Коня плеточкой остегиваетъ,
Со дорожки приворачиваетъ
Ко своимъ ко бѣлымъ шатрамъ
Ко своячинамъ, бояринамъ,
Ко своему ко красному крыльцу—
Выходила его суженая, золотымъ кольцомъ обрученная.

Невѣсту ведутъ изъ-за стола, садятъ на кровать.

№ 21. Катилось солнышко изъ-за лѣсу,
Шла наша душечка, шла наша Марья Киприановна
(невѣста) по задъ стола,
У нашей душечки, у нашей Киприановной
Сапожки высоки, сафьяны высоки,
Ножки ломить, ножки подгибать.
— „Дайте мнѣ коня, коня мнѣ батюшкинаго“,—
Батюшкинъ конь не несетъ, не везетъ.
— „Дайте мнѣ коня, коня матушкинаго“.—
Матушкинъ конь не несетъ, не везетъ.
— „Дайте мнѣ коня, коня ладушкинаго“.—
Ладушкинъ конь понесъ и повезъ.

Вся свадьба съ поѣзжанами, друзьями и свидѣтелями ѣдетъ въ церковь. Во время вѣнчанія на головѣ жениха и

невѣсты кладутъ, вмѣсто вѣнцовъ, натѣльные кресты. Послѣ вѣнчанія въ часовенкѣ мальчикъ съ иконой, молодой, молодая, тысяцкій и дружки садятся на нарту; на собакахъ алыки (упряжь) разукрашены, ремни обшиты краснымъ и зеленымъ сукномъ (излюбленные цвѣта на сѣверѣ, какъ самые яркіе). Нарта стрѣлой несется къ дому старосты— въ двухъ шагахъ отъ часовни. У дома молодыхъ встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью, мать и отецъ—съ иконой.

Поютъ:

№ 22. Не были вѣтры, навѣяли,
Не жданы гости, наѣхали,
Соколъ летить, земля ютить.

Рис. 59. Свадьба. Отецъ съ матерью встрѣчаютъ молодыхъ дома.

Всѣ входятъ въ домъ. Тамъ столы сдвинуты вмѣстѣ, на нихъ пироги съ рыбой, кучи вареной рыбы, оленье мясо и въ центрѣ, какъ на старинныхъ боярскихъ пирахъ, на блюдѣ огромный зажаренный лебедь, окруженный рядомъ бутылокъ съ водкой. Молодыхъ садятъ подъ иконы, въ передній конецъ стола, рядомъ съ нимъ почетные гости—батюшка, я,

дьячокъ, писарь, — дальше за столами „простонародье“. Тысяцкій и староста на перебой угощаютъ, наливаютъ вино. Передъ молодой держать зеркало, закрываютъ ее отъ присутствующихъ платкомъ, молодой стыдливо отворачивается, и двѣ женщины „крутятъ голову“ молодой, т.-е. убираютъ заплетенныя на дѣвичникѣ косы молодой подъ платокъ. Въ это время поютъ:

№ 23. „Сѣмена мои сахарныя“, какъ на дѣвичникѣ.

Во время брачнаго пира „опѣвають“ молодыхъ, тысяцкаго, присутствующихъ гостей.

№ 24. Не скаченъ (скатень) жемчужинка по блюдечку про-
катилася,
Свѣтъ душечка его Александра Петровна (жена тысяц-
каго)

Словечушко ему (тысяцкому) промолвила:

— „Завтра у нашего Егора (молодого) будетъ свадьба,

— „Будетъ свадьба, будетъ бесѣда,

— „Соберутся тутъ пѣвицы пѣсни пѣть,

— „Не дари пѣвицъ ни рублями, ни полтинами,

— „Ты дари пѣвицъ золотой гривной“.—

Тотъ, къ кому относится это „опѣваніе“, долженъ бросать на блюдечко деньги.

Гости всѣ были разодѣты и разукрашены. Особенно интересными показались мнѣ женскія плисовые кацавейки, въ родѣ старинныхъ, — на песцовомъ бѣломъ мѣху съ чернобѣлыми лежащими воротниками.

Кромѣ пѣсенъ, были и *танцы*. Пляска — мало интересна: неуклюжій намекъ на „русскую“ съ платочкомъ, при чемъ пляшущій, притопывая, приглашаетъ себѣ съ поклонами въ пару кого-нибудь изъ сидящихъ гостей. Была и „полька“ — нѣчто въ высшей степени комичное. Танцевалъ также молодой, но съ такимъ серьезнымъ видомъ, будто исполнялъ обязанность.

Танцы шли подъ „плясовую“:

№ 25. По мосту, мосточку, по калиновому,

Туда шелъ, пошелъ дѣтинушка молоденькій,

Молоденькій, приуборненькій,

На немъ голевой кафтанецъ,
Сволки дуются, раздуваются,
Мать калиная рубашечка алѣется,
На шейкѣ-то платокъ,
Аленькій цвѣтокъ,
Въ карманницѣ другой,
Тальнинскій голубой,
Во правой ручкѣ тросточка камышевая.
На тросточкѣ ленточка пофитовая.

Рис. 60. Семья Ивана Чихачева.

Самъ съ тростокой помахиваетъ,
Пофитовой ленточкой похваляется.

- „Ахъ, ленточка ала, мнѣ сударушка дала“
- „Дала, дала сударушка,
- „Пожаловала,
- „Пустила сухоту по моему животу,
- „Разсыпала печаль по моимъ яснымъ очамъ“.—

Пѣсни большею частью протяжны, „проголосны“. Когда я уходилъ съ пира, староста настоялъ проводить меня до

дому (саженей двадцать). Напрасно я отказывался и увѣ-
рялъ его, что совершенно трезвъ—„нельзя—это дѣлается изъ
уваженія“.

XII. Списокъ населенныхъ мѣстъ по Индигиркѣ:

Быть можетъ, будетъ не лишнимъ дать въ заключеніе
списокъ населенныхъ мѣстъ по Индигиркѣ.

Какъ уже неоднократно было упомянуто, верхоянскіе
мѣщане живутъ съ Ожогина по Индигиркѣ внизъ почти до

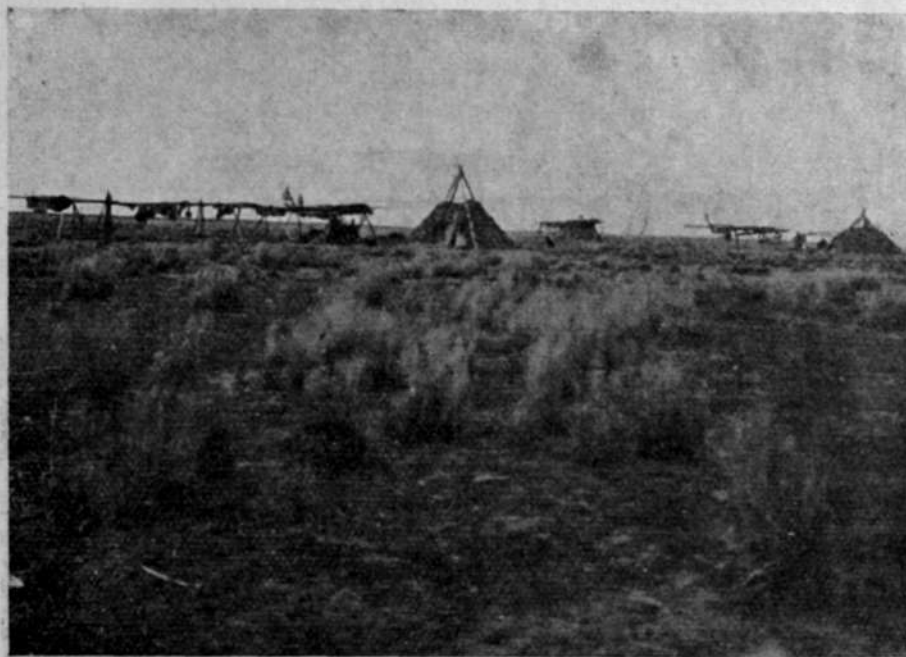

Рис. 61. Федоровское—лѣтники на Индигиркѣ, 25 верстъ внизъ по
рѣкѣ отъ Русскаго Устья.

самаго моря, т.-е. на протяженіи почти 500 верстъ. Въ сто-
ронѣ отъ рѣки селеній нѣтъ (какъ и вообще въ этомъ
краѣ). Верстахъ въ 100—120 отъ моря Индигирка расхо-
дится тремя рукавами (Индигирка, Средняя, Колымская)—
жилье имѣется по всѣмъ этимъ тремъ падающимъ въ море
протокамъ. Границей верхоянскаго общества собственно
нужно считать Шевелево (60 верстъ отъ Русскаго Устья
кверху), т. к. съ Аллаихи начинаются уже якутскія мѣста, и

тѣ немногочисленные мѣщане, которые живутъ между Аллаихой и Ожогинымъ, имѣютъ больше связи и сношеній съ якутами и юкагирами, чѣмъ съ мѣщанскимъ обществомъ.

За исходный пунктъ я возьму Русское Устье, такъ какъ оно является для всѣхъ мѣщанъ центромъ не только административнымъ, но и гражданскимъ. Списокъ составленъ мною на основаніи личныхъ разспросовъ (кстати: имѣвшаяся у

Рис. 62. «Семья Василья Чихачева въ Федоровскомъ».

меня географическая карта — неизвѣстнаго изданія, съ пометкой: „печатано въ VIII — 1909 г.“ — повидимому, лучшая изъ существующихъ, — очень неточна, кое-гдѣ прямо ошибочна и несомнѣнно устарѣла, такъ какъ на ней указаны селенія, теперь уже не существующія, напр., сс. Евдомка, Елонь, Колесово).

Русское Устье — 6 дымовъ: Иванъ Киселевъ — староста, Сергѣй Скопинъ — писарь (бывшій уг. ссыльный), Николай

Шелуховскій, Тихонъ Чихачевъ, Иванъ Чихачевъ („Алѣсь“), Иванъ Шкулевъ („Мокачанъ“).

Внизъ отъ Русскаго Устья.

Стариково (15 верстъ отъ Р. У.)—5 дымовъ: Иннокентій Чихачевъ, Константинъ Чихачевъ, Семенъ Чихачевъ, Николай Чихачевъ, Николай Гавр. Чихачевъ („Гавриленокъ“).

Горлышко (20 в. отъ Р. У.) — 2 дыма: Александръ Чихачевъ.

Кузьмичево (22 в. отъ Р. У.)—1 дымъ: Егоръ Чихачевъ.

Шаманово (25 в. отъ Р. У.)—1 дымъ: Яковъ (крестьянинъ Усть-янскаго крестьянскаго общества).

Орѣхино (28 в. отъ Р. У.)—1 дымъ: Василій Чихачевъ.

Федоровское (30 в. отъ Р. У.)—1 дымъ: Дмитрій Ивановичъ (юкагирь).

Осколково (40 в. отъ Р. У.) — 3 дыма: Кипріянь Рожинъ, Алексѣй Киселевъ, Левъ (крестьянинъ).

Лобазное (45 в. отъ Р. У.) — 1 дымъ: Митрофанъ Чихачевъ.

Косухино (50 в. отъ Р. У.—до открытаго моря 30 верстъ)—6 дымовъ: Егоръ Голыжинскій, Семенъ Голыжинскій, Митрофанъ Голыжинскій, Иванъ Шкулевъ („Губернаторъ“), Николай Шкулевъ, Семенъ Киселевъ.

На рѣкѣ Средней—къ В отъ главнаго русла Индигирки.

Хатыстахъ (20 в. отъ Р. У.)—4 дыма: Семенъ Шкулевъ, Кипріянь Шкулевъ, Егоръ Шкулевъ, Петръ Рожинъ.

Крутая (21 в. отъ Р. У.)—3 дыма: Иванъ Шкулевъ, Николай Шкулевъ, Петръ Новгородовъ (якутъ).

На рѣкѣ Колымской—къ В отъ Средней.

Лундино (36 в. отъ Р. У.) — 2 дыма: Петръ Новгородовъ (якутъ), Галактіонъ Суздаловъ.

Станчикъ (прежнее Станичниково, 50 в. отъ Р. У.)—5 дымовъ: Григорій Кочевщиковъ, Вахрамей Кочевщиковъ, Настасья Новгородова (якутка), „Ушканчикъ“ (якутъ), Егоръ Новгородовъ (якутъ).

Хабымино (15 в. внизъ по Колымской отъ Станчика) — 1 юрта: людей нѣтъ.

Косово (25 в. отъ Станчика) — 2 дыма: Гаврило Портнягинъ (крестьянинъ), Яковъ Портнягинъ (крестьянинъ).

Яръ (35 в. отъ Станчика) — 3 дыма: Иванъ Портнягинъ (крестьянинъ), Николай Рожинъ, Иванъ Рожинъ.

Колесово (50 в. отъ Станчика, 15 в. до открытаго моря): людей нѣтъ.

Блудное (между Колесовымъ и Яромъ мѣстечко) — людей тоже нѣтъ.

Рис. 63. Алексѣй Киселевъ изъ Осколкова.

На Алазень (отъ Колесова 100 в. къ В) — 1 дымъ: Иванъ Шелкановъ.

Вверхъ по Индигиркѣ отъ Русскаго Устья:

Бородино (30 в. отъ Р. У.) — 3 дыма: Алексѣй Черепинъ, Иванъ Черепинъ, Кохосъ („Гагара“) — якутъ.

Шевелево (60 в. отъ Р. У.) — 6 дымовъ: Улита Терентьевна (якутка), Егоръ Голыжинскій, Анна Шелканова, Лазарь (якутъ), Николай (якутъ), Петръ (якутъ).

Аллаиха, (якутскій поселокъ, въ 120 в. отъ Р. У. и „маленькихъ“ 60 в. отъ Шевелева); (около 10 дымовъ) мѣщанъ, живущихъ самостоятельнымъ хозяйствомъ, въ Аллаихѣ совсѣмъ нѣтъ; лишь двое (Анна, „Мастохъ“) обьякутившихся живутъ работниками.

Шанское (170 в. отъ Р. У.)—1 дымъ.

Якутскія юрты (210 в. отъ Р. У.)—1 дымъ.

Эрча (260 в. отъ Р. У.)—1 дымъ.

Похвальное (310 в. отъ Р. У.)—1 дымъ: Николай Стрюковъ.

Ожонино („Трапезникъ“) (380 в. отъ Р. У.)—1 дымъ: Адрианъ Банщиковъ.

Верхоянскъ,
февраль 1913 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе В. В. Богданова	3
I. Географическія условія	7
II. Прошлое Русскаго Устья	10
III. Хозяйство	28
IV. Промыслы	45
V. Пища	60
VI. Общественная жизнь	70
VII. Характеръ. Нравы. Обычаи	78
VIII. Вѣрованія	93
IX. Особенности языка	103
X. Пѣсни	111
XI. Обряды	122
XII. Списокъ населенныхъ мѣстъ по Индигиркѣ	129
